

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (24) 2018

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, доцент
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., доктор юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., доктор юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд. юрид. наук, д-р права,
магистр административных наук
Попов Е.А., д-р филос. наук, доцент
Сизимова О.Б., д-р юрид. наук, доцент
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Анохина С.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р.С., канд. юрид. наук
Ермаков С.В., канд. юрид. наук
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Кругликова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Москвитин Ю.Н., канд. ист. наук
Репьев А.Г., канд. юрид. наук
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Суверов Е.В., д-р ист. наук, профессор
Черепанова Л.В., канд. юрид. наук, доцент
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 23.11.2018.
Выход в свет 28.11.2018.
Заказ № 550. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 21,5. Тираж 109 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2018

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (24) 2018

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Anichkin E.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Anisimov P.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Baranov A.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Beketov O.I., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Buchakova M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Filippov P.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kim D.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kharitonov A.N., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Knjazkov A.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Kodan S.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Koryakin I.P., PhD. (Doctor of Juridical Sciences)
Kuzmina I.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Maile A.D., PhD. (Candidate of Juridical Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences)
Mazunin Ya.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Popov Ye.A., PhD. (Doctor of Philosophical Sciences), assistant-professor
Sizemova O.B., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sumachev A.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sharapov R.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Shepel T.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Editorial Review Board:

Anokhina S.Yu., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Bublik I.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Galiev R.S., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakov S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Kruglikova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Moskvitin Yu.N., PhD. (Candidate of Historical Sciences)
Repev A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Semenyuk R.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Suverov E.V., PhD. (Doctor of Historical Sciences), professor
Cherepanova L.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Chesnokov A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS77-57487 dated 27.03.2014.

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of sciences)

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's and printing office: 656038, Altai territory, Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation and publishing department.

Passed for printing 23.11.2018.
Issue date 28.11.2018.
Order 550. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 21,5.
Issue 109 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Акапьев В.Л., Дрога А.А., Савотченко С.Е.</i> Проблемы определения правовой природы публичных баз данных.....	7
<i>Грозина Е.В.</i> Тенденции развития российского государства.....	13
<i>Ивардава Л.И.</i> Сфера и пределы правового регулирования в условиях современного правопорядка.....	17
<i>Коновалова Л.Г.</i> Парламентское право: правовая природа, источники.....	22
<i>Манукян Г.А.</i> Международная деятельность субъектов Российской Федерации в первое десятилетие XXI века: тенденции и перспективы.....	28
<i>Чесноков А.А.</i> К вопросу о значении публичной достоверности в российской правовой системе.....	34
<i>Юрицин А.А.</i> Когнитивные противоречия категории «власть» и их значение для юридической науки.....	39

Административное право и административный процесс

<i>Глазунова И.В., Алгазина А.Ф.</i> Юрисдикционная функция саморегулируемых организаций: содержание и особенности осуществления.....	45
<i>Кригер Ю.А., Федяев Е.А.</i> Возбуждение производства по делу об административном правонарушении сотрудниками полиции в отношении неустановленного лица.....	49
<i>Опальский А.П., Тырышкин В.В.</i> Административно-правовые методы государственного управления органами внутренних дел (на примере стратегического анализа).....	53
<i>Яковлева Е.В.</i> Административная ответственность за правонарушения против порядка управления, предметом которых являются официальные документы.....	57

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Базаров П.Р.</i> Загрязнение морской среды: общественная опасность, уголовно-правовая характеристика....	61
<i>Борисов С.В., Чугунов А.А.</i> Форма и содержание вины в преступлениях, связанных с нарушением требований охраны труда и правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, а также на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах.....	67
<i>Бугера М.А., Шаганова О.М.</i> Спорные вопросы определения возраста несовершеннолетнего потерпевшего в преступлениях, предусмотренных статьями 150, 151 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	74
<i>Бугера Н.Н., Штаб О.Н.</i> Квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц»: проблемы толкования.....	79
<i>Лебедь А.Л.</i> Типология криминальной активности посетителей в розничных сетевых магазинах (на материалах Сибирского федерального округа).....	83
<i>Репецкая А.Л., Малыхина Т.А.</i> Проблемы квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ).....	89
<i>Шатилович С.Н.</i> Правовые и организационные основы неотвратимости дисциплинарной ответственности и наступления иных негативных последствий для сотрудников органов внутренних дел за управление автотранспортом в состоянии опьянения.....	94
<i>Шенин В.М.</i> К вопросу об уголовном проступке как преступлении небольшой тяжести в сфере охраны окружающей среды.....	100

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Арсенова Н.В.</i> Признание вины, полученное при проверке сообщения о преступлении, как доказательство по уголовному делу.....	105
<i>Гулина Е.В.</i> Основные направления расследования коррупционных преступлений в высших учебных заведениях.....	111
<i>Ермаков С.В., Давыдов С.И.</i> Провокация совершения преступления: оперативно-разыскной и уголовно-правовой аспекты.....	115
<i>Михалева Д.А.</i> К вопросу об изучении личности подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений.....	120

<i>Нугаева Э.Д.</i> Взаимодействие сотрудников органов предварительного расследования со средствами массовой информации при выявлении, раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершенных при оказании оккультных услуг	124
<i>Прокофьева Е.В., Якутина О.С.</i> Возможности выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями	129
<i>Третьякова Е.И.</i> Проблемы изъятия криминалистически значимой информации из сети Интернет	137

Гражданско-правовые отношения

<i>Грошев С.Н., Изингер А.В.</i> Правовой анализ проблемы гендерного неравенства в Российской Федерации ..	141
<i>Мальбин Д.А., Мельник С.В.</i> Заявление о пропуске исковой давности на стадии прений: теоретические проблемы	146
<i>Одиноква А.В.</i> Содержание мер повышенной юридической ответственности специального субъекта в гражданско-правовой сфере	151
<i>Пятков Д.В.</i> Физическое лицо как вид правосубъектности в гражданском праве и предпринимательской деятельности.....	155
<i>Хужин А.М., Михин А.В.</i> О некоторых проблемах исполнения (неисполнения) судебных актов	160
<i>Черепанова О.С.</i> Проблема компенсации морального вреда, причиненного преступлением имущественного характера (по материалам судебной практики)	165
Перечень публикаций в научном журнале «Алтайский юридический вестник» за 2018 год.....	170

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Akapev V.L., Droga A.A., Savotchenko S.E.</i> The Problems of Determining the Legal Nature of Public Databases ...	7
<i>Grozina E.V.</i> Trends in the Development of the Russian State	13
<i>Ivardava L.I.</i> The Scope and Limits of Legal Regulation in the Conditions of Modern Law and Order	17
<i>Konovalova L.G.</i> Parliamentary Law: Legal Nature, Sources	22
<i>Manukyan G.A.</i> International Activity of the Entities of the Russian Federation in the First Decade of the XXI Century: Trends and Prospects.....	28
<i>Chesnokov A.A.</i> Revisiting the Importance of Public Credibility in the Russian Legal System	34
<i>Yuritsin A.A.</i> Cognitive Contradictions of the Category of Power and their Significance for the Legal Science...	39

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Glazunova I.V., Algazina A.F.</i> Jurisdictional Function of Self-Regulatory Organizations: the Contents and Features of the Implementation	45
<i>Kruger Ju.A., Fedyaev E.A.</i> Commencement of Proceedings on Administrative Violation by Police Officers against Unknown Person.....	49
<i>Opalsky A.P., Tyryshkin V.V.</i> Administrative and Legal Methods of State Management of Internal Affairs Bodies (on the Example of Strategic Analysis)	53
<i>Yakovleva E.V.</i> Administrative Responsibility for Offenses against an Order of Management which Subject are Official Documents	57

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Bazarov P.R.</i> Marine Pollution: Public Risk, Criminal Characteristics	61
<i>Borisov S.V., Chugunov A.A.</i> The Form and Content of Guilt in the Crimes Related to Violation of Requirements of Labor Protection and Safety Rules during Mining, Construction or other Works, as Well as on Explosive Objects or in Explosive Shops	67
<i>Bugera M.A., Shaganova O.M.</i> Controversial Issue of Age Determination of the Juvenile Injured in the Crimes under Articles 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation	74
<i>Bugera N.N., Shtab O.N.</i> Aggravating Circumstance «Against Two or More Persons»: Problems of Interpretation.....	79
<i>Lebed A.L.</i> Typology of Criminal Activity of Visitors in Retail Chain Stores (on the Materials of the Siberian Federal District)	83
<i>Repetskaya A.L., Malykhina T.A.</i> Problems of Qualification of Illegal Production (Catch) of Aquatic Biological Resources (Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	89
<i>Shatilovich S.N.</i> The Legal and Organizational Basis of the Inevitability of Disciplinary Responsibility and Offensive other Negative Consequences for Employees of the Internal Affairs Bodies for Driving in a State of Intoxication.....	94
<i>Shenshin V.M.</i> Revisiting Criminal Offense as a Crime of Little Gravity in the Area of Environment.....	100

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Arsenova N.V.</i> Confession of Guilt in a Crime Obtained during the Verification of a Crime Report as Evidence in a Criminal Case.....	105
<i>Gulina E.V.</i> The Main Areas of Investigation of Corruption Crimes in Higher Educational Institutions.....	111
<i>Ermakov S.V., Davidov S.I.</i> Crime Provocation: Operatively-Investigative and Criminal Aspects.....	115
<i>Mikhaleva D.A.</i> Revisiting Studying the Suspect's (Accused) Personality During the Investigation of Crimes ...	120
<i>Nugaeva E.D.</i> Cooperation of Employees of Bodies of Preliminary Investigation with the Media in Identifying, Disclosing, Investigation and Prevention of Frauds Committed under the Provision of Occult Services	124
<i>Prokofieva E.V., Yakutina O.S.</i> Possibilities of Identification of Fingerprints of Fingering Hands Abandoned by Fat Pollutants	129
<i>Tretiakova E.I.</i> Problems of Withdrawing Criminalistically Significant Information from the Internet Network....	137

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Groshev S.N., Izinger A.V.</i> Legal Analysis of the Gender Inequality Problem in the Russian Federation.....	141
<i>Malbin D.A., Melnik S.V.</i> Application for the Omission of the Limitation Period at the Debate Stage: Theoretical Problems	146
<i>Odinokova A.V.</i> The Content of Measures of Increased Legal Responsibility of a Special Subject in the Civil Law Sphere	151
<i>Pyatkov D.V.</i> Natural Person as a Kind of Legal Personality in Civil Law and Business.....	155
<i>Khuzhin A.M., Mikhin A.V.</i> About Some Problems of Execution (Non-Execution) Judicial Act	160
<i>Cherepanova O.S.</i> The Problem of Compensation of the Moral Harm Caused by a Crime of Property Character (According to the Materials of Judicial Practice)	165

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 347.1:004.65

В.Л. Акапьев, канд. пед. наук

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

E-mail: akapevvl@yandex.ru;

А.А. Дрога

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

E-mail: ABulet@rambler.ru;

С.Е. Савотченко, доктор физ.-мат. наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

E-mail: savotchenko@hotmail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПУБЛИЧНЫХ БАЗ ДАННЫХ

В статье проведен анализ понятия публичных баз данных. Описаны особенности правовой природы государственных и муниципальных баз данных. Сформулированы признаки публичных интересов при использовании государственных и муниципальных баз данных.

Ключевые слова: базы данных, информационные ресурсы, информационное право, публичный интерес.

V.L. Akapev, PhD. (Candidate of Pedagogical Sciences)

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

E-mail: akapevvl@yandex.ru;

A.A. Droga

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

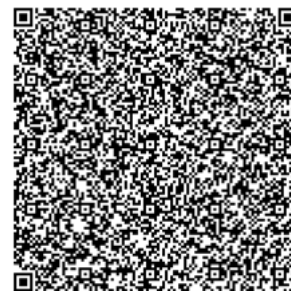
E-mail: ABulet@rambler.ru;

S.E. Savotchenko, PhD. (Doctor of Physical and Mathematical Sciences),

assistant-professor

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

E-mail: savotchenko@hotmail.ru

THE PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE OF PUBLIC DATABASES

The analysis of the concept of a public database is derived. The features of the legal nature of state and municipal databases are described. The signs of public interest of the using state and municipal databases are formulated.

Key words: databases, information resources, information law, public interest.

В условиях становления информационного общества и развития государственной информационной политики базы данных выступают важнейшим инструментом в решении проблемы систематизации государственных информационных ресурсов. Разноплановое использование электронных массивов информации в повседневной деятельности органов государственной власти подтверждает актуальность и значение выделения таких баз данных в отдельный вид и создания для них особого правового режима [3, 2].

Однако исследование правовой природы баз данных и проблем правового регулирования в отношении данного объекта права до настоящего времени проводилось преимущественно в рамках гражданского права [4]. Поэтому представляет интерес исследование правовой природы публичных баз данных как объекта информационных правоотношений комплексного характера.

Важнейшие преобразования в деятельности органов государственной власти в настоящее время связаны с реализацией мероприятий по упорядочению значительных массивов информации, необходимых для принятия эффективных управленческих решений и обеспечения взаимодействия органов публичной власти с гражданами и организациями. Такая информация приобретает качество жизненно важного информационного ресурса в сфере государственного управления [5].

Как отмечает Н.Н. Ковалева, без государственной информации на сегодняшний день «невозможно обеспечить эффективное взаимодействие государства и гражданского общества, поддерживать непрерывный управленческий процесс» [6]. Анализируя понятие и структуру государственного информационного ресурса, она вводит понятие «публичный информационный ресурс», понимая под ним сведения, сообщения, данные, в т.ч. традиционные, и документы в электронной форме, формируемые государственными и муниципальными органами. Публичные информационные ресурсы становятся важнейшими источниками получения юридически значимой информации о деятельности государственных органов.

Переход государственных органов на новые методы работы объективно требует проведения оцифровки и перевода огромных массивов информации в сфере публичной власти в электронную форму, в т.ч. форму баз данных. Именно они служат важнейшим средством, позволяющим аккумулировать и унифицировать информационные ресурсы системы государственного и муниципального управления, создавая условия как для информационного обеспечения деятельности органов власти, исполнения государственных и муниципальных функций, организации межведомственного информационного взаимодействия, так и для оказания государственных и муниципальных услуг и предоставления гражданам доступа к необходимым им сведениям. Одним словом, информация, систематизированная в базах данных, является основой для принятия управленческих решений, реализации главных функций государственного управления.

Поскольку базы данных приобретают особое значение в повседневной деятельности органов публичной власти, это подчеркивает актуальность и важность выделения таких баз данных в качестве отдельного вида (назовем их публичные базы данных) и установления для них особого правового режима.

Приоритетным признаком правовой природы публичных баз данных является особая сфера их использования – деятельность органов государственной власти.

Публичный характер баз данных как информационного ресурса прежде всего связан с их применением для предоставления государственных и муниципальных услуг, а также для исполнения государственных и муниципальных функций, что отражает один из аспектов их функционального предназначения в деятельности органов публичной власти. Причем законодатель, устанавливая правовой режим баз данных, нередко определяет цели их создания и использования. А в некоторых случаях формирование и ведение баз данных сами по себе являются самостоятельными публичными услугами, порядок предоставления которых прописывается в отдельных административных регламентах.

Например, публичный характер базы данных по учету трудовых арбитров определяется ее использованием для оказания Федеральной службой по труду и занятости государственной услуги по предоставлению сведений о трудовых арбитрах. Результатом этой государственной услуги является направление заявителю уведомления о предоставлении сведений о трудовых арбитрах, содержащихся в базе данных, или об отказе в предоставлении таких сведений [4].

Самостоятельными государственными услугами, основанными на использовании баз данных, являются также:

- государственная услуга по предоставлению информации о гидротехнических сооружениях из Российского регистра гидротехнических сооружений и доступа к сведениям базы данных Российского регистра гидротехнических сооружений (исполнитель – Федеральное агентство водных ресурсов);

- государственная услуга по предоставлению гражданам информации о детях, оставшихся без попечения родителей, из федерального банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей (исполнитель – Минобрнауки России) [5];

- государственная услуга по предоставлению сведений об итогах оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти и выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (исполнитель – Рособрандзор) [6].

Еще одним из важнейших направлений государственной политики, в котором особая роль отводится базам данных, является обеспечение информационной открытости, т.е. своевременного и беспрепятственного

доступа к достоверной и актуальной информации о деятельности органов публичной власти.

В связи с внедрением новых стандартов и требований к открытости деятельности органов власти усиливается роль баз открытых данных, призванных обеспечить размещение информации, к которой должен быть предоставлен всеобщий доступ.

Необходимость формирования таких баз данных отмечена на сегодняшний день во многих директивных документах федеральных органов государственной власти по различным направлениям социально-экономического развития страны.

Например, в Федеральной целевой программе развития образования на 2016-2020 гг. запланирован комплексный проект «Завершение разработки мониторинга системы образования, включая создание единой интегрированной системы открытых данных», в число мероприятий которого включены работы по совершенствованию механизмов использования открытых баз данных в управлении и оценке качества образования.

Стратегией развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 г. предусматривается полномасштабное функционирование «инновационного трансфера», в рамках которого планируется создание открытой базы данных инновационных проектов в медицинской науке.

В области науки и инноваций реализуется обозначенный государством приоритет по обеспечению открытого доступа исследователей и научных групп к программам грантового финансирования. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. указывается, что высокая прозрачность процедур отбора возможна только за счет обязательной публикации максимально полной информации о поступающих на конкурсы заявках и ознакомления участников конкурса по их требованию с отзывами на заявки этих участников на получение гранта [7].

Для обеспечения открытости процедур выделения средств на научные исследования в названном документе запланировано создание общенациональной открытой базы данных, содержащей информацию о получении исследователями и исследовательскими группами всех видов государственного финансирования из различных источников, что не только обеспечит прозрачность расходования средств, выделенных на проведение исследований по различным направлениям, но и позволит вести их детальный учет [7].

Дальнейшая реализация концепции открытых данных создаст основу для развития взаимовыгодного и эффективного сотрудничества между государством и гражданским обществом, в т.ч. путем разработки новых информационных сервисов (условий) для обеспечения удобства и своевременности доступа населения к достоверной информации о деятельности органов государственной власти.

Достоверность публичных баз данных также является одним из аспектов их правовой природы, который получил соответствующее правовое оформление в ст. 3

Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8] как принцип правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации. Используя сведения из государственных и муниципальных баз данных, лица, к ним обращающиеся, должны быть уверены в их достоверности и правовой надежности.

Ведь во многих случаях сведения, внесенные в такую базу данных, являются основанием возникновения прав и обязанностей участников правоотношений или подтверждают конкретные факты правовой действительности. Поэтому государство должно принять все необходимые меры для того, чтобы гарантировать своим гражданам правовую защищенность от преднамеренных или случайных нарушений их прав, связанных с недостоверностью официальной информации государства, содержащейся в базах данных в сфере государственного и муниципального управления.

Требование достоверности баз данных в сфере государственного и муниципального управления может считаться реализованным при условии постоянного пополнения и обновления базы данных для поддержания актуальности содержащейся в ней информации. Речь идет о качественной обработке информационных ресурсов с точки зрения их достаточности для решения конкретных задач пользователей и удовлетворения информационных потребностей, а также их максимального соответствия объективным образам действительности. Только своевременное обновление базы данных и поддержание ее в актуальном состоянии могут обеспечить доверительный характер содержащихся в ней сведений и возможность безусловного использования субъектами права в качестве исходных оснований для совершения юридически значимых действий.

Не менее важной категорией в познании особенностей правовой природы государственных и муниципальных баз данных является категория публичного интереса.

Теоретические основы концепции публичного интереса в отечественной юридической науке были разработаны профессором Ю.А. Тихомировым, который рассматривает публичный интерес как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [10]. «Это – официально признанные интересы, имеющие поддержку государства и правовую защиту». Такой же точки зрения придерживается Д.Н. Горшунов, который предлагает считать, что публичный интерес – это «признанные государством общественные интересы, выраженные в нормах права и обеспеченные принудительной силой государства» [2].

Позиции этих ученых основаны прежде всего на том, что публичный интерес, будучи признанным государством, получает обязательное выражение в нормах права. То есть публичные интересы образуют те общественные потребности, которые в настоящий момент

в силу объективной необходимости нуждаются в обеспечении надлежащей правовой защиты и от которых зависит реализация личностных интересов отдельного человека. В этом смысле признание государством публичного интереса и его выражение в нормах права служат гарантией устойчивого развития общества. Поэтому воплощенный в праве публичный интерес должен характеризоваться своей общественной значимостью и государственной направленностью и выступать как взаимобусловленный интерес общества и государства.

На современном этапе именно информационная сфера, являющаяся системообразующим фактором для развития общества, представляет собой площадку для проявления широкого спектра разного рода публичных интересов, без обеспечения которых невозможно удовлетворение других интересов, как личных, так и общезначимых публичных интересов государства и общества. Поэтому публичные интересы в информационной сфере определяют содержание государственной информационной политики, а создание условий для их реализации становится стратегической задачей нашего государства.

Ведущее место среди публичных интересов в информационной сфере принадлежит интересам в области формирования и использования государственных и муниципальных баз данных. В условиях назревшей проблемы модернизации страны базы данных являются не просто источником достоверной информации. Они являются информационно-ресурсной основой публичной власти, необходимой для внедрения новых методов принятия управленческих решений, исполнения публичных функций и реализации современных управленческих подходов, построенных на активном взаимодействии между государством и гражданским обществом. Поэтому публичные интересы в создании и использовании баз данных напрямую связаны с осуществлением государством своих полномочий, направленных на удовлетворение иных социально значимых потребностей в реализации обеспечения защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства.

Например, принятие нормативно-правовых актов, определяющих необходимость ведения единого банка данных по вопросам, касающимся оборота наркотических средств, подтверждает признание государством общественных потребностей в систематизированном учете сведений, характеризующих наркоситуацию в нашей стране, для осуществления постоянного мониторинга и своевременного реагирования в этой сфере. Общее благо, на обеспечение которого направлены мероприятия государства по созданию и ведению этого банка данных, состоит в противодействии незаконному обороту наркотических средств, лечении и медико-социальной реабилитации больных наркоманией.

Публичный интерес в создании банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, заключается в обеспечении централизованного учета детей и граждан, желающих принять детей на воспитание в свои се-

мьи. Сведения о детях, оставшихся без попечения родителей, содержащиеся в государственном банке данных, используются исключительно для оказания содействия в устройстве таких детей на воспитание в полноценные семьи и оказания содействия гражданам, желающим принять детей на воспитание в свои семьи, в подборе ребенка.

Тем самым признание государством этого публичного интереса и его правовое оформление являются одним из важнейших средств реализации основных начал семейного законодательства, согласно которым приоритет отдается воспитанию детей в семьях, заботе об их благополучии и развитии, защите прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Следовательно, публичные интересы при использовании государственных и муниципальных баз данных характеризуются по меньшей мере следующими признаками:

а) они являются общественно значимыми интересами, официально признанными государством и являющимися основой для развития законодательства в области формирования и использования государственных и муниципальных баз данных;

б) содержанием публичного интереса в создании и использовании баз данных являются потребности государства в обеспечении систематизированного учета в электронной форме сведений о наиболее важных с точки зрения практики развития общественных отношений фактах и событиях человеческой деятельности, субъектах и объектах права;

в) реализация публичных интересов в создании и использовании баз данных является условием организации межведомственного информационного взаимодействия, оказания публичных услуг и исполнения публичных функций, а также предоставления гражданам и организациям доступа к официальной информации;

г) публичный интерес в создании и использовании государственных и муниципальных баз данных связан с осуществлением органами публичной власти предоставленных им полномочий, направленных на удовлетворение иных общественно значимых потребностей, находящихся под защитой государства и обеспечивающих устойчивое развитие личности, общества и государства.

Важная роль в реализации публичных интересов в сфере формирования и использования баз данных принадлежит публичному праву, т.к. именно публично-правовые нормы призваны наиболее эффективным образом организовать деятельность публичных структур по упорядочению социально значимых информационных ресурсов.

Как отмечает Э.В. Талапина, «несмотря на то, что информационное право – яркий пример комплексной отрасли, регулирующей общественные отношения по поводу информации и ИКТ, его публично-правовые корни очевидны. Информационное право с самого начала своего формирования позиционировалось специалистами как дочерняя отрасль публичного права» [9].

В условиях развития информационного общества активная роль в модернизации государственного управления, по мнению Э.В. Талапиной, принадлежит информационному праву, «которому предстоит урегулировать основы электронного (цифрового) государственного управления, обновить институт права на информацию в механизме обеспечения информационной открытости, закрепить принцип транспарентности государственного управления» [9].

Поскольку публичные интересы в области формирования и использования государственных и муниципальных баз данных непосредственно связаны с реформированием государственного управления, именно отрасль информационного права, на наш взгляд, призвана обеспечить приоритет таких интересов.

С уверенностью можно констатировать, что расширение границ информационной деятельности, развитие информационных технологий в рамках информационного права определяют потребность в наличии специального законодательства, призванного регулировать отдельные механизмы упорядочения информационного потока.

Решению обозначенных проблем может способствовать дальнейшее развитие нормативной основы электронной формы взаимодействия в различных сферах общественной жизни в контексте информационного пространства электронного правительства.

Массив нормативных правовых актов, регламентирующих использование только федеральных информационных систем, по самым скромным оценкам превысил тысячу наименований. В это число не входят региональные правовые акты. Такой огромный массив нуждается в систематизации, определении «лучших практик» и выработке на их основе унифицированного подхода к правовому регулированию общественных отношений по поводу конкретных информационных систем. К сожалению, в настоящее время единообразия не наблюдается даже на уровне федеральных законов, причем не только в том, как урегулированы те или иные элементы правового режима государственных информационных систем (ГИС), но и в самом наборе элементов. У этой ситуации три объективные причины.

1. Как и в случае со множеством других информационных правоотношений, рассогласованность вызвана разной отраслевой принадлежностью норм. ГИС внедряются в различных отраслях государственного управления, решают различные отраслевые задачи. При почти полном отсутствии общих положений в Законе об информации законодатель подчиняет правовое регулирование конкретной информационной системы потребностям соответствующей отрасли.

2. Для многих ГИС правовые акты, регулирующие их использование, создаются уже под готовую систему. Таким образом, различный функционал систем обуславливает различия в их правовом регулировании.

3. Отсутствие общей правовой базы для всех государственных информационных систем. Ее наличие могло бы послужить системообразующим фактором, нивелирующим воздействие первых двух причин.

Отсутствие единой модели правового регулирования обусловлено не в последнюю очередь тем, что в половине случаев нормативные акты принимаются для легитимации уже существующей информационной системы. Унификация законодательной базы приведет к тому, что некоторые из этих систем перестанут удовлетворять требованиям закона.

Следовательно, потребуется их доработка или замена. А это, в свою очередь, не только повлечет существенные расходы из соответствующих бюджетов, но и нанесет удар по уже сложившимся общественным отношениям, для автоматизации которых создавались информационные системы.

Таким образом, после унификации законодательства в сфере государственных информационных систем, выработки правовой доктрины придется либо мириться с тем, что некоторые государственные информационные системы будут существовать в своем особом правовом поле, либо инициировать дорогостоящую (во всех смыслах) процедуру по приведению их в соответствие с новым законодательством. Отсюда следует, что начать эту работу необходимо как можно раньше.

Отечественный подход к использованию автоматизированных информационных систем в государственном управлении имеет определенные преимущества перед зарубежным (в частности, то, что касается усиления возможностей государственного учета и контроля), однако в настоящее время ввиду отсутствия системного правового регулирования он порождает и многочисленные проблемы.

При этом отказ от него в настоящее время уже вряд ли возможен. В связи с этим встает необходимость изучения этого нового для российской действительности правового явления с целью систематизации и упорядочивания нормативной базы, выявления и унификации лучших практик, построения базовой модели правового регулирования.

Анализ нормативной базы публичных информационных систем позволяет прийти к парадоксальному заключению: в то время как вопросы сбора информации регламентированы практически для каждой системы, вопросы *использования* этой информации практически не затрагиваются. Складывается впечатление, что законодатель принципиально не интересуется судьба собранной информации после попадания в систему: как она обрабатывается, как используется в деятельности государственных органов и используется ли вообще.

В заключение можно сделать вывод о том, что особенностью правовой природы баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления, является признак публичности, который определяется общественной значимостью баз данных для их использования в целях организации межведомственного информационного взаимодействия, оказания государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций, а также предоставления гражданам и организациям доступа к достоверной информации о деятельности органов публичной власти.

Литература

1. Амелин Р.В. К вопросу легального определения информационных ресурсов // Информационное право. 2016. № 2. С. 4-8.
2. Горшунов Д.Н. Интерес в частном праве: вопросы теории. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 176 с.
3. Жернова В.М. Определение правового режима информационных систем // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2015. № 13 (368). Вып. 42. С. 62-68.
4. Инюшкин А.А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4-7.
5. Калятин В.О. Личные неимущественные права в отношении баз данных // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 1. С. 7-16.
6. Ковалева Н.Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2014.
7. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 216.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.
9. Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 357 с.
10. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учебник. М.: Эксмо, 2008. 448 с.

УДК 34.01

Е.В. Грозина, канд. юрид. наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: ms.zima180@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена тенденциям развития современного российского государства, которые влияют на эффективное функционирование государства, отражают его смысл. Также рассмотрены требования, которым должно соответствовать правовое государство, особенности, проявляющиеся при реализации основных признаков правового государства. В нашей стране основные признаки несут специфические характеристики при реализации демократического режима, при осуществлении народовластия. Особенности политической системы общества влияют на развитие государства в целом. Значение политической системы отражается на тенденциях развития государства, таких как верховенство закона (господство права), качество правовых норм и наличие юридических конструкций, реализация прав и обязанностей человека и гражданина, соотношение естественных и субъективных прав граждан, разделение властей, уровень правосознания и правовой культуры граждан, их отношение к праву и закону.

Ключевые слова: правовое государство, верховенство права, права и свободы граждан, разделение властей, взаимная ответственность.

E.V. Grozina, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ms.zima180@mail.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE

The article is devoted to the development trends of the modern Russian state, which affect the effective functioning of the state, reflect its meaning. The same requirements which must meet the rule of law, especially manifested in the implementation of the main features of the rule of law. In our country, the main features are specific characteristics in the implementation of the democratic regime, in the exercise of democracy. Features of the political system of society affect the development of the state as a whole. The importance of the political system is reflected in the development trends of the state, such as the rule of law, the quality of legal norms, and the presence of legal structures, the implementation of human and civil rights and obligations, the relationship of natural rights and subjective rights of citizens, the separation of powers, the level of legal awareness and legal culture of citizens, their attitude to law and the law.

Key words: rule of law, rights and freedoms of citizens, separation of powers, mutual responsibility.

Политическая система – это не застывшее образование. Она постоянно развивается, соответственно, совершенствуется и государство как политический институт. В развитии современного государства можно выделить несколько тенденций. Рассмотрим основные.

Ведущей тенденцией в развитии российского государства следует считать стремление к созданию подлинно демократического правового государства. Данный тезис нашёл отражение в Основном законе нашей страны.

Современное демократическое государство мыслится в первую очередь как правовое. Современная модель правового государства вобрала в себя как опыт прошлого, так и достижения последних лет в части принципов демократии, прав человека и правового государства.

Правовое государство характеризуется:

1. Верховенством закона, в обществе господствует право. Никакая деятельность, никакой человек не могут ставить себя выше закона, т.к. закон един для всех. Если рассматривать отличие понятия «верховенство» от понятия «господство», то можно сказать, что господство устанавливается авторитетом самого права, а верховенство устанавливается принудительной силой.

Только в правовом государстве можно утверждать, что закон и право понятия тождественные. В других видах государств, например полицейском, закон и право отличаются [1, с. 32]. Закон отражает добро и справедливость точно так же, как и право. Формируется уважение к праву и закону посредством трех составляющих:

- принятие в законодательном процессе, а именно весь правотворческий процесс основан на следующих стадиях: разработка текста законопроекта, рассмотрение нижней палатой в 3-х чтениях, рассмотрение верхней палатой, подписание главой государства, опубликование в официальных источниках;

- содержат приоритет прав и свобод человека и гражданина, а точнее все нормы права должны содержать моральные установки. Граждане руководствуются в своих действиях понятием добра и зла, а потом уже разграничивают правомерное поведение и противоправное поведение;

- содержат эффективные юридические конструкции.

Хотелось бы остановиться на них подробнее. Юридические конструкции – это механизм реализации правовых норм и структура правовой нормы. От качественной юридической конструкции зависит эффективность реализации и применение правовых норм. Также с этим непосредственно связано толкование норм права. Юридические конструкции – это самая важная часть правотворчества. Для того чтобы научиться создавать их, необходимо создать научную и практическую основу для обучения специалиста в данной сфере. Это не только касается законодателей федерального уровня, но и уровня регионального.

Юридическая конструкция отражает деятельность правотворческого органа. Приведем следующий при-

мер: если в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ нет всех элементов состава преступления, то механизм реализации является частичным, юридическая конструкция неполноценна. В Уголовном кодексе РФ нет материальной нормы, касающейся состава преступления, в которой бы отражались все элементы: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. В таком случае каким образом все правоприменители знают про эти 4 элемента? Ответ очевиден – из науки уголовного права, а в этой науке оно появилось из общей теории права. Но при этом необходима норма закона, указывающая на это. Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет, что одним из оснований отказа в возбуждении уголовного дела является отсутствие состава преступления, т.е. процессуальная норма ссылается на материальную, которой не существует.

Таким образом, наблюдаем юридический парадокс, а точнее пробел в праве, который необходимо устранить при помощи создания новой правовой нормы. Законодателям необходимо внести дополнения в Общую часть Уголовного кодекса РФ, например, после статьи 14 УК РФ, рассматривающей понятия преступления, указать состав преступления с указанными выше элементами. Тем самым материальная норма появится в кодифицированном нормативно-правовом акте (УК РФ), что позволит процессуальной норме из Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) иметь основания ссылаться на отсутствие состава преступления при отказе возбуждения уголовного дела.

Таким образом, мы показали некоторые несоответствия в юридических конструкциях.

2. Наличием и реализацией в обществе объёма прав и свобод граждан на примере Всеобщей декларации прав человека. Население государства не всегда знает различие между правами и свободами, что является показателем весьма низкого уровня правосознания граждан, иногда свободы вызывают ассоциацию своеобразного произвола – «что хочу, то и делаю», но это не так.

Права и свободы заканчиваются там, где начинаются права и свободы другого человека, «коридор», по которому двигаются волеизъявления одного, пересекать нельзя. Набор субъективных прав каждого человека свой, одинаковых не бывает, в течение жизни человек сам выбирает, какие поступки ему совершать. В данном контексте неважно положительные поступки будут или отрицательные.

В теории естественного права, где находятся все права, даруемые природой человека, нет деления на положительные и отрицательные поступки. Там собрано все, примером могут являться «право на жизнь», «право на смерть». Если рассматривать дальше, то можно увидеть, что «право на жизнь» попадает в объективное право (в Конституции РФ закрепляется), «право на смерть» остается в субъективном праве, т.к. человек сам решит использовать данное право или нет. Поэтому права человека по видам отличаются. Необходимо государству обратить внимание на данный вопрос и не отворачиваться от него, а урегулировать с законодательной позиции.

3. Разделением властей и их взаимодействием через систему сдержек и противовесов. Данный признак является на первый взгляд несложным. Смысл разделения властей заключается в следующем: ни одна ветвь власти не должна вмешиваться в деятельность другой.

Но если мы будем рассматривать нашу систему властей, то увидим, что исполнительная власть издает подзаконные нормативно-правовые акты, такие как постановления Правительства РФ, приказы различных министерств. То есть исполнительной власти делегируют полномочия законодательной власти [2, с. 11-12]. Это является особым видом правотворческой деятельности. Другой пример – судебная власть издает постановления Пленумов Верховного Суда РФ.

При этом не нужно забывать, что в теории государства и права существуют различные виды правотворчества – делегированное и санкционированное. Вышеуказанные примеры относятся к данным видам, поэтому никаких нарушений разделения властей нет.

4. Законопослушанием граждан и их правовым сознанием и культурой. Правосознание – это взгляды, эмоции, чувства, ориентированные на право. Правосознание состоит из правовой идеологии, правовой психологии. Правовая идеология – это рациональная оценка права, правовая психология, эмоциональная оценка права. От этих элементов зависит уровень правосознания. Уровни делятся на высокий, средний и низкий.

Законопослушные граждане обладают средним или высоким уровнем правосознания. Это отражает уважение к праву, частичное ориентирование в правовой сфере, соблюдение основных требований. Необходимо стремиться формировать и повышать уровень правосознания в силу собственных убеждений. Это имеет огромное значение для развития общественных отношений и для формирования правомерного поведения. Еще одной составляющей является правовая культура – это глубокое понимание права как необходимости, осознанной для человека, является частью культуры общей и отражает отношение к праву. Уровни правовой культуры такие же, как и уровни правосознания. В поведении людей можно наблюдать и то и другое. Каким образом общество пытается решить конфликтную ситуацию, такой уровень правовой культуры и правосознания у него присутствует.

Не нужно забывать и о формах правосознания – это правовой нигилизм и правовой романтизм. Эти явления больше негативного характера, чем положительного, т.к. являются перекосами в правосознании людей. Правовой нигилизм – это отрицание права как явления, отрицание всех имеющихся законов и правил, которые, по их мнению, мешают жить. Люди, обладающие правовым нигилизмом, чаще остальных совершают правонарушения. Они стремятся при помощи силы решить все возникающие вопросы в своей жизни, пытаются своим примером привлечь несовершеннолетних. Это отражается и на авторитете правоохранительных органов. Что не вызывает сомнений в отрицательном влиянии на общество.

Правовой романтизм – это завышенные требования к праву как явлению, при помощи которого решение любого вопроса происходит в рамках права. Данная форма отражает смысл урегулирования всех абсолютно сфер жизни при помощи норм права. Этого быть не может, т.к. законов не должно быть слишком много, они должны обладать качественной характеристикой.

Граждане должны четко представлять, что нормы права – это «не панацея от всего», что может произойти, а лишь регулятор общественных отношений, т.к. в сферу социального регулирования входит достаточно других регуляторов общественных отношений. К ним относятся нормы морали, обычаи, религиозные нормы, корпоративные нормы. Каждая из них имеет свой спектр воздействия. Существует мнение, что данные виды социальных норм недостаточно важны, т.к. за их нарушение наступает социальная ответственность как общественное порицание или осуждение [3, с. 43]. Но такой вид ответственности нельзя недооценивать. В отличие от ответственности юридической, которая имеет свойство заканчиваться, социальная оканчивается не имеет и накапливается, как «снежный ком», за негативное поведение со стороны морали, обычая, религиозных норм, корпоративных. Все вышеупомянутое отражается на законопослушном поведении граждан.

5. Действием в обществе демократических принципов и процедур. Важнейшим является принцип «разрешено всё, что не запрещено законом», который является типом правового регулирования общественных отношений. Вообще не только принципы правового регулирования будут основой демократических принципов и процедур, но и механизм, стадии правового регулирования, предмет и метод, а также способы правового регулирования общественных отношений. Правовое регулирование необходимо для наведения порядка в обществе, т.е. необходимо упорядочивать общественные отношения в зависимости от сложившейся ситуации в обществе; на тип и характер ситуации, складывающейся в обществе, оказывают влияние множество факторов – от этапа развития общества, установленных правил поведения в определенной общности людей до отдельных моральных установок, а также воли поведения конкретного индивида.

Регулирование как процесс, протекающий в обществе, в свою очередь, представляет собой целенаправленное воздействие как на всю совокупность процессов, протекающих в обществе, так и поведение конкретного индивида в той или иной ситуации [4, с. 51]. Регулирование, в свою очередь, основывается на нормах и правилах поведения, установленных в обществе. Посредством регулирования устанавливаются возможности ограничения деятельности вызывать в управляемом объекте мотивацию и целеполагание, желаемое со стороны субъекта управления.

В развитии современного российского государства прослеживается также тенденция децентрализации государственной власти. Власть перераспределяется между

высшими государственными структурами в пользу местных структур в целях придания им больших демократических начал и самостоятельности решений, т.е. развивается самоуправление. Такое перераспределение функций между органами государственной власти и органами местного самоуправления должно способствовать де-

мократизации на местах, более широкой вовлечённости граждан в управленческий процесс, в процесс принятия политических и социально-экономических решений.

Применение в совокупности вышеуказанных тенденций позволяет более эффективно функционировать государственной власти в интересах населения.

Литература

1. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2016.
2. Кулакова Ю.Ю. Способность государства к демократии // История государства и права. 2012. № 11.
3. Лановая Г.М. Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность? // История государства и права. 2016. № 11.
4. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.

УДК: 34.01

Л.И. Ивардава

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

E-mail: Ivardava@bk.ru

СФЕРА И ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА

Вопрос описания и определения современного правового порядка является весьма и весьма существенным как в академической науке, так и в практическом изложении в трудах практикующих юристов. Основная сложность заключается в многоуровневой структуре такого явления, как правовой порядок, а также в зависимости правового порядка как такового от иных форм человеческой деятельности.

В данном исследовании автор постарался с теоретической точки зрения и с позиций юридической науки дать определение сфере правового регулирования в условиях современного правового порядка, а также обозначить его возможные пределы. Исследование, таким образом, состоит из двух больших частей. В первой будет уделено внимание таким понятиям, как современный правовой порядок и сфера правового регулирования. В этой же части будут обозначены коррелирующие аспекты двух данных явлений. Во второй части будет предпринята попытка определить современные формы пределов правового регулирования, отталкиваясь от предыдущих определений сферы правового регулирования в условиях современного правового порядка.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовой порядок, сфера правового регулирования, пределы правового регулирования, правоведение.

L.I. Ivardava

postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

E-mail: Ivardava@bk.ru

THE SCOPE AND LIMITS OF LEGAL REGULATION IN THE CONDITIONS OF MODERN LAW AND ORDER

The question in the description and definition of the modern legal order is a very significant issue, both in academic science and in practical exposition in the writings of practicing lawyers. The main difficulty lies in the multilevel structure of such a phenomenon as the rule of law and depending on the rule of law as such from other forms of human activity. In this case, the rule of law makes sense to study not only through the prism of jurisprudence, but also from the point of view of sociological, psychological and economic sciences.

The author has tried from the theoretical point of view and from the standpoint of legal science to define the scope of legal regulation in the context of modern law and order, and to indicate its possible limits in this study. Strictly speaking, the study consists of two large parts – the first will pay attention to such concepts as the modern legal order and the sphere of legal regulation. In this part, the correlating aspects of both aspects will be indicated. In the second part, an attempt will be made to determine the current forms of the limits of legal regulation, starting from previous definitions of the sphere of legal regulation in the current legal order.

Key words: legal regulation, law and order, sphere of legal regulation, limits of legal regulation, jurisprudence.

Сфера правового регулирования и ряд иных смежных понятий не могут быть корректно определены без формулировки понятия «правопорядок». И уже на этом уровне исследователи выделяют множество рабочих дефиниций, которые хоть в целом актуальны и эффективны при рассмотрении конкретных вопросов, однако не отличаются полнотой.

Так, например, отечественный исследователь А.Д. Соловьева выделяет международный и национальный (суверенный) правопорядок [11, с. 20]. При этом если с определением национального правопорядка не возникает существенных сложностей (собственно к самому определению мы вернемся несколько позже), то при составлении дефиниции международного правопорядка сразу появляется несколько насущных затруднений, которые лежат далеко за пределами юриспруденции.

Понятие правопорядка весьма тесно связано с экономическим, политическим, социальным и даже психологическим аспектами повседневной жизни человека [12, с. 10]. Ярким примером как раз является международное право, когда в рамках одной культурной традиции, одного этноса (а иногда и в рамках одного государства) на разных территориях действует разный правопорядок, разные правовые нормы – в континентальном Китае и Гонконге, Южной и Северной Корее, разных штатах и неинкорпорированных территориях Соединенных Штатов Америки и т.д. [3, с. 90]. Очевидно, что юридические различия в статусах территорий и правовом регулировании на них имеют характер следствия, причины же таких различий кроются глубоко в истории народов и стран, их повседневной жизни, развитии социума, принятых категориях приемлемости/неприемлемости и т.д.

Мы, однако, постараемся не углубляться столь далеко и посмотрим на сферы правового регулирования в рамках национального и международного правопорядка с точки зрения исключительно юриспруденции. Более того, именно с этой точки зрения и будет предпринята попытка определить возможные пределы правового регулирования в условиях современного правопорядка.

Как отмечают современные отечественные исследователи, категория правопорядка была введена в юридический понятийный аппарат более ста лет назад, но в конечном итоге каждый исследователь, обращавшийся к изучению этого понятия, добавлял какие-то свои мысли, свое видение, отражавшее субъективный метод познания самого автора [12, с. 11]. В конечном итоге некоторые авторы поставили под сомнение не само понятие, но то явление, которое отражает это понятие, что можно сформулировать посредством вопроса: а существует ли правопорядок как данность и реальность неюридического характера вообще? Без сомнения, национальный, внутригосударственный правопорядок существует, но есть ли правопорядок выше национального уровня? Или же международный правопорядок – это некоторое академическое обобщение существующих разрозненно

норм и правил, согласованных между разными сторонами, но не обязательных для исполнения?

В отечественной науке одним из первых данный термин использовал Г.Ф. Шершеневич, который утверждал, что правопорядок – это единство прав субъекта и его юридические обязанности перед обществом [15, с. 204]. Более поздние советские исследователи, такие как Алексеев, Васильев, Самощенко, давали менее индивидуалистическое и более коллективистское толкование данного понятия: правопорядок – это состояние и степень урегулированности общественных отношений через нормы права [1, с. 307]. Эти же исследователи утверждали: правопорядок есть не что иное, как цель, цель всего правового регулирования [1, с. 308]. Установление правопорядка рассматривалось как итог действий регулирующих органов. Однако советская правоведческая наука ограничивалась утверждением о законности как изначальной идее правопорядка, и в этом случае само право являлось основой правопорядка [16, с. 8]. Однако право – явление в первую очередь общественное, государственное. Изменения законов и прав граждан в зависимости от нужд общества и степени его развития (например, технологического) вплоть до перемен с одних на прямо противоположные предпологались в теории, но не на практике.

В конечном итоге такая точка зрения привела к тому, что некоторые поздние исследователи не рассматривали правопорядок всерьез. Например, Л.С. Явич сводил правопорядок всего лишь к составной части общественного порядка в целом [16, с. 23]. Тем не менее такой ограниченный взгляд даже в области теории права не мог существовать продолжительное время, и в конечном итоге даже у современников – исследователей позднесоветского права этот подход вызвал определенное отторжение. Так, В.В. Борисов в некоторой степени произвел прорыв в правоведении, утверждая зависимость правопорядка от неюридических аспектов существования человеческого общества. В своих поздних работах он определял правопорядок как «объективно и субъективно обусловленное состояние социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью, урегулированностью системы правовых отношений, основанных на нормативных требованиях, принципах права и законности, а также на демократических, гуманистических и нравственных требованиях, правах и обязанностях, свободе и ответственности всех субъектов права» [2, с. 562].

Отечественные исследователи при детальном изучении вопроса о правопорядке приходят к выводу, что «в современных исследованиях правопорядок рассматривается как завершающий этап всех юридических форм и процессов, через который реально обеспечивается осуществление субъективных прав, исполнение юридических обязанностей всеми участниками правоотношений» [12, с. 12]. Фактически это определение подкрепляется такими субдефинициями, как: правопорядок – это определенная система; правопорядок – это

организация права; правопорядок – это совокупность общественных отношений.

Все это прекрасно работает при определении правопорядка в рамках одной территории с определенным правовым режимом (или территорий со взаимосвязанными режимами), но, выходя на уровень международного правопорядка, исследователи сталкиваются с рядом значительных и едва ли разрешимых трудностей.

В целом все согласны с тем, что международный правопорядок трудноопределим, а «наука международного права пока еще не располагает не только сколько-нибудь значительной работой по вопросу о международном правопорядке, но и его более или менее четким определением» [6, с. 119].

Основная трудность заключается в том, что в отличие от национального правопорядка в международном отсутствует гарант правообеспечения. На национальном уровне гарантом права выступает само государство и различные его органы – полиция, судебные органы и т.д. На международном уровне даже крупные международные организации, такие как ООН (Организация Объединенных Наций), не могут гарантировать безопасность и право отдельных субъектов. Поэтому в конечном итоге международное право носит согласовательный и совещательный характер. В частности, даже в рамках двусторонних соглашений одна из сторон подчас выполняет лишь некоторую часть обязательств, игнорируя остальные. Конечно же, в некоторых случаях имеют место определенные формы давления на нарушителей международного правопорядка через Интерпол, санкции или даже военное вмешательство. Но в целом можно говорить о том, что все они носят спорадический, несистемный, а в некоторых случаях даже конъюнктурный характер и зависят от конкретной исторической ситуации или политической воли отдельных личностей или сообществ.

Это позволяет исследователям обобщать определение международного правопорядка до совокупности отношений, определяющихся взаимными международными договоренностями. Более детальное определение, с нашей точки зрения, дает Мюллерсон: «Международный правопорядок – это такое состояние международной системы, которое характеризуется достаточно высокой степенью соответствия фактического состояния международных отношений требованиям принципов и норм международного права» [9, с. 147].

Иными словами, Мюллерсон добавляет критерий исполнимости и выполнимости возложенных обязательств как обязательное условие для определения правопорядка. Таким образом, правопорядок в первую очередь – это состояние системы международных отношений.

Одновременно с этим правопорядок подразумевает наличие некоей сферы правовых отношений, регулируемых в рамках этого самого порядка. В определении сферы правового регулирования наблюдается исследовательский консенсус, который сводится к тому, что сфера правового регулирования представляет собой не

что иное, как совокупность общественных отношений, а лучше сказать, некое социальное пространство, которое, собственно, и контролируется с точки зрения права [8, с. 7].

Для международного права сфера правового регулирования может быть определена значительно легче, чем для его национального уровня. Это связано, с нашей точки зрения, в первую очередь с крайней неразработанностью норм международного правопорядка. Фактически эта сфера касается исключительно двух пунктов:

- взаимоотношений государств друг с другом;
- взаимоотношений государств с крупными субъектами права (корпорациями, хедж-фондами, общественными организациями и т.д.).

Совершенно иначе сфера правового регулирования выглядит на национальном уровне, где есть области гражданского права, уголовного права и т.д.

Строго говоря, регулируемое социальное пространство в рамках международного правопорядка куда меньше, чем в рамках национального.

Одновременно с этим, если сфера регулирования на национальном уровне практически не меняется последние десятилетия, то с международным правом все обстоит несколько иначе. Оно развивается и пополняется во многом благодаря ускоряющейся глобализации. Как следствие, сфера правового регулирования в международном правопорядке постоянно пополняется, причем важнейшую роль на данный момент играет именно отношение государств с крупными юридическими лицами негосударственного характера. Яркий пример – предоставление данных крупными IT-компаниями государствам и правительствам мира. Несмотря на то что IT-компания не имеют органов реализации власти наподобие полиции или судов, тем не менее их капиталоборот и масштабы сбора данных о миллиардах пользователей по всему миру позволяют им вставать в один ряд с некоторыми государствами по степени влияния на мировую политику и тем самым делают эти компании равными таким государствам в международном диалоге.

И основная проблема в данном случае лежит в формулировке максимально эффективных рабочих определений для сферы правового регулирования как в рамках международного, так и национального правопорядка, а также в строгом определении пределов правового регулирования.

Пределы правового регулирования.

Рабочее определение правопорядка (как в национальном, так и в международном разрезе) может звучать так: состояние системы взаимоотношений субъектов права (государств, отдельных граждан или юридических лиц), основанной на взаимном признании прав и обязанностей друг друга в рамках существующего режима правового регулирования. Важную роль играет именно правовое регулирование: меняется оно – меняется и состояние всей системы.

Соответственно, сфера правового регулирования в данном случае измеряется чисто количественно: чем

больше областей подвергается правовому регулированию, тем сфера правового регулирования больше.

Второй момент данного рабочего определения заключается в вопросе признания прав и обязанностей друг друга. На самом деле он может и чаще всего носит директивный характер. Отдельный гражданин хоть и имеет возможность через определенные каналы взаимодействия с государственной машиной диктовать свою волю и реализовывать свои права, тем не менее находится в подчинённом отношении к государству. И связано это далеко не с тем, что государство – это некий общественный институт угнетения, а с тем, что в большинстве случаев общественное благо выше индивидуального. С другой стороны, подобная директивность на международном уровне не всегда возможна, и там начинают действовать согласовательные особенности установления прав и обязанностей.

Ряд исследователей видят в таком образе формирования правового регулирования отсылки к философии Гегеля, совершенно верно отмечая, что современная правовая культура как на национальном уровне, так и на международном сформировалась в XIX веке. И гегельянство внесло свой решительный вклад в ее формирование [10, с. 52].

Так или иначе, но пределы правового регулирования в этой парадигме зависят исключительно от воли того, кто их устанавливает. Эта точка зрения, конечно же, не верна в корне, поскольку сами пределы – и современное правоведение говорит нам об этом – имеют как субъективный, так и объективный характер [5, с. 17].

Действительно, в некоторых случаях законодатель имеет возможность регулировать определенные аспекты жизни людей, которые, с точки зрения самого общества, носят, несомненно, важный характер. В качестве примера можно привести установление обязательного ношения определенной одежды на законодательном уровне в некоторых странах исламской культуры. Однако для остального мира, в частности для стран, где нет исламской культуры, такой запрет не имел бы под собой оснований.

Однако иногда законодатель не имеет возможности привести в исполнение законы и регулятивные нормы, им изданные. Например, блокирование сервиса мгновенных сообщений Telegram не привело к успеху в силу технических особенностей самого сервиса [4, с. 32].

Иными словами, существуют субъективные и объективные пределы правового регулирования. В первом случае законодатель имеет возможность решать, расширять ли ему сферу правового регулирования или нет. В случае с объективными пределами законодатель даже при желании не сможет контролировать определенные отрасли или сферы жизни человека. Как правило, объективные пределы продиктованы особенностями биологии человека, физических законов природы и аспектов функционирования современной техники.

При этом нужно отдавать должное тому факту, что современный правовой порядок меняется, а именно, исходя из правового порядка как состояния отношений субъектов

права, можно корректно говорить о пределах правового регулирования.

Как отмечают Д.А. Пашенцев и Н.Н. Черногор, научная картина, в т.ч. и в области правоведения, стремительно меняется, и на смену таким критериям, как детерминизм, объективность, универсальность и т.д., приходят новые – плюрализм, учет ненаучного мировоззрения (отсылка к мифам и стереотипам), антропоцентризм и гуманность, многомерность [12, с. 14]. Эти же критерии применяются и к правопорядку.

Другой исследователь, И.Л. Честнов, предлагает концепцию конструктивизма относительно применимости данных критериев к понятию правопорядка и к понятию пределов правового регулирования [13, с. 105]. Фактически в трудах, написанных под знаменем конструктивизма, речь идет о том, что правопорядка как такового не существует без некоего субъекта, который признает существующее положение вещей таковым. В конечном итоге речь всегда идет об определении, т.е. игре с понятием, а не о рассмотрении реального положения дел. Иными словами, правопорядок – это не что иное, как некая система координат, в рамках которой и в зависимости от наблюдателя существуют пределы правового регулирования. Причем даже если эти пределы не меняются, то с позиции конструктивизма наблюдатель (гражданин, юридическое лицо и т.д., т.е. субъект права) принимает эти пределы и диапазон правового регулирования или как слишком узкий, или наоборот.

Фактически в этом и состоит отличие правоприменения и определения пределов регулирования в современности в рамках постклассической науки от классического научного подхода. В рамках конструктивистского подхода создание правовой реальности происходит в три шага, три стадии:

- создание знаковой формы;
- создание ментального образа;
- создание повседневного поведения [14, с. 209].

Иными словами, правовая наука (юриспруденция) больше не исходит из обычаев и традиций древности (которые осмысливались и превращались в законы), не исходит она и из религиозных текстов, которые наполнены «вечными» истинами. Вместо этого законодатель рассматривает сферу правового регулирования чисто прагматически, исходя из возможной выгоды как для себя, так и для общества, с которым законодатель чаще всего себя и отождествляет. Далее он создает некую правовую форму изначально в виде текста, в виде требования в первую очередь к исполнительным органам. Затем у исполнительных и судебных органов создается ментальный образ правопорядка, т.е. того, как должна осуществляться данная правовая норма с точки зрения опыта исполнителей, их правосознания, и происходит трансформация предписаний в реальные прецеденты исполнения. И уже на последней стадии у населения формируется повседневная практика относительно той или иной нормы [14, с. 210].

Фактически такой подход нивелирует само понятие пределов правового регулирования, и законодатель

(иногда весьма ошибочно, как в случае с блокировкой мессенджера Telegram) полагает, что может устанавливать и приводить в исполнение любые нормы, которые посчитает нужным. Однако, сталкиваясь, по словам французского философа Лакана, с «травматической реальностью» [7, с. 35], законодатель вынужден вырабатывать определенную реакцию на невыполнимость тех или иных норм.

На самом деле такое поведение законодателя связано с тем, что сам он в силу определенных исторических обстоятельств замыкается на самом себе, и с тем, что, как уже говорилось выше, источником и определяющим критерием правового регулирования служит само право, хотя на самом деле право – лишь результат межчеловеческой деятельности в процессе осмысле-

ния себя в мире. Как следствие, юриспруденция и нормы права должны отражать естественный ход вещей, а не препятствовать ему. В первую очередь это касается, конечно же, достижений естественных наук и технологий.

Пределы правового регулирования, таким образом, можно определить как естественные / искусственные границы вмешательства законодателя (например, государства, но и не только) в сферу правового регулирования – общественные отношения.

Более того, определение (или, лучше сказать, нащупывание) наиболее объективных пределов правового регулирования выдвигает юриспруденцию на новый уровень, расширяет границы свобод и прав граждан, а также возможностей, в т.ч. и экономических.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория государства и права. М., 1986.
2. Борисов В.В. Правопорядок // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд. М., 2000.
3. Буткевич О.В. У истоков международного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
4. Гагулин Р.Р., Колупаева Д.А. Использование мессенджера Telegram для реализации технологии электронного обучения в вузе // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 11-12 (15-16). С. 31-33.
5. Герасимова Н.Р., Володина Т.А. Пределы правового регулирования: вопросы теории и практики // Социально-политические науки. 2013. № 4. С. 17-18.
6. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). М.: Академия МВД РФ, 1992.
7. Лакан Ж. Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964). М.: Гнозис/Логос, 2004.
8. Мовчан А.П. Международный правопорядок. М., 1996.
9. Мюллерсон Р.А. Рецензия на книгу «Мировой океан и международное право: Основы современного правопорядка в Мировом океане» // Советское государство и право. 1988. № 6. С. 140-149.
10. Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. М., 2009.
11. Соловьева А.Д. Международный правопорядок: понятие и сущность (теоретико-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 20-23.
12. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 5-16.
13. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб., 2012.
14. Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в историко-правовой науке // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: мат-лы ежегодной научной конф-ции памяти профессора Ф.М. Рудинского. М., 2013.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911.
16. Явич Л.С. Социалистический правопорядок. Л., 1972.

УДК 342.53

Л.Г. Коновалова, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: vaskova82@yandex.ru

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРАВО: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ИСТОЧНИКИ

Статья посвящена анализу широко обсуждаемых вопросов науки конституционного права применительно к источникам парламентского права: формам регламентного акта парламента, юридической силы регламента парламента, признанию судебных актов и международных документов источниками права в части регулирования представительных учреждений. Высказывается авторская позиция о целесообразности внутреннего регулирования парламентских процедур подзаконными актами. Отмечается, что международное регулирование статуса парламента в первую очередь направлено на популяризацию этого института, а позиции органов конституционного контроля не отличаются единообразием, что предопределяется дискусионностью положений теории парламентаризма. Парламентское право предлагается рассматривать не как самостоятельную отрасль права, а в качестве составной части конституционного права.

Ключевые слова: парламент, депутат, источник права, парламентское право.

L.G. Konovalova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai Branch

E-mail: vaskova82@yandex.ru

PARLIAMENTARY LAW: LEGAL NATURE, SOURCES

The article is devoted to the analysis of the discussed issues of the science of constitutional law in relation to the sources of parliamentary law: the forms of the regulatory act of parliament, the legal force of the parliament's regulations, the recognition of judicial acts and international documents as sources of law regarding the regulation of representative institutions. An author's position on the advisability of internal regulation of parliamentary procedures by by-laws is expressed. It is noted that the international regulation of the status of the parliament is primarily aimed at popularizing this institution, and the positions of the bodies of constitutional control are not uniform, which is predetermined by the discussion of the provisions of the theory of parliamentarism. Parliamentary law is proposed to be viewed not as an independent branch of law, but as an integral part of constitutional law.

Key words: parliament, deputy, source of law, parliamentary law.

Конституционно-правовая практика показала разные варианты устройства и функционирования парламентов. Оказалось, что при достаточно похожем на первый взгляд правовом регулировании парламенты могут играть различную роль в государственном управлении, начиная от реализации верховенства закона, признания достоинства человека и заканчивая легализацией фашистских режимов. Такая ситуация подтолкнула юристов к формированию теории парламентаризма, характеризующей реальный статус парламента и нюансы правового регулирования его статуса в той или иной стране. Современная концепция парламентаризма связывается не с формальным наличием в стране парламента, а с его позитивной деятельностью. Поэтому достаточно актуальным является вопрос: каким образом регламентировать статус парламента для обеспечения его эффективной работы?

Применительно ко всем государствам И.М. Степанов обозначает три блока источников, регламентирующих статус парламента: собственно юридический (конституция, нормативные акты, в т.ч. регламенты парламента), рекомендательно-процедурный (традиции, обычаи, обыкновения, прецеденты), доктринальный (толкование смысла правовых норм признанными авторитетами законовещения). Последние два блока не свойственны для нашего государства, однако исследователь возлагает надежду на их развитие в будущем [24, с. 14-19].

С указанной классификацией источников, регламентирующих статус парламента, безусловно, следует согласиться. Действительно, в зарубежных государствах нормы о парламентах содержатся в конституциях, законах и подзаконных актах. Конституционное регулирование затрагивает наиболее общие вопросы функционирования парламента. Дальнейшее нормирование парламентарской деятельности осуществляется специальными, т.е. статутными, законами (о выборах в парламент, о статусе парламента, о статусе членов парламента, о внутренних процедурах) и подзаконными актами [35, с. 12]. В качестве примеров обычаев, имеющих юридическое значение для работы зарубежных парламента, можно назвать доктрину «скрытых полномочий» (обоснованная А. Гамильтоном идея динамичного расширения полномочий правительства США); «флибустьерство» (произнесение в Сенате США длинных речей, не относящихся к предмету обсуждения с целью сорвать принятие неугодного закона); «коровий шаг» (замедление движения депутатов к избирательной урне в парламенте Японии для того, чтобы затянуть голосование по законопроекту); «кенгуру» (личная выборка из предложенного перечня спикером Палаты общин Великобритании поправок к законопроекту для обсуждения), выработанное в результате обычной практики правило произнесения доклада в Палате представителей США в пределах часа [10, с. 10-16; 24, с. 18] и др.

При этом одним из самых обсуждаемых вопросов в юридической литературе является вопрос о форме акта, устанавливающего внутреннее устройство парламента

и процедурные вопросы законотворческого процесса. На практике парламентарские регламенты принимаются, как правило, самим парламентом или палатами парламента. Это считается их исторической прерогативой. Но встречаются случаи принятия законов по указанным вопросам (например, во Франции – Органический закон, в Швеции – Акт о Риксдаге, в Израиле и Китае – законы о парламенте [23, с. 20]). Дискуссия о регламентном или законодательном регулировании внутренних правил парламента и процедуре законотворчества не теряет своей актуальности. Но думается все же, что предпочтительным является вариант подзаконного регулирования ввиду динамичности названных норм и их «технического» содержания. Также по справедливому замечанию Г.Д. Садовниковой, регламентарное регулирование обеспечивает более высокую степень независимости парламента от иных ветвей власти и способствует демократизации государственного управления [31, с. 77]. Недаром вероятность принятия в России законов в 2003 г. о порядке законотворчества, о парламенте, о нормативных правовых актах была оценена Д.А. Ковачевым как угроза «самоубийства парламента и наступления клинической смерти российского парламентаризма» [11, с. 139].

В России статус федерального парламента – Федерального Собрания РФ – определяется Конституцией РФ, федеральными законами и подзаконными актами. Эти акты устанавливают порядок формирования палат парламента, компетенцию Федерального Собрания, порядок принятия законов, правовое положение парламентариев [14, 19, 20, 21, 18, 22]. Статус парламента субъектов РФ регулируется актами субъектов РФ в развитии федерального законодательства.

При этом ведется широкая дискуссия о месте постановлений палат Федерального Собрания РФ (в т.ч. их регламентов) в ряду источников права. Предпринимаются попытки ставить их в ряд законов, актов Президента РФ или Правительства РФ и даже на второе место после Конституции РФ [23, с. 70-73]. Однако все же думается, что они носят подзаконный характер и не могут пересекаться с актами Президента или Правительства, т.к. из смысла Конституции должны приниматься исключительно по вопросам ведения палат парламента (т.е. с учетом полномочий российского парламента нормативные постановления могут приниматься только по вопросам «внутреннего пользования»).

Также обращает на себя внимание усиливающаяся роль Конституционного Суда РФ в части регулирования статуса российских парламента. По существу, его акты можно со всей очевидностью причислить к источникам права. К примеру, нормообразующей является правовая позиция органа конституционной юстиции, определившая, что для подведения итогов голосования требуется исходить из общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы [25]. К аналогичным решениям относится признание неконституционными отдельных положений избирательного законодательства, допускающих передачу вакантного депутатского

мандата лицу, ранее получившему депутатский мандат, а затем добровольно прекратившему исполнение депутатских полномочий досрочно [26]; или напротив, подтверждение конституционности расширительной трактовки норм о депутатской неприкосновенности в федеральном законе [27] и т.д.

Для сравнения стоит отметить, что в зарубежных странах вне зависимости от того, к какой правовой системе относится государство, акты органов конституционного контроля играют роль источников права и выступают флагманом развития парламентаризма.

Так, в США при формально действующем правиле дачи согласия Сената на все назначения президента, под влиянием решений органа конституционной юстиции утвердилась практика о недопустимости контроля Сената за назначением на должности приближенных президенту лиц [34, с. 86]. В частности, согласно закону 1867 г. о сроках пребывания в должностях, президент США лишался права смещать глав министерств без совета и согласия Сената, а также если уволенному не удавалось найти достойной замены. Однако в 1876 г. этот закон был отменен, а в 1926 г. Верховный Суд принял окончательное решение о праве президента на увольнение чиновников без согласия парламента [29, с. 44].

При анализе правовых позиций органов конституционного контроля разных стран по вопросам парламентаризма удивляют встречающиеся факты принятия диаметрально противоположных решений по схожим делам, что может быть объяснимо не только политическими мотивами, но и дискуссионностью многих положений науки конституционного права.

Например, разница в правовых позициях встречается по вопросу признания того или иного вида депутатского мандата. Чаще всего органы конституционного контроля признают свободный мандат депутата, защищая его от жесткого подчинения партийной дисциплине. Первое подобное дело было передано в суд Веймарской республики, когда возмутился депутат-коммунист [37, с. 117]. В 1993 г. Конституционный суд Румынии рассматривал вопрос о конституционности нормы регламента Палаты депутатов, запрещавшей депутатам переходить из одной фракции в другую под угрозой лишения мандата. Суд решил, что в силу свободного мандата «депутаты находятся на службе у народа, а не у политических партий». Поэтому указанная норма регламента была отменена [3, с. 29]. Толкуя ст. 38 Конституции, посвященную свободному мандату депутата Бундестага, Федеральный конституционный суд Германии особо подчеркнул принципиальную невозможность лишения депутатского мандата партией. Последствия фракционной дисциплины, по мнению суда, могут сводиться лишь к возможности лишения должности во фракции, исключения из нее и, как следствие, отъезду из комитета [39, с. 721-722].

В то же время некоторые конституционные суды усматривают целесообразность существования партийного императивного мандата депутата. Так, в 1996 г. из соображений воплощения в жизнь надежд избира-

телей Конституционный Суд ЮАР признал конституционность партийного императивного мандата. В своем заключении суд отметил, что «антиотступническая статья» (т.е. предусматривающая лишение мандата за несоблюдение партийной дисциплины) полностью соответствует принципу демократической системы правления, предполагающей «представительное правление». «Она обязывает членов партии, избранных благодаря включению их фамилий в партийный список, оставаться лояльными этой партии. Это отвечает и надеждам избирателей, которые оказали поддержку партии» [38, с. 249]. В 2001 году Конституционный Совет Казахстана, несмотря на прямое закрепление свободного мандата депутата в Конституции Республики Казахстан, сформулировал следующую правовую позицию: «Пропорциональное представительство политических партий в Меджлисе на основе партийных списков предопределяет утрату депутатских полномочий в случае ликвидации партии или выхода члена партии из ее состава независимо от мотивов» [15, с. 175]. Тем самым Конституционный Совет, по существу, признал партийный императивный мандат депутата.

Другой пример различий в позициях органов конституционной юстиции можно продемонстрировать на нормах о запрете депутатам заниматься иной оплачиваемой деятельностью. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 декабря 2012 г. № 34-П запрет занимать руководящие должности в коммерческих юридических лицах связал с его направленностью «на предотвращение конфликта интересов и обеспечение самостоятельности и независимости депутатов Государственной Думы, действующих на основе свободного мандата в интересах государства и общества в целом, и тем самым на обеспечение нормального функционирования Федерального Собрания – парламента Российской Федерации» [28]. А Федеральный Конституционный Суд Германии, защищая противоположную норму – недопустимость установления ограничений в осуществлении внепарламентской деятельности депутата, мотивировал ее также отсылкой к свободе депутатского мандата. В частности, суд указал, что предположение о том, что депутаты, занимающиеся профессиональной или предпринимательской деятельностью за гонорары, не соответствуют конституционно-правовому статусу независимого депутата, беспочвенно. Свободный мандат депутата, гарантированный Основным законом ФРГ, нацелен прежде всего на независимость депутата от различных групп интересов (лоббистов). Только возможность, несмотря на принятие мандата, заниматься своей профессией в принципиально не ограниченном объеме дает конкретному депутату свободу фактически исполнять мандат, руководствуясь только своей совестью, без принятия во внимание шансов на последующее переизбрание и связанное с этим обеспечение стабильного дохода, без учета возможных ожиданий его партии, прочих заинтересованных групп, а также средств массовой информации [2, с. 36]. В этом примере поражает тот факт, что практически тождественной

системой аргументов в конституционном праве могут доказываться противоположные постулаты.

Еще одним источником, регламентирующим статус современных парламентов, можно признать международные акты. При этом в них, как правило, прослеживается возвышенное отношение к парламенту и защищаются базовые принципы парламентаризма. Например, в пп. 5.2 п. 5 Документа Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. подчеркивается, что «к числу элементов справедливости, которые существенно необходимы для полного выражения достоинства, присущего человеческой личности, и равных неотъемлемых прав всех людей, относится представительная по своему характеру форма правления, при которой исполнительная власть подотчетна избранному законодательному органам или избирателям» [16, с. 654]. Статья 21 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. гласит: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования» [4]. Аналогичные положения содержатся и в ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [17], ст. 3 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1952 г. [12] и других международных актах.

Создаваемые международные организации в своих актах стремятся к расширению использования идеи парламентаризма в мире и указывают направления совершенствования парламентских институтов. Так, на надгосударственном уровне в тесном взаимодействии с ООН функционирует Парламентский союз – организация парламентов мира, объединенная на основе демократии, парламентской солидарности, подотчетности избравшим их народам [35, с. 12]. Международной неправительственной организацией World Justice Project разработана и уже несколько лет применяется на практике система индикаторов, позволяющих рассчитать индекс верховенства права для различных стран мира. К числу таких индикаторов отнесены степень ограничения полномочий институтов власти, уровень коррупции, порядок и безопасность, гарантии защиты основных прав, прозрачность институтов власти, соблюдение законов, качество правосудия [8, с. 116]. В 2007 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию под названием «Кодекс поведения политических партий», в которой подчеркнула роль политических партий как неотъемлемой составляющей современных демократий. Одновременно Ассамблея указала на проблемы коррумпированности многих партий, недемократичность их внутренних процедур, которые не только влекут за собой кризис легитимности самих партий, но и подрывают доверие граждан к парламентским институтам в целом. Поэтому Ассамблея порекомендова-

ла партиям осознать свою значимость в политической системе, повысив свою ответственность перед избирателями, активизировав роль каждого избранного представителя, добившись открытости своей деятельности и исключения соблазна давать избирателям невыполнимые обещания [30].

Интересно отметить, что даже практика Европейского Суда по правам человека затрагивает вопросы парламентаризма. Например, в своем решении по делу Гитанас и другие против Греции от 1 июля 1997 г. суд указал, что государства могут достаточно свободно в рамках своего конституционного строя устанавливать статус парламентариев, исходя из необходимости «обеспечить независимость членов парламента, а также свободное волеизъявление избирателей» [7, с. 458]. Тем самым суд косвенно признал свободный мандат депутата. В отдельных решениях Европейский Суд по правам человека допускает существование иммунитета депутата национального парламента, но с позиций рационального регулирования, не допускающего злоупотреблений со стороны виновных лиц [9].

На фоне возрастающего числа источников, регулирующих статус парламентов, сложности и дискусионности многих аспектов статуса представительных учреждений в отечественной юриспруденции возник вопрос о формировании парламентского права. Хотя исследователь 192 парламентов мира А.Х. Саидов считает, что уже и в большинстве современных зарубежных государств сформировалась самостоятельная отрасль национальных правовых систем – парламентское право [32, с. 16].

Очевидное признание в России парламентское право имеет как институт конституционного (государственного) права. Однако в последнее время стали актуализироваться предложения рассматривать его как подотрасль конституционного права либо даже как самостоятельную отрасль права [13, с. 5]. Так, по мнению И.М. Степанова, парламентское право должно развиваться как подотрасль (а не институт) конституционного права с преобладанием норм процедурно-технологического назначения. Однако, на его взгляд, в России препятствует названному процессу представление о конституционном праве как о сверхглобальной отрасли права и молодость российских парламентов («сотворение» которых началось с конца 80-х гг. XX в.) [24, с. 9-11]. Точка зрения на парламентское право как на подотрасль конституционного права утвердилась в работах А.С. Автономова, Н.А. Богдановой, О.Н. Булакова, В.Д. Горобца, М.С. Саликова [1, с. 29-30; 23, с. 63; 5, с. 18; 33, с. 33].

Авторами предлагается даже различная структура парламентского права. Т.Я. Хабриева обозначает в парламентском праве три блока: теоретический (общая характеристика истории и современного состояния парламентов, парламентаризма); институциональный (объединяет проблемы правового статуса, функций, компетенции, структуры, порядка формирования парламента) и динамический (посвящен порядку работы парламен-

та, законотворческому процессу, взаимодействию с другими органами, организационно-техническому обеспечению) [36, с. 36]. В предмете парламентского права зачастую усматривают материальные и процессуальные отношения [33, с. 33]. При этом справедливо отмечается возрастающая роль процессуального регулирования.

Думается, что все же специфики предмета и метода парламентского права не достаточно для отделения его в самостоятельную отрасль права, а воззрения на него как на объемный институт или подотрасль конституционного права представляются весьма логичными. Соответственно, под парламентским правом понимается «особая система юридических принципов и норм, регулирующих внутреннее устройство парламента и связанные с ним организационные отношения, сам процесс парламентской деятельности, его взаимоотношения с другими органами государственной власти и избирательным корпусом» [36, с. 3].

Очевидно также, что парламентское право справедливо рассматривать как совокупность норм права (институт или подотрасль конституционного права) и как конгломерат идей (часть науки конституционного права). Примечательно, что парламентское право начало

формироваться в нашей стране и как учебная дисциплина, которая преподается во многих вузах страны на базе юридических факультетов, а с 2002 г. Минобрнауки РФ даже утвердило требования к дополнительной квалификации «специалист по парламентаризму (парламентской деятельности)» [6].

Таким образом, представляется возможным говорить о парламентаризме как об институте конституционного права и как о части науки конституционного права. Круг источников парламентаризма достаточно широк и включает в себя конституции, законы, подзаконные акты, правовые позиции органов конституционной юстиции, международные договоры. При этом принимаемые в последние годы международные акты направлены на популяризацию и расширение использования идеи парламентаризма, на защиту базовых принципов парламентаризма. Однако внутреннее законодательство стран не отличается единообразием правового регулирования парламентских институтов, что проявляется даже в практике работы органов конституционной юстиции. Эти факты свидетельствуют о дискуссионности многих положений конституционно-правовой теории парламентаризма.

Литература

1. Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М., 1999.
2. Акимова Е.Я. Правовые аспекты совмещения депутатского мандата и внепарламентской деятельности в Германии и Австрии // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3.
3. Бах С., Бенда С. Регламенты парламента и судебный контроль в Румынии // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1995. № 3.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
5. Горобец В.Д. Конституционно-правовой статус парламента Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
6. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по парламентаризму (парламентской деятельности)», утв. Минобрнауки РФ 4 июля 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2002. Т. 2.
8. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015.
9. Информация о постановлении Европейского Суда по правам человека от 30 января 2003 г. по делу «Кордова (Cordova) против Италии (№ 1)» (жалоба № 40877/98) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 6.
10. Кивле Г.А., Сомов М.Д. Прецеденты в системе парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16.
11. Ковачев Д.А. О форме актов, регламентирующих внутреннюю организацию и процедуру деятельности парламента // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: мат-лы научной конференции / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2003.
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1952 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
13. Конституционный строй России. Вып. 2: Вопросы парламентаризма. М., 1995.
14. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
15. Куртов А. Конституционное правосудие в Республике Казахстан и институт выборов // Дайджест «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии». 2003. № 16 (1).
16. Международные акты о правах человека: сборник документов. М., 1999.
17. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.

18. О парламентском контроле: федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ (ред. от 9 марта 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2304.
19. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.
20. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 5 апреля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740.
21. О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ (ред. от 7 мая 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 1. Ст. 7.
22. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственной Думы Федерального Собрания РФ: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 23 декабря 2009 г. № 3018-5 ГД (ред. от 14 ноября 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6487.
23. Парламентское право России: учебник. М., 2006.
24. Парламентское право России: учебное пособие / под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. М., 1999.
25. По делу о толковании статей 103, 105, 107, 108, 117, 135 Конституции РФ: постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 1995. № 22. Ст. 2312.
26. По делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой гражданина Н.В. Гончарова: постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2014 г. № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7785.
27. По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»: постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 828.
28. По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3.
29. Разделение властей: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2004.
30. Резолюция ПАСЕ № 1546 (2007) от 17 апреля 2007 г. «Кодекс поведения политических партий» // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 8.
31. Садовникова Г.Д. Некоторые направления развития институтов российского парламентаризма // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: мат-лы научной конф-ции / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2003.
32. Саидов А.Х. Национальные парламенты мира: энциклопедический справочник. М., 2005.
33. Саликов М.С. Парламентское процессуальное право – подотрасль конституционного процессуального права // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: мат-лы научной конф-ции / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2003.
34. Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Т. 2: Основные институты / отв. ред. В.А. Туманов. М., 1987.
35. Фархутдинов И.З. Парламентаризм на службе народов // Право и политика. 2006. № 9.
36. Хабриева Т.Я. Понятие и место парламентского права России в системе права // Журнал российского права. 2002. № 9.
37. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): пер. с венг. М., 2001.
38. Юдин Ю.А. Политические партии и право в современном государстве. М., 1998.
39. Jarass H.D. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Kommentar / von H.D. Jaras und B. Pieroth. 6. Aufl. München, 2002. S. 721-722.

УДК 341.01:342.24

Г.А. Манукян

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

E-mail: gor_manukyan91@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье исследуется опыт международной деятельности субъектов Российской Федерации в первое десятилетие XXI века. На данном этапе нормативная и институциональная основа международной деятельности субъектов Российской Федерации получает свое логическое завершение. Сформированные механизмы позволили определить сферы координации федерального центра и регионов по вопросам осуществления последними своих конституционных прав на международные и внешнеэкономические связи. Определяются основные формы международной деятельности субъектов Российской Федерации на современном этапе. Автором на основе проведенного анализа существующих внешних факторов определяются направления и перспективы развития международной деятельности субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: международная деятельность субъектов Российской Федерации, Евразийское экономическое пространство, государства – участники Содружества Независимых Государств.

G.A. Manukyan

Vladimir State University

E-mail: gor_manukyan91@mail.ru

INTERNATIONAL ACTIVITY OF THE ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIRST DECADE OF THE XXI CENTURY: TRENDS AND PROSPECTS

The article examines the experience of international activities of the subjects of the Russian Federation in the first decade of the XXI century. At this stage, the regulatory and institutional framework of the international activities of the subjects of the Russian Federation receives its logical conclusion. The established mechanisms allowed to determine the areas of coordination of the Federal center and the regions on the implementation of their constitutional rights to international and foreign economic relations. The main forms of international activity of the subjects of the Russian Federation at the present stage are determined. The author on the basis of the analysis of existing external factors determines the direction and prospects of development of international activities of the subjects of the Russian Federation.

Key words: international activity of subjects of the Russian Federation, Eurasian economic space, members of the Commonwealth of Independent States.

За последние годы активизация субъектов Российской Федерации в международном пространстве существенно усилилась [7], а география их международных связей значительно расширилась во многом благодаря совместной работе Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД РФ) и соответствующих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Как отмечает Министр иностранных дел С.И. Лавров, «опыт последних лет подтверждает, насколько правильным был выбор, сделанный еще в 90-е годы прошлого века Министерством иностранных дел и руководством субъектов федерации, в пользу налаживания самого тесного взаимодействия в деле развития международных и внешнеэкономических связей российских регионов» [6, с. 34].

Стремление субъектов Российской Федерации к осуществлению международной деятельности обуславливается не только политико-правовыми, но и экономическими факторами. Цель рационализации участия субъектов федерации во внешнеэкономической деятельности, по мнению А.Н. Барковского и А.В. Комиссарова, состоит в максимальном содействии наращиванию экспортного потенциала регионов, увеличению валютной выручки как базы роста поступлений в федеральный и местный бюджеты [1, с. 129].

С 1991 года и по настоящее время в результате совместных усилий центра и субъектов Российской Федерации последними подписано свыше 2000 международных соглашений (так называемые «горизонтальные» и «диагональные» соглашения) в сфере торговли, экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества, подлежащих обязательной регистрации в соответствующем федеральном органе исполнительной власти [7]. Министерством юстиции Российской Федерации зарегистрировано 580 соглашений, заключенных российскими регионами с иностранными партнерами [7].

Результатом такого расширения международных связей субъектов Российской Федерации стало принятие в 2015 г. на законодательном уровне ряда существенных поправок в данной сфере, позволяющих перераспределить функции между федеральными органами исполнительной власти по координации отдельных аспектов международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации.

Так, в целях оптимизации процесса и совершенствования упорядочивания правил согласования проектов соглашений субъектов Российской Федерации с зарубежными партнерами был подписан Указ Президента РФ № 424 [11]. Им вводится новый порядок, в соответствии с которым органы государственной власти субъектов Российской Федерации направляют на согласование все проекты соглашений о сотрудничестве в сфере международных и внешнеэкономических связей в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти – Министерство экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития РФ). Упомянутые проекты соглашений направляются Минэ-

кономразвитием РФ на согласование во все заинтересованные федеральные органы исполнительной власти, включая МИД РФ. Далее на основе соответствующих заключений, поступивших от компетентных федеральных ведомств, Минэкономразвития РФ в установленные законом сроки готовит собственное консолидированное заключение с учетом содержания и правовой природы проектов, которые впоследствии направляются в органы государственной власти субъектов федерации.

Большинство заключенных международных соглашений субъектами Российской Федерации приходится на государства – участники Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) – Республика Беларусь, Республика Казахстан и до 2014 г. Республика Украина [27]. Некоторые из них являются членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

На сегодняшний день такая ситуация во многом определяется торгово-экономическими, политическими, правовыми и иными факторами.

Во-первых, санкционная политика, осуществляемая и поддерживаемая вот уже на протяжении многих лет западными государствами (США, Канада, Австралия и ЕС), привела к переориентации внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, в т.ч. и по линии приграничного сотрудничества. Основными направлениями такого сотрудничества, получившего за последнее время значительный импульс развития, выступили регионы сопредельных стран – членов ЕАЭС [21]. На важность развития данного направления указывается в заявлении Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, сделанного в рамках XXVII заседания Совета глав субъектов Российской Федерации: «Нет нужды говорить, что углубление разнопланового взаимодействия в рамках ЕАЭС – наш безусловный внешнеполитический приоритет. ЕАЭС состоялся как современная, нацеленная на решение конкретных задач международная организация, имеющая большой потенциал и способствующая поддержанию региональной стабильности» [3], в т.ч. и в рекомендациях некоторых конференций, проводимых под эгидой Комитета Совета Федерации по международным делам [2]. В связи с этим на Министерство экономического развития Российской Федерации и иные заинтересованные федеральные органы исполнительной власти возложена обязанность по выработке предложений дальнейшей оптимизации практики приграничного сотрудничества субъектов Российской Федерации путем интегрирования в различные евразийские интеграционные процессы.

Так, за 2016-2017 гг. по линии развития межрегионального и приграничного сотрудничества субъектов сопредельных государств такого пространства было проведено свыше 150 ярмарочно-выставочных мероприятий [22]. 76 субъектов Российской Федерации поддерживают связи со всеми 14 областями и административными центрами (Астана, Алма-Ата) Республики Казахстан. На долю межрегионального взаимодействия приходится 70% российско-казахстанского товарооборота, причем 40% объемов торговли формируется приграничными регио-

нами (12 российскими и 7 казахстанскими) с населением более 32 млн человек. Сторонами подписано более 300 соглашений в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной сферах [30]. В 2017 г. была подписана программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан на 2018-2023 гг. [29], целью которой является расширение и укрепление дружественных и партнерских отношений между регионами Российской Федерации и Республики Казахстан, повышение уровня жизни населения регионов обеих стран за счет развития кооперационных, торгово-экономических, гуманитарных, культурных, научных связей, решения проблем трансграничного характера в устанавливаемых программой сферах.

Во-вторых, существенным шагом к упорядочиванию отношений в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ является деятельность Совета глав правительств СНГ (далее – Совет). В результате длительной и кропотливой работы Совета был принят ряд принципиально важных нормативно-правовых актов, определяющих региональную политику государств – участников СНГ, на межгосударственном уровне [8]. 16 сентября 2016 г. Советом была подписана Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г. и План мероприятий по ее реализации [9]. Документом определяются цели, задачи и направления деятельности органов исполнительной власти государств – участников СНГ и их регионов. К числу основных задач данной программы относится принятие Конвенции о межрегиональном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств [28], которая станет важным элементом регулирования межрегионального сотрудничества и послужит его дальнейшему развитию с учетом современных задач, стоящих перед государствами – участниками СНГ.

Значимым событием для приграничных субъектов Российской Федерации стало принятие долгожданного федерального закона, определяющего правовые рамки их приграничного сотрудничества. В соответствии с рекомендациями XXIV заседания Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России и протокола целевого выездного совещания Совета Безопасности в марте 2015 г. в целях оптимизации процесса доработки проекта федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» приказом Минэкономразвития РФ была создана Межведомственная рабочая группа, в которую вошли представители Государственной Думы и Совета Федерации, аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, представители Администрации Президента Российской Федерации и 18 федеральных органов исполнительной власти [23].

Результатом деятельности Межведомственной рабочей группы стало принятие в 2017 г. Федерального за-

кона «Об основах приграничного сотрудничества» [12], целью которого являлись оптимизация и гармонизация приграничной деятельности субъектов Российской Федерации. На данном этапе принятие данного закона позволит странам – участницам Евразийского экономического пространства насыщать его двусторонними соглашениями, направленными прежде всего на решение крайне жизненно важных для субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств вопросов.

В-третьих, укрепление торгово-экономических отношений субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств на Евразийском экономическом пространстве достигается не только наличием государственной границы. Особую роль в формировании благоприятных условий для такого сотрудничества играют тесные культурные, социальные и исторические связи.

К числу стратегических направлений межрегионального и приграничного сотрудничества субъектов Российской Федерации выступает ЕС. Российская Федерация, являясь участницей Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей [5], Дополнительного протокола [4] и Протокола № 2 [26] к Мадридской конвенции, разработала особые программы приграничного сотрудничества России – ЕС на период до 2020 г., нацеленные на решение первоочередных задач местного и регионального значения сопредельных территорий, среди которых: формирование конкурентоспособной бизнес-среды, доступной транспортной инфраструктуры, благоприятного социального климата, в т.ч. координация по вопросам обеспечения природоохранной и энергетической безопасности [25]. Продолжая активно взаимодействовать по данному направлению с Европейским Союзом, Российская Федерация в 2016 г. ратифицировала Протокол № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающийся европейских региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС) [10]. Целью Европейского объединения регионального сотрудничества являются продвижение, поддержка и развитие приграничного и межтерриториального сотрудничества в социально-экономической, научной, культурной и природоохранной сферах.

Таким образом, именно ресурс приграничного сотрудничества субъектов Российской Федерации [24] ввиду протяженности ее государственной границы и по количеству граничащих с ней государств имеет особую масштабность. Свыше 45 субъектов Российского государства, что составляет больше половины субъектов от общего их количества, являются прибрежными, а также почти 400 муниципальных образований (это 70% территории страны) с суммарной долей населения в 40% [2].

Из стран дальнего зарубежья наибольшее число международных соглашений субъектов Российской Федерации подписано с регионами Китая, Венгрии, Германии, Польши [27].

Другой формой реализации международной деятельности субъектов Российской Федерации является

открытие представительств в странах дальнего и ближнего зарубежья.

Так, к примеру, в соответствии с Постановлением губернатора Владимирской области от 29.09.2003 № 468 «Об утверждении Положений о представительствах и представителях Владимирской области на территории иностранных государств» (далее – Постановление) «по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, который Правительство Российской Федерации в пределах своей компетенции наделило правом государственного регулирования внешнеторговой деятельности, и Министерством иностранных дел Российской Федерации Представитель направляется для работы при торговом представительстве Российской Федерации в иностранном государстве» [13].

Согласно вышеупомянутому постановлению основной задачей таких представительств является: развитие и укрепление торгово-экономических, научно-технических, гуманитарных и культурных связей Владимирской области с регионом государства пребывания.

Важно отметить, что право субъектов Российской Федерации на такую форму международного сотрудничества, как открытие представительств за рубежом, реализуется не в полном объеме. Причина такого положения дел объясняется финансовыми возможностями того или иного субъекта содержать представительство на территории иностранного государства.

На сегодняшний день за рубежом действуют представительства лишь 11 субъектов Российской Федерации [27]. Ими открыто свыше 30 представительств на территории иностранных государств как ближнего, так и дальнего зарубежья (включая европейские страны и страны СНГ). Лидирующую позицию по количеству открытых представительств занимают республики: Татарстан [15], Тыва [16], Башкортостан [17] и Саха (Якутия) [18]. Минэкономразвития Российской Федерации ведется постоянная работа по совершенствованию системы размещения торговых представительств на основе анализа перспектив развития мировой экономики и двусторонних торгово-экономических отношений Российской Федерации со странами-партнерами.

Российские регионы активно участвуют в деятельности международных организаций, в первую очередь в специализированных учреждениях Организации Объединенных Наций [19] (ЮНЕСКО, ЮНИДО, ЮНЕП, Всемирная туристская организация), а также Конгресса местных и региональных властей Совета Европы [20].

Субъекты Российской Федерации участвуют в такой авторитетной организации Совета Европы, как Конгресс местных и региональных властей Совета Европы (далее – КМРВСЕ). Целями данной организации в целом можно назвать формирование местной и региональной политики, а также развитие сотрудничества с международными организациями, которые представляют интерес местных и региональных властей. Делегация для участия в КМРВСЕ от Российской Федерации фор-

мируется в соответствии с Распоряжением Президента РФ № 217-рп [14]. Состав делегации в КМРВСЕ представлен из 18 представителей и 18 их заместителей, возглавляется губернатором Владимирской области С.Ю. Орловой.

Таким образом, проанализировав тенденции и перспективы международной деятельности субъектов Российской Федерации, можно отметить следующие ключевые моменты:

1. Деятельность субъектов Российской Федерации за последние 10-15 лет значительно усилилась на международном пространстве. Во многом такое положение дел обусловлено наличием достаточной нормативной базы и ее постоянным совершенствованием, а также оказываемой активной поддержкой со стороны центра по развитию и расширению международных контактов субъектов Российской Федерации. Среди форм международной деятельности субъектов Российской Федерации на передний план выходит заключение международных соглашений. Заключаемые соглашения не связаны с политическими аспектами, а характеризуются исключительно экономической, культурной, образовательной, научно-технической, гуманитарной направленностью. Другими не менее важными формами реализации такой деятельности выступают открытие представительств на территории иностранных государств при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства экономического развития Российской Федерации, а также участие в работах международных организаций.

2. Созданная институциональная основа на данном этапе позволяет осуществлять непрерывно координацию со стороны федеральных органов исполнительной власти. Особая роль по вопросам координации международной деятельности субъектов Российской Федерации принадлежит Министерству иностранных дел Российской Федерации и его структурным подразделениям (в т.ч. консультативным и совещательным), а с 2015 г. в результате передачи функции по согласованию проектов соглашений по международным связям субъектов Российской Федерации – и Министерству экономического развития Российской Федерации. В целях налаживания взаимовыгодных торгово-экономических, социально-культурных, образовательных и гуманитарных связей субъектов Российской Федерации с зарубежными партнерами оба министерства в рамках своих полномочий, установленных действующим законодательством, выдают соответствующие разрешения на заключение международных соглашений, оказывают юридическую, информационно-аналитическую и экспертно-консультационную помощь.

3. Переориентация международных связей субъектов Российской Федерации обусловлена экономическими и политическими факторами. В современных условиях санкционной политики, проводимой западными государствами, приоритетным направлением по развитию международной деятельности субъектов Российской Федерации выступает Евразийский экономиче-

ский союз. Проводимая государствами – участниками ЕАЭС работа по унификации законодательной базы позволит создать благоприятные предпосылки межрегионального сотрудничества государств – участников ЕАЭС, направленного, прежде всего, на поддержание социально-экономического развития российских регионов, обеспечение региональной стабильности и в целом

наращивание сотрудничества на межгосударственном уровне.

4. В число приоритетных направлений международной деятельности субъектов Российской Федерации входит европейское приграничное и межтерриториальное сотрудничество посредством создания различных программ такого сотрудничества.

Литература

1. Барковский А.Н., Комиссаров А.В. Внешнеэкономические связи субъектов РФ и укрепление единого экономического пространства России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 3. С. 129-142.

2. Выездное заседание Комитета Совета Федерации по международным делам «Роль приграничного и межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации в развитии Евразийского экономического союза» (на примере межрегиональной интеграции «Наш общий дом – Алтай»). URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15522> (дата обращения: 14.01.2018).

3. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XXVII заседании Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России, Москва, 7 июня 2016 г. URL: http://www.mid.ru/activity/coordinating_and_advisory_body/meetings/-/asset_publisher/o0D4RcICOGw8/content/id/2303979 (дата обращения: 14.01.2018).

4. Дополнительный протокол к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ властей от 9 ноября 1995 г. (г. Страсбург, Франция) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 15. Ст. 1784.

5. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. (г. Мадрид, Испания) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 31. Ст. 3103.

6. Лавров С.И. Возрастание роли российских регионов в еврорегиональном строительстве // Внешнеэкономические связи. 2005. № 4. С. 34-35.

7. Материалы по вопросу «Опыт и перспективы развития международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 8 декабря 2016 г. URL: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/Material_po_vorposu.pdf (дата обращения: 14.01.2018).

8. Межрегиональное и приграничное сотрудничество государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.e-cis.info/index.php?id=248> (дата обращения: 14.01.2018).

9. О Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года и Плана мероприятий по ее реализации от 29 мая 2015 г. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5135> (дата обращения: 14.01.2018).

10. О ратификации Протокола № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающегося европейских региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС): федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 483-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 1 (ч. I). Ст. 24.

11. О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на осуществление функций, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 4 Федерального закона от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 19 августа 2015 г. № 424 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 34. Ст. 4880.

12. Об основах приграничного сотрудничества: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4728.

13. Об утверждении Положений о представительствах и представителях Владимирской области на территориях иностранных государств: постановление губернатора Владимирской области от 29 марта 2003 г. № 468 // Владимирские ведомости. 2003. № 219.

14. Об утверждении состава делегации Российской Федерации для участия в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы в 2016-2020 годах: распоряжение Президента РФ от 21 июля 2016 г. № 217-рп // Собрание законодательства РФ. 2016. № 30. Ст. 4912.

15. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан. URL: <http://mpt.tatarstan.ru/rus/organi-i-organizatsii.htm> (дата обращения: 14.01.2018).

16. Официальный сайт Агентства по внешнеэкономическим связям Республики Тыва. URL: <http://aves.tuva.ru/> (дата обращения: 14.01.2018).

17. Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Башкортостан. URL: <http://minecon.bashkortostan.ru> (дата обращения: 14.01.2018).

18. Официальный сайт Министерства по федеративным отношениям и внешним связям Республики Саха (Якутия). URL: <http://mvs.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2018).

19. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 14.01.2018).

20. Официальный сайт Конгресса местных и региональных властей Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/en/web/congress> (дата обращения: 14.01.2018).
21. Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/#info> (дата обращения: 14.01.2018).
22. Перечень наиболее значимых ярмарочно-выставочных мероприятий за рубежом. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/2016081213> (дата обращения: 14.01.2018).
23. Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/interreg_cooperation/project_activity/federal_zakon/ (дата обращения: 14.01.2018).
24. Приграничные субъекты Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/fedlaw> (дата обращения: 22.06.2017).
25. Программы приграничного сотрудничества Россия – ЕС 2014-2020 гг. URL: http://www.ved.gov.ru/interreg_cooperation/cooperation_program/cooperation_new/ (дата обращения: 14.01.2018).
26. Протокол № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, имеющих отношение к межтерриториальному сотрудничеству от 5 мая 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 2008. № 41. Ст. 4592.
27. Решение Совета законодателей Российской Федерации от 8 декабря 2016 г. URL: <http://szrf.km.duma.gov.ru/Resheniya-Soveta-zakonodatelej/item/107130/> (дата обращения: 14.01.2018).
28. Решение Экономического совета СНГ от 11.09.2015 «О проекте Конвенции о межрегиональном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств» (документ опубликован не был).
29. Россия и Казахстан укрепляют межрегиональное и приграничное сотрудничество. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depregved/2017091125> (дата обращения: 14.01.2018).
30. Состояние межрегионального и приграничного сотрудничества в государствах – участниках СНГ, 2017 год. URL: <http://www.e-cis.info/index.php?id=510> (дата обращения: 14.01.2018).

УДК 342

А.А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: chesnokovaa@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПУБЛИЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В статье рассматривается проблема становления принципа публичной достоверности в российском праве. Приводится классификация, основы организации, функции публичных реестров. Анализируются актуальные вопросы обеспечения прав участников имущественных отношений в сфере государственной регистрации, критерии достоверности вносимых сведений. На основе системного анализа законодательства и правоприменительной практики показано, что публичность имущественных реестров и правовая экспертиза, направленная на обеспечение их достоверности, не всегда обеспечивают необходимый уровень безопасности пользователей. Констатируется отсутствие общей правовой регламентации государственных реестров, правила ведения которых определяются конкретными отраслями права и ведомственными нормативными актами. В связи с этим предлагается принятие единых требований и принципов ведения публичных реестров, что позволит не только создать предпосылки открытости, но и возможность создания единого информационного ресурса или оператора, например, в рамках портала государственных услуг. В этой связи выявлены пробелы правового регулирования механизма государственной регистрации и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: реестр, публичность, публичная достоверность, гражданский оборот.

A.A. Chesnokov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: chesnokovaa@mail.ru

REVISITING THE IMPORTANCE OF PUBLIC CREDIBILITY IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

The article deals with the problem of the formation of the principle of public reliability in Russian law. There is the classification, bases on the organization, functions of public registers in the article. The article analyzes the current issues of ensuring the rights of participants in property relations in the field of state registration, the criteria for the reliability of the information. Based on the system analysis of legislation and law enforcement practice, it is shown that the publicity of property registers and legal expertise aimed at ensuring their reliability do not always provide the necessary level of security for users. It is stated that there is no General legal regulation of state registers, the rules of which are determined by specific branches of law and departmental regulations. In this regard, it is proposed to adopt common requirements and principles of public registers, which will not only create the prerequisites for openness, but also the possibility of creating a single information resource or operator; for example, within the portal of public services. In this regard, the gaps in the legal regulation of the state registration mechanism are identified and proposals for its improvement are formulated.

Key words: register, publicity, public credibility, civil turnover.

В связи с вступлением в информационную фазу развития в современном обществе ведущим товаром стали знания. При этом достаточно очевидно, что все важнейшие информационные ресурсы государства сосредоточены в базах данных. В условиях развития новых форм взаимодействия между государством и гражданским обществом органы публичной власти, граждане и организации вынуждены постоянно обращаться к официальной информации. Такая информация необходима для предоставления публичных услуг и исполнения публичных функций, часто она служит основой реализации прав и законных интересов граждан и совершения юридически значимых действий. Поэтому с ее достоверностью напрямую связано правовое качество жизни общества [3, с. 68].

В первую очередь, это касается различного рода реестров¹. Само это понятие происходит от латинского *regestum* (список, перечень) и представляет собой официальную форму систематизации сведений, от которых зависят права и обязанности значительного круга лиц.

В российском законодательстве упоминается более 40 видов различных реестров, которые можно классифицировать по самым различным основаниям. По уровню: государственные, муниципальные, частные. По признаку публичности: с открытым доступом и ведомственные. По сфере общественных отношений: юридических лиц, недвижимости, именных эмиссионных ценных бумаг, природных ресурсов и пр. По виду объектов: учет имущественных прав и обязанностей, учет неимущественных прав, учет субъектов права, уведомление о наступивших или будущих юридических фактах. Внутри этих групп также существует ряд классификаций. Так, распространено деление имущественных реестров на титульные, актовые, смешанные, т.е. фиксирующие изменения прав, сами сделки или все эти факторы.

Наибольшее внимание и правовую регламентацию получили публичные реестры, при этом их эффективность, как, впрочем, и иных видов реестров, обусловлена реализацией принципа внесения (публичности) и принципа публичной достоверности (бесповоротности).

Публичность означает необходимость фиксации всех учитываемых событий и действий, открытость данных для неограниченного количества членов общества и проявляется в наиболее важных правоотношениях.

Очевидно, что, используя сведения из официальных реестров, граждане должны быть уверены в их действительности и правовой надежности. Поэтому государство должно принять все необходимые меры для того, чтобы гарантировать своим гражданам правовую защищенность от преднамеренных или случайных нарушений их прав, связанных с недостоверностью полученной информации.

Важность указанных общественных отношений подкреплена их уголовно-правовой охраной. В част-

¹ Оговоримся, что кадастровые системы учета мы не рассматриваем, т.к. они носят скорее технический характер.

ности, в 2010 г. в Уголовный кодекс РФ была внесена ст. 285.3 «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений» [17]. При этом незаконные действия с государственным реестром отнесены к коррупционным преступлениям, что в современных реалиях означает усиленное внимание со стороны правоохранительных органов [7].

Поэтому необходимо выяснить, при каких условиях информация может считаться достоверной. Для этого можно обратиться к государственному стандарту Р ИСО 15489-1-2007, который определяет, что достоверным выступает документ, созданный во время или сразу же после операции или ситуации, к которым он относится, лицами, достоверно знающими факты, или средствами, обычно используемыми в деловой деятельности при проведении данной операции. Содержание достоверного документа можно считать полным и точным представлением подтверждаемых операций, деятельности или фактов. Такому документу можно доверять в последующих операциях или в последующей деятельности [4]. Используя эти характеристики, достоверность реестра выражается в требованиях: своевременности, полноты, достоверности, соответствия исходным документам, профессионализма, внесения уполномоченными лицами в установленном процессуальном порядке.

Принцип публичной достоверности применим не только к реестрам, но и к иным явлениям, например, ценной бумаге, где, как отмечает М.М. Агарков, «...публичная достоверность исключает возможность возражений, основанных на отношениях, не получивших выражения в тексте бумаги» [1, с. 201]. В любом случае декларирование публичной достоверности по отношению к информационным ресурсам означает принятие государством обязательств по формированию правовых и организационных гарантий ее полноценной реализации.

Экономическая суть принципа публичной достоверности проявляется в снижении до приемлемого уровня рисков участников нескольких последовательных правоотношений. Между должником и первым кредитором обычно все предельно прозрачно, все риски известны заранее. Последующие кредиторы уже не могут располагать необходимым объемом информации, которой они могут доверять. Публичная достоверность не только защищает участников сделки, но и повышает рыночную ценность ее объекта, что хорошо проявляется по отношению к имущественным реестрам.

Следует отметить, что феномен публичной достоверности – явление в отечественной юриспруденции достаточно новое. Для социалистического права оно особой ценности не представляло в силу специфики способа производства и распределения ценностей, а в переходный период развития российской государственности стояли более насущные проблемы, чем обеспечение стабильности общественных отношений, тем более что публичные информационные базы только зарождались. Конечно, нельзя отрицать, что в сфере частного

права публичная достоверность отсутствовала, это свойство признавалось за ценными бумагами, реестрами юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, недвижимого имущества, но целостное законодательное понятие данного явления сформировано не было. Так, ст. 51 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) в редакции с 30.11.1994 по 28.06.2013 ограничивалась лишь указанием на то, что данные государственной регистрации юридических лиц включаются в единый государственный реестр, открытый для всеобщего ознакомления. Более-менее устойчивая практика сложилась при применении ст. 302 ГК РФ в отношении признания добросовестности приобретателя, но опять же несовершенство действующих реестров не позволило реализовать государственные гарантии для их пользователей.

Сегодня все чаще приходится констатировать, что без реализации принципа публичной достоверности существующие в России публичные реестры теряют смысл, а цель обеспечения устойчивости оборота общественных отношений не достигается [3, с. 71].

Поэтому уже в 2009 г. указанное правило было включено в Концепцию развития гражданского законодательства в РФ, а именно обозначены принципы: проверки законности оснований регистрации, публичности реестра, презумпции его достоверности [5].

Логичным следствием было введение в Гражданский кодекс РФ статьи 8.1 «Государственная регистрация прав на имущество», которая значительно укрепила гражданский оборот, введя некоторую защиту для лица, совершившего сделку и полагавшегося на публичную информацию. При этом такое лицо должно сохранять зарегистрированные за ним права в том виде, в каком эти права уже были записаны в реестр.

Обновились и иные законодательные правила, ранее сформулированные в практике высших судов. Так, п. 7.3 Федерального закона от 18.07.2018 «Об организованных торгах» [10] ввел недопустимость истребования у добросовестного приобретателя имущества, приобретенного на организованных торгах. Статья 51 ГК РФ была дополнена положениями, гарантирующими правовую определенность пользователям, добросовестно полагающимся на данные единого государственного реестра юридических лиц, позже законодатель уточнил формулировку ст. 433 ГК РФ, обозначив в виде цели регистрации сделки оглашение ее правовых последствий для третьих лиц и т.д.

Возникает вопрос – явилось ли введение ст. 8.1 ГК РФ полноценным закреплением принципа публичной достоверности в частном праве? На наш взгляд, в ней, скорее, предпринята попытка сформулировать правила ведения имущественных реестров. Кроме того, Е.А. Нахова говорит о закреплении доказательственной фикции отсутствия добросовестности лица, обратившегося за регистрацией права на имущество в тот момент, когда в отношении этого имущества в государственном реестре содержалась отметка о соответствующем притязании в случае спора с лицом, по требованию или заявлению которого была внесена эта отметка [6]. Поэтому, даже

если ст. 8.1 ГК РФ и закрепила принцип публичной достоверности для имущественных реестров, то лишь с учетом системного толкования положений п. 2 ст. 223 и ст. 302 ГК РФ.

К сожалению, в публичных отраслях права значение публичной достоверности несколько размыто. Это даже звучит как каламбур. Сегодня проверка по реестрам еще не дает гарантии статуса добросовестного приобретателя. Взять хотя бы «гениальный» институт «неосмотрительность в выборе контрагента» [12, 13], изобретенный судебной практикой по налоговым делам, явно противоречащий отраслевому принципу добросовестности налогоплательщика и позволяющий взыскать неуплаченный налог с контрагентов, не представивших доказательств отсутствия грубой неосторожности в выборе делового партнера.

Приходится констатировать и отсутствие общей правовой регламентации реестров, правила ведения которых определяются конкретными отраслями права, а чаще ведомственными подзаконными актами. Принятие же единых требований и принципов позволит не только создать предпосылки открытости, но и возможность создания единого информационного ресурса или оператора, например в рамках портала государственных услуг. Поэтому мы выступаем за принятие, например, закона «О публичных реестрах», который был бы важным шагом реализации публичной достоверности для правовой системы в целом.

Недостаток же публичной достоверности часто выливается в различные злоупотребления. Так, именно самостоятельное ведение реестров акционерными обществами с количеством акционеров менее 50 создало распространенную в «нулевых» годах схему рейдерства – силовой захват реестра, внесение в него изменений и последующее утверждение протокола общего собрания, на котором выбирается новый генеральный директор.

Конечно, в 2009 году принимался так называемый «антирейдерский пакет» [8], что привело к установлению специального процессуального порядка разрешения корпоративных споров, их исключительной подсудности, появлению новых составов преступлений и по оптимистичным прогнозам к искоренению рейдерства как явления. Но из-за полумеры законодателя – возложения дополнительных регистрационных функций на нотариусов – открылась новая лазейка. Вероятно, не учитывался факт, что нотариусы, деятельность которых не обладает свойством прозрачности, тоже могут нарушить закон.

Например, достаточный резонанс в г. Барнауле получила неудавшаяся попытка рейдерского захвата отеля «Александр Хаус» (ООО «Алтэкс»). Следствие установило, что в 2014 г. М. предоставил в налоговую подложные документы, в т.ч. договор купли-продажи долей, заверенный нотариусом. На их основании были внесены изменения в ЕГРЮЛ и учредительные документы ООО «Алтэкс». В результате М. приобрел права на его активы – отель «Александр Хаус» и земельный участок

стоимостью более 66 млн рублей. Затем он попытался перевести объекты недвижимости в собственность подконтрольной ему фирмы. Но это не удалось – документы из Росреестра изъяли правоохранительные органы [14].

Особое значение для интересов граждан и организаций имеют имущественные реестры, обладающие наибольшим сходством в силу предмета своего учета. Здесь законодателем проделана наибольшая работа. Уже в 2014 г. во исполнение Концепции Федеральной целевой программы «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014-2019 годы)» [11] и Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» [9], вступившего в силу с 01.01.2017, идет формирование единого реестра недвижимости [2]. Сегодня последовательно проводится переход от двойной регистрации прав и соответствующих им юридических фактов к титульному учету.

Подведем некоторые итоги и выделим функции института публичной достоверности имущественных реестров, обнаруженные нами при анализе законодательства в этой сфере:

1. Возможность равного доступа к важной информации о правах на имущество для неограниченного круга лиц.
2. Гарантирование актуальности полученных из реестров данных, снижение рисков гражданского оборота, отсутствие обстоятельств, неизвестных приобретателю.
3. Обеспечение фискальных интересов государства посредством фиксации объекта налогообложения и налоговой базы.
4. Упорядочение оборота (пользования, доступа) отдельных видов имущества посредством осуществления учета и удостоверения. Так, в Постановлении Конститу-

ционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П разъясняется, что защита добросовестного приобретателя «отвечает целям обеспечения стабильности оборота», а отсутствие защиты «дестабилизирует гражданский оборот, подрывает доверие его участников друг к другу» [15].

5. Повышение стабильности общественных отношений, придание им стабильного юридического статуса (состояния); возможность оспорить данные реестра только в судебном порядке. Здесь мы видим классические «качели» интересов: повышение стабильности оборота подрывает стабильность общественных отношений и наоборот.

6. Разрешение правовых конфликтов между добросовестным приобретателем от ложно легитимированного отчуждателя и иного лица, претендующего на собственность (собственника имущества). Вопрос здесь состоит, скорее, в распределении бремени рисков потери или иного умаления имущественных прав. При этом российский законодатель чаще разрешает его в пользу добросовестного приобретателя, ограничивая виндикацию в его отношении, правда, с условием, что грубая неосторожность исключает действие публичной достоверности [16, с. 3].

Как уже отмечалось, ведение публичных реестров выступает важнейшим сектором ответственности государства и муниципалитетов, от качества этой деятельности зависит стабильность экономики и правовое качество жизни общества, а ее несовершенство создает лазейки для злоупотреблений. Поэтому назрела необходимость закрепления на уровне федерального закона «О публичных реестрах» единых требований и принципов регистрационной деятельности, а также создания единого информационного ресурса или оператора, облегчающих доступ граждан к важнейшей учетной информации.

Литература

1. Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: БЕК, 1994. 336 с.
2. Бадулина Е.В. Система государственной регистрации недвижимости в России: этапы становления и перспективы развития // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Бояринцева О.А. Публичная достоверность баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по мат-лам LXIV-LXV международной научно-практ. конф-ции. Новосибирск: СибАК, 2016. № 8-9(59). С. 68-74.
4. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования [Электронный ресурс]: приказ Ростехрегулирования от 12.03.2007 № 28-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009. М., 2009.
6. Нахова Е.А. Вопросы доказательственного права в судебной практике в цивилистическом процессе // Юстиция. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры России от 13.12.2016 № 797/11, МВД России № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 19.07.2009 № 205-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3642.

9. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
10. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014-2019 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 28.06.2013 № 1101-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3634.
11. Об организованных торгах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 21.09.2016 № 309-КГ16-11417 по делу № А76-17369/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2015 № 304-КГ15-5794 по делу № А45-2042/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. По материалам сайта СУ СК по Алтайскому краю. URL: <http://altai-krai.sledcom.ru>.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.
16. Самойлов Е.Ю. Публичная достоверность при приобретении недвижимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 340.12

А.А. Юрицин

аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

E-mail: JurAlexandr@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАТЕГОРИИ «ВЛАСТЬ» И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья посвящена проблематике власти в рамках юридической науки. Автор акцентирует внимание на том, что, несмотря на первичность власти по отношению ко многим общественным явлениям, в т.ч. государству и праву, существующие представления о власти и ее разновидностях складываются из противоречий, следовательно, не являются научно релевантными. Решение обозначенной проблемы предполагается посредством экспликации ключевых дилемм, под действие которых так или иначе подпадает большая часть теорий власти, что позволяет наглядно исследовать причины существующих разногласий и предложить концепцию системного понимания власти в юридической науке. Автор обращает внимание на значение редукционизма и необоснованного обобщения как ключевых логических ошибок научного понимания власти. В работе освещается значение антропологии власти, при помощи которой обосновываются некоторые недостатки марксистского понимания права и государственной власти, неверно характеризующие детерминизм общественных процессов.

Ключевые слова: власть, абсолютные (общие) отношения, дилеммы восприятия власти, парадигма юридической науки, юридическая антропология, юридическая этнография, марксизм, религиозный культ, первобытный человек.

A.A. Yuritsin

postgraduate student of Dostoevsky Omsk State University

E-mail: JurAlexandr@yandex.ru

COGNITIVE CONTRADICTIONS OF THE CATEGORY OF POWER AND THEIR SIGNIFICANCE FOR THE LEGAL SCIENCE

The article is devoted to the problems of power in the framework of legal science. The author focuses on the fact that despite the primacy of power in relation to many social phenomena, including state and law, the existing ideas about power and its varieties are made up of contradictions, therefore, are not scientifically relevant. The solution of the indicated problem is supposed to be done through explication of key dilemmas, which, one way or another, fall under most of the theories of power, which allows us to visually explore the causes of existing differences and propose the concept of a systemic understanding of power in legal science. The author draws attention to the importance of reductionism and unwarranted generalization as the key logical errors of the scientific understanding of power. The work highlights the importance of the anthropology of power, which is used to substantiate some of the shortcomings of the Marxist understanding of law and state power, which incorrectly characterize the determinism of social processes.

Key words: power, absolute (general) relations, dilemmas of perception of power, the paradigm of legal science, legal anthropology, legal ethnography, Marxism, religious cult, primitive man.

Несмотря на повсеместность употребления категории «власть», проблемы с однозначностью ее понимания осложнены многообразием явлений ее нематериальной сущности. Практически до XX в. какие-либо полномасштабные исследования власти вообще отсутствовали, а само понятие воспринималось как априорное. Поэтому и поныне философы говорят о власти разума и духа, представители естественных наук – о власти над природой, психологи – о власти над самим собой, юристы – о государстве и власти права и пр. В результате этого употребление категории «власть» нельзя назвать осознанным в достаточной мере.

Для юридической науки вопрос о власти имеет первостепенное значение, т.к. он формирует основы мышления, источники права, общий образ государства, влияет на юридическую методологию, а также позволяет расширить историческое предметное поле теории государства и права.

Ведь, несмотря на извечный спор о первичности государства или права, ученые упускают из виду, что именно власть выступает первичной основой для обоих явлений, т.к. все они по отношению к власти являются производными инструментами организации управления и поддержания необходимого порядка в социуме. Появление права и государства – процесс поступательный и диалектический, а власть сопровождает человека уже в момент формирования первобытного общества. В конечном счете от признания первичности власти по отношению ко всем государственно-правовым явлениям будет зависеть специфика парадигмы юридической науки, которая фактически утрачена в полемике о плюрализме теоретических оснований правоведения. Экстраполяция предмета теории государства и права на изучение закономерностей, предшествующих появлению государственно организованного общества, позволяет по-иному взглянуть на современную доктрину, т.к. социальная антропология позволяет увидеть новые причинно-следственные связи явлений, ранее не воспринимавшихся юридической наукой. Следовательно, мы можем устранить многие противоречия, возникшие на фоне игнорирования детерминизма социальных процессов.

Данные посыпки позволяют рассматривать властные отношения как всеобщее явление и учитывать их влияние при осуществлении правового регулирования. Это может быть особенно актуально даже для частных отраслей права, где режим формального равенства субъектов не всегда соответствует фактическим отношениям. Например, отношения в области защиты прав потребителей, где симметрия правового статуса в пользу слабой стороны позволяет потребителю оказывать на предпринимателя определенное властное воздействие под угрозой применения санкций (так называемый потребительский экстремизм). Или отношения в области удовлетворения публичных нужд, где при формальном равенстве участника закупочных процедур и заказчика механизм координации интересов контрактных отношений полностью устранен в угоду воле заказчика

в определении особенностей исполнения сделки [15, с. 116-131].

Отчасти проблемы подобного рода получают свое эпизодическое решение в актах судебного правотворчества, например, в части учета фактического поведения сторон сделки в процессе проведения переговоров: если будет установлено, что при заключении договор, проект которого был предложен одной из сторон, содержал в себе явно обременительные условия, существенным образом нарушающие баланс интересов сторон, а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора, то суд вправе применить к такой сделке правила, касающиеся договора присоединения (п. 9) [12].

По большому счету, если удовлетворение интересов одного лица зависит от дискреционных полномочий (права или усмотрения в целом) другого, то можно говорить о наличии власти, ведь отказ в удовлетворении интересов может выступать в роли принудительного средства. В качестве примера можно привести п. 6 ст. 40 Градостроительного кодекса РФ, где удовлетворение притязания заявителя фактически зависит от усмотрения главы местной администрации. В законе не прописаны четкие основания отказа, что потенциально позволяет без труда установить противозаконные властные отношения для целей извлечения собственной выгоды. Поэтому правовое регулирование различных отраслей права должно в максимальной степени предвидеть и нивелировать риски возникновения нежелательных, в т.ч. коррупциогенных, властеотношений.

Однако для понимания роли власти в бытии права, общества и государства необходимо прежде познать ее сущность. Наиболее предпочтительным и методологически верным вариантом ее познания является выделение наиболее общих признаков, однако они практически не изучены ни в отечественных, ни в зарубежных отраслях гуманитарного научного знания. Кроме того, ученые обычно обходят стороной сущностные вопросы власти, игнорируя ответы на фундаментальные дилеммы. Поэтому в научной литературе изучение власти в большинстве случаев редуцируется до явлений политико-государственной сферы. Подобные попытки познания сущности через ее явления, взятые обособленно и бессистемно, ведут к подмене понятий и необоснованному обобщению как наиболее грубой и распространенной ошибке индукции.

Анализ ряда публикаций на заданную тему позволяет говорить о наличии следующих проблем, вытекающих из ошибочного решения ряда теоретических дилемм, формирующих смысловое поле категории «власть». Так, В.В. Гончаров и Л.И. Ковалева, обосновывая универсально-онтологический подход к пониманию власти, по нашему мнению, допускают необоснованное сужение содержания данного феномена [5, с. 93-95], что проявляется, во-первых, в постановке власти в линейную зависимость от экономических отношений. Данный тезис является спорным, т.к. именно в результате грамотной организации управления в первобытном

обществе (по причине узурпации и организации власти культа) можно говорить о разделении труда, появлении прибавочного продукта, социально-экономическом неравенстве и в конечном счете о совершенствовании базисных отношений. Власть – неперемный спутник любых отношений, даже тех, что не связаны с экономической сферой, например культ или религия. Очевидно, что власть и экономический уклад тесно коррелируют друг с другом и уровни их организации должны соответствовать, однако это вовсе не значит, что один из факторов предопределяет другой: какой бы ни была экономика или власть, если их уровни развития не когерентны, то результат их диссонансного взаимодействия приведет к еще большей деградации их обоих. Поэтому мы не можем говорить о линейном детерминизме между экономикой и властью.

Подобные суждения о гипертрофированной роли экономики – это не более чем следствие пережитков марксистской идеологии. Для преодоления редуционизма и атаквистического влияния марксистских идей нам необходимо понять причины данных заблуждений. В противном случае, допуская наличие подобных признаков, мы действительно будем вынуждены ограничить временной горизонт изучения власти периодом неолита (5-2 тыс. лет до н.э.), ведь именно в нем появляется письменность, происходит полноценное разделение труда (скотоводство, земледелие и ремесло), развивается социальное неравенство, а также формируются первые государства и политическая система общества. Конечно, апелляция ученых к марксизму с его идеей о гипертрофированной роли базисных отношений выглядит довольно привлекательно, однако необоснованно.

Первоначально власть в обществе человека разумного возникает в связи с возникновением культа в период среднего палеолита (около 100 тыс. лет до н.э.) и приобретает определенные магические, иррациональные черты и функции, в т.ч. по объяснению картины мира, применению насилия и механизма социальной гигиены на основе актуализации установки «свой-чужой», порождающей крайнюю нетерпимость как к посторонним на основе расовых, культурных отличий, так и к инакомыслящим представителям своей группы, если их поведение отклонялось от заданных стандартов, что особенно очевидно на фоне необычайного засилья и распространенности жертвоприношений, описанных в истории мировой этнографии практически среди всех народов мира [1, с. 12-18; 6, с. 41-42; 11, с. 12; 14, с. 69-226]. Немаловажным фактором являлись и личностные качества отправителей культов, и случайные факторы (статистический, вероятностный успех в виде жребиев, ордалий, природных событий и пр.) [2, с. 317; 14, с. 49-51], что позволяло им доказывать действительность реальности, в которую веровало население, что также легитимизировало их власть.

Данные положения в полной мере соотносятся с идеями Э.Б. Тайлора в части того, что первые простейшие религии, удовлетворяя чувство интереса и страха первобытного человека к пониманию идеи живой и

неживой природы, пытаются обуздать и фактически подчинить его фобии, используют идеи об анимизме (дуальное восприятие мира в ключе бытия духов (или иной сверхъестественной, сакральной необъяснимой силы) наряду с материей), тем самым совершают попытку установить «рациональное» (понятное) мировоззрение и объяснить устройство мира. Данного опыта воссоздания дополнительной реальности из небытия и тьмы незнания не избежал ни один народ. Ведь даже предки человека разумного (кроманьонцы) уже были существами с оккультным мышлением [10, с. 109; 14, с. 78, 149-154]. До сих пор религии основываются на мифологемах в высший суд, правильные и греховные модели поведения, трансцендентное вознаграждение и пр. Все это обменивается на сиюминутную покорность и душевный покой подвластных, в чем изобличается базисная идея обмена.

Сами религиоведы отмечают, что одними из основных функциональных смыслов религии являются преодоление страхов, трансформация социальной агрессии, солидаризация общества [3, с. 101]. Как отмечал Э. Дюркгейм, сакральность говорит не столько о высших силах, сколько о людях, посредством культа идентифицирующих себя с определенной социальной группой и придерживающихся его ценностей. Подобное восприятие религии лишает ее веры, позволяя изучать ее социальные функции [10, с. 110]. Данные обстоятельства подтверждают, если не кратологическую сущность религии, то по крайней мере нечуждость феномена власти различным религиозным верованиям. Поэтому крайне важно видеть нематериальные проявления кратологической сущности религиозного культа за его экстернальными поведенческими или вещественными проявлениями сакрального [13, с. 202-204].

Именно данный фактор является предопределяющим в деле формирования зачатков будущего разделения труда и социального неравенства членов общины. Ведь если вспоминать историю становления первых государств, то все они были теологическими, религия занимала важное место в деле легитимации власти. Неслучайно, например, в Древнем Египте и Китае образ правителя в глазах населения воспринимался как олицетворение полубога, отпрыска богов, а не простого человека, наделенного властью. Более того, на религиозных нормах во многом основывалось и право первых государств в части специфики построения правовой системы, особенно в рамках своеобразия запретов и обязанностей, вопросах построения, легитимации и передачи власти. Данная тенденция на протяжении Средневековья наблюдается и в европейских государствах, а также и в наши дни в странах, относящихся к религиозной правовой семье. В результате этого можно утверждать, что с появлением государства «центр тяжести» власти переходит от культа (религии) к светским правителям, которые зачастую не могут сразу полностью освободиться от влияния мистификации на еще синкретичную светскую власть или используют религию как одно из средств влияния на народные массы.

Нередко религиозные культы превращались в значимых игроков на мировой политической арене, например католическая церковь и ее участие в политической жизни Средневековья на основе концепции «двух мечей».

Конечно, власть культа не является единственной в первобытном обществе, она существует наряду с властью вожака, совета старейшин и пр., однако на ранних этапах развития человечества она наиболее совершенна среди них, т.к. лидер культа является лицом, непосредственно не участвующим в производственном процессе (оказывает довольно спорное мотивирующее влияние), что закладывает основы социального неравенства и профессиональной организации власти, чему также способствует наиболее развитая коммуникационная система социальных правил, существующая на основе синкретичного социального права культа, состоящего преимущественно из запретов и обязанностей.

Получается, используя терминологию классиков марксизма, что так называемые надстроечные отношения исторически превалируют над экономическим базисом, следствие предвывает причину. Почему подобное противоречие не было учтено в рамках диалектико-материалистической теории происхождения государства? Полагаем, что данное противоречие скрывается не столько в европоцентристских уклонах произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, сколько в ограниченном временном горизонте их исследований, что привело к постулированию выводов без должных на то оснований. Это становится очевидно при анализе ряда фундаментальных источников. Например, Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», хотя и уделяет пристальное внимание развитию первобытного общества, однако не учитывает следующие аспекты, во-первых, ограничивает предметное поле исследования преимущественно народами, населявшими Европу, во-вторых, хотя его работа и основана на трудах Л.Г. Моргана, который в рамках своих исследований уделял больше внимания периоду дикости и варварства, чем цивилизованному человеческому обществу, Ф. Энгельс, напротив, построил систему своих выводов о происхождении государства, разделении труда и социальном неравенстве на основе изучения греческой, германской, римской, отчасти ирокезской культур, т.е. на основе источников не позднее бронзового века (около 3500-800 лет до нашей эры). Те же недостатки наблюдаются и в «Капитале» К. Маркса, и в работах известного этнографа Э.Б. Тайлора, использующих ту же трехчленную периодизацию истории человечества [14, с. 23-24], тем самым существенно ограничивая горизонт исследований и, следовательно, нарушая преемственность многих причинно-следственных зависимостей.

В то же время причины данных заблуждений более чем объективны, т.к. социальная антропология как наука формируется не ранее начала XX века. Поэтому как ранее, так и поныне говорить о какой-либо системности и достоверности знаний в области жизни первобытного человека разумного довольно сложно, т.к. абсолютную

часть своей истории, в период которой формировались зачатки современной цивилизации, он прожил в диком состоянии, не имея ни письменности, ни языка [11, с. 19]. Закономерно, что вне учета положений социальной антропологии идеи марксизма выглядели логичными и обоснованными, что и предопределяет их влияние и поныне. Равным образом закономерны и пробелы изучения власти в рамках религиоведения, которое, имея полуторавековую историю, не выработало единого подхода к изучению религии, в результате чего имеется сильный дисциплинарный уклон, предопределяющий феноменологический, психологический, экономический, политический, атеистический и пр. узкие подходы к исследованию религии [3, с. 98-99].

Во-вторых, из изложенного с необходимостью следует, что увязка власти исключительно с ее политическим характером также не соответствует генезису властеотношений в первобытном догосударственном обществе, в котором присвоение власти никак не связано с организованной борьбой за ее присвоение по причине отсутствия антагонистических социальных групп и обособления внутригрупповых интересов, что, разумеется, не исключает наличия властных отношений в данном сообществе в иных сферах.

В-третьих, обнаруживается архаичный антропоцентризм, ограничивающий сферу власти исключительно человеческим обществом. Хотя наличие аналогов властных отношений и не позволяет говорить о тождестве правлений власти в животном и человеческом мире, т.к. мы действительно не можем всерьез рассуждать о необходимости полного соответствия людских и животных феноменов. В то же время с точки зрения биологической систематики сам человек относится к довольно многочисленному отряду приматов. А учитывая происхождение и уровень развития первобытного человека разумного – подобия и полноценного аналога современного человека, мы навряд ли можем утверждать, что на заре его появления 200 тысяч лет назад его быт имел радикальные отличия от животных, не говоря уже о сложности организации данных сообществ. Неслучайно в конце XX в. появляются науки на стыке общественного и естественного знания, например социобиология, стремящаяся объяснить поведение человека на основе явлений, наблюдаемых в животном мире [7, с. 42; 8, с. 109]. Поэтому никакие уступки, даже о биосоциальной природе власти как о компромиссе между природой и обществом, не могут восприниматься иначе, чем реабилитация средневекового антропоцентризма [4, с. 5-6], т.к. зачатки самого общества как сложной модели коллектива живых организмов также явствуют из природы.

Изложенное позволяет заметить, что, как ни парадоксально, универсальный онтологический подход к власти довольно относителен в своем понимании. У различных ученых он может быть ограничен властью в государстве, в политике, в различных явлениях человеческого общества или в целом в природе. В то же время сама идея обоснования универсально-онтологического

подхода к пониманию власти не означает абсолютной распространенности данного явления, что не позволяет сравнивать власть непосредственно с общими философскими категориями, например материей, взаимодействием, противоречием и пр., которые представлены как в живой, так и неживой природе. В то же время самостоятельный характер изучения власти не предполагает ее производности от каких бы то ни было иных категорий, как то влияние, зависимость, сила и пр. Ибо в противном случае власть не только подпадает под содержательное влияние так называемых подобных категорий, но и возникает проблема разграничения власти от них, что неминуемо приведет к необходимости рассмотрения власти по отношению к иным категориям в ключе сравнения в духе простой/сложный, часть/целое.

Формально мы действительно можем обоснованно возразить, что проявления человека и социальных животных имеют радикальные отличия друг от друга. В то же время, если проследить генеалогию власти, получается, что первобытное общество, несмотря на наличие аналогичного интеллектуального потенциала, долгое время вело дикий образ жизни, практически не отличающийся от жизни животных. Значит ли это, что власть сразу появляется в качестве развитого явления, минуя примитивные формы своего развития и преемственность? Подобный вывод отрицал бы все возможные законы диалектики. В то же время разница между природным и антропоцентричным аспектами власти очевидна, к чему и апеллируют ученые. Однако изучение социальной антропологии и этнографии нарушает данную дуальную оппозицию, в результате чего мы можем наблюдать аналог градиента цвета – эффект плавного, безграничного перехода от одного оттенка к другому.

Обозначенное радикальное противопоставление восприятия власти теряется при отрицании антропоцентризма и признании развития и преемственности всяких феноменов от простых форм к более сложным, в т.ч. при заимствовании аналогов в живой природе и их последующем усложнении в человеческом обществе. Каким бы ни был переход цветов (иных феноменов), это грани выражения специализации сущности одного явления (цвета как такового). Конечно, подобная аргументация позволяет приравнять «черное к белому», однако это лишь вопрос предмета исследования: если мы изучаем существо явления как таковое, то отличительные признаки будут восприниматься нами уже в ином качестве, в виде специализации. В противном случае мы погрязнем в близких, однако бесполезных спорах об отличии особенностей, чем о сущности явления как такового.

Это свидетельствует о том, что в своем рудиментарном (минимальном) виде многие феномены представлены и в природе, и в социуме. Ведь, например, камень как орудие может использоваться и современным, и первобытным человеком, и животным для решения задач различного рода. От этого он по своей сущности не перестает быть орудием. Равно как и современная техника, несмотря на свою сложность, является лишь ору-

дием для решения определенных задач. Лишь от того, что ни первобытный человек, ни тем более животное не могут осмыслить ни ее, ни сами задачи, данная техника не теряет своей сущности в виде орудия. Равным образом и с властью: несмотря на ее отличия в человеческом и животном мире, палитра ее проявлений основывается на единой плоскости общих признаков, свойственных всем частным и специальным проявлениям родовой категории. Однако сами признаки с учетом изложенных замечаний не осмыслены в качестве универсально-онтологических, т.к. их всеобщность не предполагает механического выбора одного из вариантов какой-либо из дилемм, а требует их органичного, непротиворечивого единства. Поэтому сами общие признаки власти фактически остаются имплицитными.

Идеи В.Г. Ледяева, наиболее последовательно и всесторонне изучившего феномен власти в отечественной литературе, в т.ч. на основе анализа зарубежных источников в области философии, политологии, социологии, также вызывают замечания. Помимо обозначенного антропоцентричного уклона, он, рассматривая диспозиционную и релятивистскую традиции власти, хотя и не противопоставляет их, однако указывает, что обе концепции являются последовательными стадиями властеотношений. Он считает, что данные традиции есть разновидности каузальных связей: общих или актуализированных (конкретизированных в общественном отношении) [9, с. 101-121, 226-268].

Исходя из того, что обе концепции им предлагается рассматривать как стадии властеотношений, возникает диссонанс между общей и актуализированной каузальной связью (как философских понятий), с одной стороны, и абстрактной и конкретной связью (как понятий теории права) – с другой. Однако с точки зрения теории права, а также критики концепции абсолютных отношений имеется подмена причины и следствия, при которой одно общественное отношение порождает другое, а также одно общественное отношение является причиной всех остальных. Согласно его логике, каузальная связь становится синонимом общественных отношений, что приводит к отрицанию диспозиционной традиции власти из-за критики концепции абсолютных (общих) отношений.

Обозначенный конфликт не может быть решен ни посредством реабилитации концепции абсолютных (общих) отношений по причине наличия в их теории неустраняемых противоречий в части смешения субъектов права и правоотношений, отсутствия полноценных юридических фактов, нарушения динамики стадий правового регулирования, а также перспектив защиты подобных отношений, ни посредством заимствования предложений философов. Ибо в противном случае мы либо игнорируем и узакониваем противоречия концепции абсолютных (общих) отношений, либо отрицаем диспозиционную традицию понимания власти, что также недопустимо по причине невозможности редуцирования власти до поведенческих отношений и пренебрежения вопросами ограничения

свободы выбора посредством влияния на мотивацию подвластных.

Поэтому современные теории, изучающие власть, охватывают лишь узкий спектр явлений ее сущности, т.к. обозначенные дилеммы между универсально-онтологическим или узким восприятием власти, а также между диспозиционной или релятивистской традициями без

должного уяснения причин их появления способствуют необоснованной редукции предмета исследования и актуализируют антагонистические противоречия между теориями власти. Следовательно, в отсутствие осознания и истолкования данных дилемм мы не можем вести речь о какой-либо фундаментальности дефиниций и признаков власти, ныне выделяемых в научной литературе.

Литература

1. Алексеенкова Е.С. О когнитивной природе власти (или о том, как соотносятся власть и демократия) // Политика. 2007. С. 6-21.
2. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. 613 с.
3. Гаврилов Е.О. В поисках методологических оснований изучения религии // Вестник КемГУКИ. 2013. № 25. С. 97-104.
4. Гобозов И.А. Власть как биосоциальное явление // Философия и общество. 2016. № 2. С. 5-19.
5. Гончаров В.В., Ковалева Л.И. Власть как социально-философская и правовая категория: институционально-политический анализ // Социодинамика. 2016. № 9. С. 86-102.
6. Григоренко А.Ю. «Свой-чужой» в истории религии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. С. 41-47.
7. Загыртдинова Ф.Б. Био: власть, политика, этика // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 33. С. 39-43.
8. Зекрист Р.И. Власть: сущность и структура // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5. С. 109-115.
9. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 384 с.
10. Мелихов Г.В. Антропология сакрального: к характеристике предмета исследования // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 1. С. 109-124.
11. Минюшев Ф.И. Социальная антропология: курс лекций. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 2004. 116 с.
12. О свободе договора и ее пределах [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Сазонова Н.И. Визуальная антропология и новые подходы к исследованию религиозного культа: к постановке проблемы // Вестник ТГПУ. 2015. № 2. С. 202-207.
14. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 414 с.
15. Юрицин А.А. Особенности механизма правового регулирования организационных отношений в рамках контрактной системы закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 150 с.

Административное право и административный процесс

УДК 342.97

И.В. Глазунова, канд. юрид. наук, доцент

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

E-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru;

А.Ф. Алгазина, канд. юрид. наук

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

E-mail: anna_masalab@mail.ru

ЮРИСДИКЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Статья посвящена характеристике юрисдикционной функции саморегулируемых организаций, содержание которой состоит в рассмотрении указанными организациями жалоб на действия их членов и дел о нарушении ее членами требований стандартов и правил саморегулируемой организации, условий членства в саморегулируемой организации, а также в применении мер дисциплинарного воздействия в отношении своих членов. Анализ особенностей осуществления саморегулируемыми организациями юрисдикционной функции позволил авторам прийти к выводу о том, что правовой статус саморегулируемых организаций нуждается в дальнейшей конкретизации.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемая организация, юрисдикционная функция, дисциплинарное производство, жалоба.

I.V. Glazunova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Dostoevsky Omsk State University

E-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru;

A.F. Algazina, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: anna_masalab@mail.ru

JURISDICTIONAL FUNCTION OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS: THE CONTENTS AND FEATURES OF THE IMPLEMENTATION

The article is devoted to the jurisdictional function of self-regulatory organizations, the content of which is to consider these organizations complaints against their members and cases of violation of its members with standards and rules of self-regulating organizations, conditions of membership in self-regulating organization, the application of disciplinary measures against its members. Analysis of peculiarities of self-regulating organizations jurisdictional functions has allowed the author to conclude that the legal status of self-regulating organizations needs to be defined.

Key words: self-regulation, self-regulating organization, jurisdictional function, disciplinary proceedings, complaint.

С начала проведения административной реформы в нашей стране исследование проблем саморегулирования как механизма, призванного снизить степень государственного вмешательства в отдельные сферы профессиональной деятельности и устранить избыточные административные барьеры, не теряет своей значимости и актуальности. Как отмечает А.Н. Костюков, становление системы саморегулирования в нашей стране позволило снизить административное давление на субъектов предпринимательской деятельности [3, с. 59].

Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее – Закон о СРО) [10] понимает под саморегулируемыми организациями некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных указанным федеральным законом и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

В числе основных функций СРО как особых субъектов права могут быть выделены следующие:

- регулирующая, которая проявляется в разработке стандартов и правил, условий членства в саморегулируемой организации и иных внутренних документов СРО;

- контрольная: саморегулируемые организации осуществляют контроль за профессиональной деятельностью своих членов;

- организационно-обеспечительная. Примерами проявления данной функции являются ведение реестра членов СРО, обеспечение имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами, формирование органов управления саморегулируемой организации, размещение предусмотренных законом документов и сведений на официальном сайте СРО;

- юрисдикционная: СРО рассматривают жалобы на действия членов саморегулируемой организации и дела о нарушении ее членами требований стандартов и правил саморегулируемой организации, условий членства в саморегулируемой организации, применяют меры дисциплинарного воздействия в отношении своих членов.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены особенности осуществления саморегулируемыми организациями юрисдикционной функции.

Рассмотрение жалоб на действия членов саморегулируемой организации и дел о нарушении ее членами требований стандартов и правил профессиональной деятельности, условий членства в саморегулируемой организации осуществляет специальный орган, создаваемый постоянно действующим коллегиальным органом управления СРО в обязательном порядке.

Жалоба на нарушение членом саморегулируемой организации требований стандартов и правил саморегулируемой организации может являться основанием для

проведения саморегулируемой организацией внеплановой проверки деятельности ее члена.

В силу ч. 2 ст. 10 Закона о СРО процедура рассмотрения жалоб и дел определяется внутренними документами саморегулируемой организации.

Указанная процедура может быть предусмотрена стандартами и правилами СРО, а также специальными актами. Например, в Общероссийской общественной организации «Российское общество оценщиков» действует Положение о Дисциплинарном комитете Общероссийской общественной организации «Российское общество оценщиков» [6], а также Положение об отделе контроля оценочной деятельности Общероссийской общественной организации «Российское общество оценщиков» [7], закрепляющие процедуры рассмотрения жалоб на действия членов саморегулируемой организации и дел о нарушении ее членами установленных требований.

Кроме того, ряд процедурных моментов определен императивно в законе. Так, Законом о СРО предусмотрена обязанность органа по рассмотрению дел о применении в отношении членов СРО мер дисциплинарного воздействия при рассмотрении жалоб на действия членов саморегулируемой организации приглашать на свои заседания лиц, направивших такие жалобы, а также членов саморегулируемой организации, в отношении которых рассматриваются дела о применении мер дисциплинарного воздействия. Предусмотрены порядок принятия решений членами дисциплинарного органа СРО, порядок и сроки направления заинтересованным лицам принятого дисциплинарным органом решения.

В части 4 ст. 10 Закона о СРО закреплён перечень возможных мер дисциплинарного воздействия: «1) вынесение предписания, обязывающего члена саморегулируемой организации устранить выявленные нарушения и устанавливающего сроки устранения таких нарушений; 2) вынесение члену саморегулируемой организации предупреждения; 3) наложение на члена саморегулируемой организации штрафа; 4) рекомендация об исключении лица из членов саморегулируемой организации, подлежащая рассмотрению постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации; 5) иные установленные внутренними документами саморегулируемой организации меры».

Федеральные законы об отдельных видах профессиональной деятельности также устанавливают открытый перечень мер дисциплинарного воздействия, которые могут быть применены СРО, предоставляя саморегулируемым организациям возможность закрепить в своих внутренних документах меры, не предусмотренные федеральным законодательством.

Так, согласно п. 5 Положения о Дисциплинарном комитете Общероссийской общественной организации «Российское общество оценщиков» [6] комитет вправе при наличии нарушений, выявленных по результатам плановых и внеплановых проверок, а также по результатам рассмотрения жалоб и дел о нарушениях, принять решение о применении следующих мер дисциплинар-

ного воздействия: вынесение предписания, обязывающего члена РОО устранить выявленные в результате проведенной проверки нарушения и устанавливающего сроки их устранения; вынесение члену РОО предупреждения; наложение на члена РОО штрафа; приостановление права осуществления оценочной деятельности; рекомендация об исключении из членов РОО; вынесение предписания об обязательном прохождении повышения квалификации; рекомендация о лишении оценщика квалификационного звания РОО; рекомендация о приостановлении членства в РОО и иные меры.

Следовательно, перечень мер дисциплинарного воздействия, предусмотренный внутренними документами РОО, значительно шире перечня, закрепленного в Законе о СРО.

Предписание, равно как и рекомендация об исключении лица из членов саморегулируемой организации, по своей правовой природе является не мерой воздействия, а односторонним властно-волевым решением в отношении строго определенного субъекта правоотношения [10, с. 37-38].

Неисполнение предписания влечет за собой применение соответствующей меры воздействия. Рекомендация об исключении из членов саморегулируемой организации сама по себе не порождает юридически значимых последствий для члена саморегулируемой организации в отличие от исключения из членов СРО [8].

В этой связи предписание и рекомендация об исключении лица из членов саморегулируемой организации, по нашему мнению, должны быть исключены из перечня мер дисциплинарного воздействия.

В юридической науке остается дискуссионным вопрос относительно правовой природы дисциплинарного производства, осуществляемого саморегулируемыми организациями, и относительно применяемых ими мер воздействия.

Изучая правовую природу дисциплинарного производства в саморегулируемых организациях, Г.О. Аболонин на основе анализа норм КоАП РФ, в силу которых СРО не являются субъектами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях, приходит к выводу о том, что основу дисциплинарного производства саморегулируемых организаций составляет гражданско-правовой фундамент [1, с. 14].

По нашему мнению, данная позиция не относится к случаям обязательного саморегулирования (подробнее об особенностях обязательного саморегулирования см.: 2, с. 8-9, 14-15; подробнее об осуществлении субъектами права действий по управлению в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от них, см.: 4, с. 35-36).

В.В. Романова применительно к строительным СРО, т.е. саморегулируемым организациям с обязатель-

ным членством, отмечает, что «когда саморегулируемой организацией применяется мера дисциплинарного воздействия к своему члену, то основания для возникновения юридической ответственности базируются не на нарушении обязанностей, возникших по гражданско-правовому договору, а на нарушении членом саморегулируемой организации стандартов и правил данной саморегулируемой организации. Соответственно, речь идет уже не о взаимоотношениях между сторонами по договору, а о взаимоотношениях организации, наделенной законом определенными властными полномочиями, в т.ч. по выдаче допуска на осуществление определенного вида деятельности, и ее членом, который обязан соблюдать стандарты и правила данной организации, а в противном случае может лишиться и допуска, и членства» [9, с. 142].

В отличие от иных юридических лиц, в т.ч. от СРО с добровольным членством, основанные на принципе обязательного членства саморегулируемые организации применяют к своему члену меры воздействия не в связи с невыполнением обязанностей, принятых им на себя добровольно в целях обеспечения частноправовых интересов организации, а в связи с нарушением требований стандартов и правил саморегулирования, соблюдение которых является обязательным условием осуществления соответствующей деятельности, а также положений федерального законодательства.

Одной из возможных мер воздействия на члена саморегулируемой организации является исключение из членов СРО. В случае обязательного саморегулирования такое исключение предполагает не просто лишение его корпоративных прав, данная мера влечет запрет на осуществление определенного вида профессиональной деятельности и направлена на защиту неопределенного круга лиц.

Соответственно, дисциплинарное производство, осуществляемое саморегулируемыми организациями, основанными на принципе обязательного членства, а также применяемые такими СРО меры воздействия по своей природе являются не корпоративными, а публично-правовыми.

Таким образом, совокупность осуществляемых саморегулируемыми организациями в отношении своих членов функций определяет особенности правового статуса СРО. Анализ содержания и особенностей осуществления юрисдикционной функции СРО показал, что правовой статус саморегулируемых организаций нуждается в дальнейшей конкретизации, поскольку содержание нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере саморегулирования, зачастую носит противоречивый характер и требует совершенствования.

Литература

1. Аболонин Г.О. Дисциплинарное производство саморегулируемых организаций – на острие конфликта. М.: Волтерс Клувер, 2010. 276 с.
2. Алгазина А.Ф. Саморегулирование как вид управленческой деятельности (административно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 20 с.

3. Костюков А.Н. Реформа в никуда... // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 58-63.
4. Маслов К.В. К вопросу о понятии налогового администрирования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 1. С. 35-40.
5. О саморегулируемых организациях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Положение о Дисциплинарном комитете Общероссийской общественной организации «Российское общество оценщиков». URL: http://sr000.ru/upload/iblock/b39/polozeniya-o-dk-roo-ot-23.11.2017-_2017_.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
7. Положение об отделе контроля оценочной деятельности Общероссийской общественной организацией «Российское общество оценщиков». URL: <http://ru-sr000-upload.hb.bizmrg.com/iblock/de0/polozenie-ob-otdele-kontrolya-otsenочноy-deyatelnosti-roo.pdf> (дата обращения: 01.09.2018).
8. Разбираем поправки к закону о СПО: Дисциплинарное воздействие. URL: <http://www.all-sro.ru/articles/razbiraem-popravki-k-zakonu-o-sro-distiplinarnoe2> (дата обращения: 03.09.2018).
9. Романова В.В. Правовое регулирование строительства и модернизации энергетических объектов. М.: Юрист, 2012. 426 с.
10. Шалыгин Ю.И. Применение контрольно-надзорными органами законодательства об административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности // Административное право. 2009. № 1. С. 27-49.

УДК 351.95

Ю.А. Кригер, канд. юрид. наук, доцент

Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: y.aleks@list.ru;

Е.А. Федяев

Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: fea55@mail.ru

ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ЛИЦА

В статье проводится анализ законодательства, регулирующего стадию возбуждения производства по делам об административных правонарушениях. Исследуются проблемы, возникающие при возбуждении производства по делу об административном правонарушении в отношении неустановленного лица. Даются предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях, исследуются типичные варианты действий правоприменителя, в т.ч. складывающаяся судебная практика.

Ключевые слова: возбуждение производства по делу об административном правонарушении, неустановленное лицо, административное расследование, процессуальные средства, органы внутренних дел.

Ju.A. Kriger, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: y.aleks@list.ru;

E.A. Fedyayev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: fea55@mail.ru

COMMENCEMENT OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE VIOLATION BY POLICE OFFICERS AGAINST UNKNOWN PERSON

The article analyzes the legislation regulating the stage of commencement of proceedings on administrative violations. The problems arising at the commencement of proceedings on administrative violations against unknown person are investigated. The authors propose to improve the legislation on administrative violations, examine typical options for law enforcement, including the emerging jurisprudence.

Key words: commencement of proceedings on administrative violations, unknown person, administrative investigation, procedural means, internal affairs bodies.

В современном обществе на сотрудника полиции возлагаются обязанности по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, а также обеспечению общественного порядка и общественной безопасности [15].

Для выполнения возложенных на сотрудника полиции обязанностей, кроме организационных мер, используются и меры административного принуждения, среди которых важное место занимает административная ответственность.

На данный момент она является одной из наиболее часто применяемых в рамках государственного управления видов юридической ответственности, позволяющей эффективно воздействовать государственным органам на лиц, допустивших нарушение установленных правил поведения [13, с. 72-74].

Общественные отношения, охраняемые нормами административного законодательства, имеют широкие рамки, в связи с чем подвержены постоянным изменениям. Так, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) с момента его принятия по настоящее время внесено 586 изменений [2]. Это говорит о постоянно возникающих сложностях в правоприменении отдельных норм КоАП РФ, а также о конфликтах с иными нормативными правовыми актами.

Одним из проблемных вопросов, возникающих в практике деятельности полиции, является возбуждение дела об административном правонарушении. Вышеуказанная стадия имеет ключевое значение для всего административного производства, поскольку от неё зависит окончательное решение по делу.

Согласно статье 28.1 КоАП РФ поводами к возбуждению дела об административном правонарушении являются:

1) непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения;

2) поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения;

3) сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения;

4) фиксация административного правонарушения в области дорожного движения;

5) подтверждение содержащихся в сообщении или заявлении собственника (владельца) транспортного средства данных о том, что в случаях, когда было зафиксировано административное правонарушение в области дорожного движения, транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица.

Положения вышеуказанной статьи, как и в целом главы 28 КоАП РФ, не определяют порядок возбуждения дела об административном правонарушении в отношении неустановленного лица, в связи с чем создаётся ряд трудностей в правоприменительной практике.

В соответствии с общими правилами дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента совершения процессуальных действий, предусмотренных ст. 27.1 КоАП РФ. Однако меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях могут производиться только в отношении конкретных лиц. В данном случае, как нам представляется, единственным правильным выходом является вынесение должностным лицом определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, порядок и основания которого закреплены в ст. 28.7 КоАП РФ. Вместе с тем, анализируя положения данной статьи, можно сделать вывод о том, что в ней закреплён конкретный перечень случаев, когда проводится административное расследование. Под случаями в контексте ст. 28.7 КоАП РФ понимается та или иная область, в которой совершается административное правонарушение. Например, административные правонарушения в области нарушения законодательства о выборах и референдумах, законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах и т.д. То есть там, где требуется проведение экспертиз или иных процессуальных действий, влекущих значительные временные затраты.

Необходимо отметить, что должностные лица органов внутренних дел имеют возможность правомерного вынесения определения о проведении административного расследования в рамках совершенных административных правонарушений, например в области дорожного движения и на транспорте. В то же время отсутствует возможность возбуждения административного расследования, например, в рамках производства по делам об административных правонарушениях в области общественного порядка и общественной безопасности, охраны собственности (за исключением ст. 7.27 КоАП РФ) и др.

На примере правонарушения, предусмотренного статьей 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества», можно отчетливо проследить обозначенную нами проблему. Возникает вопрос, как привлечь к административной ответственности правонарушителя, личность которого на момент возникновения повода к возбуждению дела об административном правонарушении зачастую только предстоит установить, и доказать вину. При этом граждане очень остро реагируют на отказ сотрудника возбуждать дело об административном правонарушении «по факту», ведь, с их точки зрения, «все очевидно».

Анализ норм права, регулирующих производство по делам об административных правонарушениях, позволяет сделать вывод о том, что дело об уничтожении или повреждении чужого имущества может быть возбуж-

дено должностными лицами органов внутренних дел (полиции) только при установлении (задержании) лица, совершившего данное правонарушение. В соответствии с ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ дело об административном правонарушении может быть возбуждено должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, только при наличии достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. В данном случае поводами для возбуждения дела об уничтожении или повреждении чужого имущества могут служить:

- а) непосредственное обнаружение должностными лицами достаточных данных, указывающих на наличие события уничтожения или повреждения чужого имущества;
- б) поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события уничтожения или повреждения чужого имущества;
- в) сообщения и заявления физических и юридических лиц.

В соответствии с ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления закрепленных в данной норме процессуальных документов:

- 1) составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения;
- 2) составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении;
- 3) составления протокола об административном правонарушении или вынесения прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении;
- 4) вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования;
- 5) вынесения постановления по делу об административном правонарушении.

Анализ содержания этих документов позволяет сделать вывод о невозможности их составления без информации о лице, совершившем административное правонарушение.

Возникает парадоксальная ситуация, когда при наличии повода и основания лицо, уполномоченное на составление протокола об административном правонарушении, обязано возбудить дело, но сделать этого не может в отсутствие процессуальных средств [16, с. 127-131]. Одним из вариантов действий сотрудников полиции является проведение проверки по данному факту в порядке, предусмотренном статьями 140-145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и в большинстве случаев она будет закончена вынесением определения об отказе в возбуждении уголовного дела, однако в этом случае есть возможность провести ряд проверочных действий и установить лицо, которое впоследствии будет привлечено к административной ответственности [10, 8].

Другим вариантом развития события является составление протокола осмотра места совершения административного правонарушения [6], что в соответствии с действующими положениями означает возбуждение дела. Вместе с тем эта ситуация должна рассматриваться как возбуждение дела «по факту», т.к. отсутствуют достаточные данные о лице, совершившем правонарушение, данная проблема привлекала ранее внимание и других ученых [5, с. 4]. Несмотря на то что подобная мера может применяться только по ст. 12.24 и 12.30 КоАП РФ, существует множество примеров, когда указанный протокол принимается судами в качестве допустимого доказательства [9, 7, 11]. Возможно, стоит «легализовать» сложившуюся правоприменительную практику путем изменения положений ст. 28.1.1 КоАП РФ, исключив указанные в ней ограничения, предоставив сотрудникам полиции самим решать, когда нужен в качестве доказательства протокол осмотра места происшествия.

Изучив и проанализировав практику применения положений отдельных статей КоАП РФ, посвященных возбуждению дела об административном правонарушении, можно сделать вывод о том, что если лицо, совершившее правонарушение, не установлено, то сотрудник полиции возбуждает дело об административном правонарушении по «факту» [12]. Однако это не предусмотрено законодательством Российской Федерации и является нарушением, т.к. одним из обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении, в соответствии со ст. 24.5 КоАП РФ является отсутствие состава административного правонарушения, в т.ч. недостижение физическим лицом на момент совершения противоправных действий (бездействия) возраста, предусмотренного КоАП РФ для привлечения к административной ответственности (за исключением случая, предусмотренного частью 3 указанной статьи), или невменяемость физического лица, совершившего противоправные действия (бездействие).

В качестве одного из решения обозначенной нами проблемы необходимо внести изменения в положение ст. 28.7 КоАП РФ «Административное расследование» и закрепить в ней дополнительные составы, по которым необходимо его проводить. Так, например, совершение правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества», зачастую требует проведения административного расследования, однако законом такая возможность не предусмотрена.

В данном случае возникает другая проблема. Так, в соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ «...при вынесении определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также иным участникам производства по делу об административном правонарушении разъясняются их права и обязанности, предусмотренные КоАП РФ, о чем делается запись в определении. Копия определения о возбуждении дела об административ-

ном правонарушении и проведении административного расследования в течение суток вручается под расписку либо высылается физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также потерпевшему». Данное положение указывает на то, что определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования не может быть вынесено в отношении неустановленного лица, что подтверждается и другими исследователями [1, с. 147-148]. Справедливо заметить, что многие авторы в своих работах, посвященных вопросам возбуждения дел об административных правонарушениях, обходят стороной проблему привлечения к ответственности неустановленного лица. Для решения затронутой нами в статье проблемы некоторые исследователи предлагают включить в главу 28 КоАП РФ меры, направленные на установление личности лица, совершившего административное правонарушение [4, с. 172-175; 14, с. 57-93].

Подводя итог проведенному исследованию, следует признать, что в настоящее время отсутствует законодательная возможность возбуждения дела об административном правонарушении в отношении неустановленного лица, однако в правоприменительной практике органов внутренних дел периодически осуществляется возбуждение дела об административном правонарушении «по факту».

Полагаем что:

- назрела необходимость расширения перечня составов административных правонарушений, по которым возможно проведение административного расследования;

- необходимо внести изменения в ст. 28.1.1 КоАП РФ, исключив указанные в ней ограничения, предоставив возможность лицам, осуществляющим производство по делу об административном правонарушении, составлять протокол осмотра места происшествия по иным составам.

Литература

1. Иванова С.И. Особенности и сроки рассмотрения заявлений об административных правонарушениях, совершенных неустановленными лицами // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2015. № 2 (5).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27 июня 2018 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 7 марта 2018 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Панкратов Д.Е. К вопросу законности вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования в отношении неустановленного лица // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XX международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч.* Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2017.
5. Попугаев Ю.И. Содержание и оптимизация правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении // *Административное право и процесс*. 2015. № 4.
6. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-127/2017 от 29.03.2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-kulundinskogo-rajona-altajskogo-kрая-s/act-238016349> (дата обращения: 16.07.2018).
7. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-1029/2013 от 30.12.2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-krasnoholmskogo-rajona-s/act-213723926> (дата обращения: 16.07.2018).
8. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-2357-2015/3м от 23.11.2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-centralnogo-ao-g-tyumeni-3-s/act-225911868> (дата обращения: 16.07.2018).
9. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-326/2015 от 16.10.2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-selizharovskogo-rajona-s/act-224462161> (дата обращения: 16.07.2018).
10. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-41/12 от 12.03.2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-33-samarskoj-oblasti-s/act-201703757> (дата обращения: 16.07.2018).
11. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-93/2017 от 20.03.2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-7-g-bijska-altajskogo-kрая-s/act-237929366> (дата обращения: 16.07.2018).
12. Решение по делу об административном правонарушении от 24.06.2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-ulan-ude-respublika-buryatiya-s/act-104347644> (дата обращения: 16.07.2018).
13. Сидорова С.А., Гайдук С.Л. Правовая сущность административной ответственности // *Юридическая гносеология*. 2016. № 1.
14. Султанов К.А. Вопросы возбуждения административного расследования в отношении неустановленного лица // *Административное право и практика администрирования*. 2017. № 3.
15. Филиппов О.Ю., Юрицин А.Е. Мелкое хищение: проблемы возбуждения дела об административном правонарушении и проведении административного расследования // *Вестник Омской юридической академии*. 2016. № 4 (33).

УДК 351.741

А.П. Опальский, доктор экон. наук, профессор

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

E-mail: apo2004@yandex.ru;

В.В. Тырышкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: witsan333@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся необходимости применения в государственном управлении органами внутренних дел отдельных методов аналитической работы, успешно реализуемых в финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций, а также в управленческой деятельности правоохранительных органов зарубежных государств. Подробно охарактеризованы такие методы, как факторный анализ, СВОП-анализ, СТЕП-анализ, функционально-стоимостный анализ, а также представлены положительные аспекты их применения в стратегическом анализе правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Кроме этого, обоснована целесообразность закрепления вышеуказанных методов аналитической работы в ведомственных нормативных актах Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: стратегический анализ управленческой деятельности, факторный анализ, СВОП-анализ, СТЕП-анализ, функционально-стоимостный анализ, эффективность деятельности органов внутренних дел.

A.P. Opalsky, PhD. (Doctor of Economic Sciences), professor

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation

E-mail: apo2004@yandex.ru;

V.V. Tyryshkin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: witsan333@yandex.ru

ADMINISTRATIVE AND LEGAL METHODS OF STATE MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS BODIES (ON THE EXAMPLE OF STRATEGIC ANALYSIS)

The article deals with topical issues related to the need for the use of certain methods of analytical work in the public administration of internal affairs bodies, successfully implemented in the financial and economic activities of commercial organizations, as well as in the management of law enforcement agencies of foreign states. Such methods as factor analysis, SWOP-analysis, STEP-analysis, functional and cost analysis are described in detail, as well as the positive aspects of their application in the strategic analysis of law enforcement activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation are presented. Besides the expediency of fixing of the above methods of analytical work is proved in the departmental regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Key words: strategic analysis of management activities, factor analysis, SWOP-analysis, STEP-analysis, functional and cost analysis, the effectiveness of the internal affairs bodies.

Реализация стратегии развития той или иной системы является непрерывным процессом, от успеха которого определяется дальнейший путь: либо система эволюционирует, либо «сворачивается». Для системы общественно-экономических отношений подобное «сворачивание» связано со стагнацией и негативными последствиями, выражающимися в причинённом ущербе, экономической убыли, депрессии общества и т.д. Как показывает опыт решения стратегических задач, не все решения даются легко и просто. Успешная реализация стратегии возможна при сочетании всей совокупности управленческих решений и множества поэтапных действий, выполняемых различными элементами системы в виде целевых групп и отдельных лиц, использующих в каждом случае свои или типичные инструменты управления.

Повышение эффективности государственного управления в целом и совершенствование управленческой деятельности в системе государственного аппарата в частности названы в числе приоритетных задач, поставленных Президентом Российской Федерации перед Правительством РФ и иными федеральными органами исполнительной власти [5]. В свою очередь, План МВД России по реализации Стратегии развития МВД России до 2020 г. предусматривает осуществление комплекса мероприятий по оптимизации организационно-структурного построения органов внутренних дел, сосредоточению их деятельности на приоритетных направлениях борьбы с преступностью и правонарушениями [7]. Очевидно, что решение столь масштабных задач требует проведения глубокого стратегического анализа с применением не только традиционно используемых в управленческой практике ОВД, но и новых, нашедших широкое применение в управлении финансово-хозяйственной деятельностью методов.

До конца 2016 г. основным ведомственным правовым актом МВД России, регламентирующим организацию информационно-аналитической работы, в т.ч. и на уровне стратегического управления, являлся приказ МВД России, утверждающий Временное наставление по службе штабов органов внутренних дел [6]. В последующем данное наставление было отменено Приказом МВД России от 30 декабря 2016 г. № 947, на смену ему был принят Приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623 «Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», который в настоящее время является ключевым в области организации стратегического анализа управленческой деятельности органов внутренних дел, но, по сути, данный приказ не намного отличается от отмененного.

В соответствии с приказом № 623 2018 г. штабные подразделения осуществляют комплексный анализ состояния правопорядка и противодействия преступности за длительный период (год и более). В данном наставлении содержится развернутый перечень оказывающих влияние на состояние правопорядка и работу органов внутренних дел факторов, информация о которых долж-

на охватываться комплексным анализом, но отсутствует указание на применяемые при его проведении методы.

Этот методологический пробел присутствует как в отмененном приказе МВД России № 86, так и во вновь принятом приказе № 623, что, как представляется, существенно снижает ценность проводимой штабными подразделениями ОВД аналитической работы для целей выработки управленческих решений на стратегическом уровне. В настоящее время в системе ОВД наиболее широко используются методы математической статистики для проведения сравнительного анализа, при котором сравниваются статистические данные о результатах деятельности двух и более органов внутренних дел, функционирующих в схожих условиях. На тактическом уровне сравнительный анализ позволяет установить зависимость между отдельными статистическими показателями и анализируемыми факторами внутренней и внешней среды функционирования органа внутренних дел, выявить недостатки в организации работы на отдельных направлениях оперативно-служебной деятельности и сформулировать задачи по их устранению. Но этого явно недостаточно для решения стратегических задач по выявлению долгосрочных тенденций изменения внешней среды функционирования, выбору оптимальной структуры и направлению развития системы органов внутренних дел. В то же время практикой управления финансово-хозяйственной деятельностью коммерческих организаций выработаны различные формы и методы проведения комплексного анализа, которые могут быть с успехом использованы и в управлении органами внутренних дел.

Так, заслуживает внимания методика проведения факторного анализа (*factor analysis*), позволяющего установить, какой из исследуемых в совокупности факторов в действительности оказывает решающее значение на изучаемый показатель или процесс. К одной из разновидностей факторного анализа можно отнести достаточно подробно описанный в работах экономистов и широко используемый в управлении бизнесом СВОТ-анализ (*SWOT-analysis*), получивший название по первым буквам английских слов, характеризующих исследуемые группы факторов, упорядочиваемых по степени влияния на деятельность организации (*Strengths* – сильные стороны, *Weaknesses* – слабости, *Opportunities* – возможности, *Threats* – угрозы) [8, с. 66-68]. На основе СВОТ-анализа организация должна максимально использовать свои сильные стороны, попытаться преодолеть слабости, воспользоваться благоприятными возможностями и защититься от потенциальных угроз. Данный метод является универсальным инструментом как тактического, так и стратегического анализа, поскольку может проводиться и в целом для организации или системы, подобной органам внутренних дел, и по сферам экономики или социальной жизни, в которых она функционирует, и по отдельным видам выпускаемой продукции или оказываемых услуг, и для оценки организации работы на отдельных направлениях деятельности или уровня квалификации сотрудников. Ис-

пользование СВОТ-анализа штабными подразделениями органов внутренних дел позволило бы упорядочить и сгруппировать в соответствии с предлагаемой методикой весь массив изучаемой информации, выработать рассчитанные на долгосрочную либо среднесрочную перспективу предложения по оптимизации организационно-структурного построения и рациональному использованию имеющихся материальных ресурсов, нематериальных активов и кадрового потенциала ОВД.

Другой разновидностью факторного анализа, используемой в стратегическом управлении бизнесом, является СТЕП-анализ факторов внешней среды, в отдельных источниках именуемый как ПЕСТ-анализ (*STEP* – аббревиатура четырех английских слов: *Society* – общество, *Technology* – технология, *Economy* – экономика, *Policy* – политика) [3, с. 22-23]. По результатам проведения СТЕП-анализа ключевых для долгосрочного развития коммерческой организации факторов внешней среды составляются прогнозные сценарии, служащие основой для составления соответствующих бизнес-планов. Конечно, использование в чистом виде в системе органов государственной власти и управления СТЕП-анализа политических и экономических рисков, уровня социального и технологического развития вряд ли оправданно, но методика выявления ключевых факторов внешней среды, их системного анализа и построения прогнозных сценариев востребована в стратегическом управлении любой организации или системы органов. Ценность данного метода стратегического анализа состоит в возможности значительного снижения уровня неопределенности и повышения степени готовности системы к изменениям внешней среды.

Одним из наиболее востребованных и перспективных методов стратегического анализа, наряду с вышеуказанными, на нынешнем этапе развития системы органов внутренних дел может служить функционально-стоимостный анализ (*functional-cost analysis*) – совокупность приемов комплексного системного исследования функций, направленных на обеспечение общественно необходимых потребительских свойств объектов и минимальных затрат на их проявление [4, с. 4]. Выделяют три формы функционально-стоимостного анализа (ФСА): корректирующая (улучшение объекта), исследовательская (создание нового объекта), инверсная (определение заданной совокупности потребностей и соответствующих им функций) [4, с. 7]. В отличие от предметного подхода, используемого в традиционных методах анализа, ФСА позволяет абстрагироваться от существующей организационной структуры и сосредоточиться на вопросе повышения эффективности и уменьшения затратности выполнения комплекса определенных функций [4, с. 4-5]. Использование данного метода тем более актуально, что именно оптимизация функций органов исполнительной власти в рамках административной реформы призвана повысить эффективность их деятельности. Думается, что давно назрела необходимость в проведении реального анализа функций всех правоохранительных органов, соотношении не-

обходимых для реализации государственной политики в правоохранительной сфере функций с бюджетными затратами на их осуществление, выработке на основе такого анализа предложений по оптимизации организационно-структурного построения системы правоохранительных органов в целом и органов внутренних дел в частности. Надо сказать, что метод функционально-стоимостного анализа с успехом применялся в ФРГ и США для выявления затрат на реализацию функции полицейского патрулирования в общественных местах, осуществление которой, как показали исследования, составляет до 60% работы полиции как в ФРГ, так и в таких странах, как Австралия, Великобритания, Канада, Япония и США. Анализ, в частности, позволил установить, что в полиции ФРГ увеличение плотности нарядов на один патрульный автомобиль означает усиление на 13 сотрудников полиции, на которых необходимо выделить по меньшей мере 50 000 евро в год только на содержание полицейского персонала и вместе с этим 650 000 евро для экипажа патрульной машины [2, с. 22]. С учетом того, что исследование выявило зависимость сокращения числа правонарушений и дорожно-транспортных происшествий не от увеличения интенсивности патрулирования, а от оперативности реагирования на факты их совершения, были предложены менее затратные меры по мониторингу обстановки в общественных местах с использованием телекоммуникационных средств, оборудованию терминалов экстренной связи с полицией, предоставлению гражданам возможности обращения в полицию через Интернет и с помощью СМС-сообщений, привлечению к патрулированию сотрудников частных охранных предприятий и местных жителей [2, с. 23-24].

Итак, достижение стратегических целей социально-экономического развития какой-либо системы характеризуется её перспективным видением. На перспективу расставляются акценты, выбираются индикаторы для установления в последующем позитивных сдвигов. В целях динамичного развития системы выбранными приоритетами должны руководствоваться в своей деятельности как органы управления, так и все участники общественно-экономических отношений, связанных с функционированием самой системы.

Теория и практика стратегического управления финансово-хозяйственной деятельностью коммерческих организаций, зарубежный опыт стратегического управления в правоохранительной сфере неоспоримо свидетельствуют о возможностях использования новых методов стратегического анализа в государственном управлении, в т.ч. и в управлении органами внутренних дел.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод не только о пользе и возможности, но и целесообразности совершенствования нормативно-правового регулирования информационно-аналитической работы в органах внутренних дел, расширения спектра применяемых методов анализа как на тактическом, так и на стратегическом уровнях управления, апробации и широкого практического использования новых форм и ме-

тодов стратегического анализа, отвечающих современным требованиям по обеспечению эффективного государственного управления. Методологические основы осуществления информационно-аналитической работы в обязательном порядке должны быть включены в приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623.

Литература

1. Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 26.09.2018 № 623. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Егер Р.Р. Новые формы организации деятельности полиции // Deutsches Polizeiblatt (ФРГ). 2006. № 1.
3. Косова Л.Н. Методы стратегического анализа хозяйственной деятельности организации: учебное пособие. М.: Российский государственный университет правосудия, 2018.
4. Николаева Н.Г., Приймак Е.В. Функционально-стоимостный анализ в управлении качеством продукции и процессов жизненного цикла: учебное пособие. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2013.
5. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Временного наставления по службе штабов органов внутренних дел [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 12.02.1997 № 86 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. План МВД России по реализации Стратегии развития МВД России до 2020 года, утвержденный Министром внутренних дел РФ от 20.03.2008 № 1/2153. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/documents> (дата обращения: 17.09.2018).
8. Современный стратегический анализ: учебное пособие / Е.Ю. Кузнецова [и др.]. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, ЭБС АСВ, 2016.

УДК 351.95

Е.В. Яковлева

соискатель Национального исследовательского Томского государственного университета,
Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: kasteban@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ, ПРЕДМЕТОМ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В статье анализируется проблема, связанная с использованием законодателем различной терминологии по отношению к официальным документам, являющимся предметами правонарушений против порядка управления. На основе анализа видов документов автором сформулирован вывод о необоснованности признания предметом правонарушений, предусмотренных ст. 19.16 и 19.17 КоАП РФ, только паспорта гражданина РФ и необходимости его исключения из диспозиции названных статей. Исследуя соотношение элементов составов, предусмотренных ст. 19.23 КоАП РФ и ст. 327 УК РФ, автор выделяет основные признаки, позволяющие отграничивать их друг от друга.

Ключевые слова: порядок управления, официальный документ, подделка, административная ответственность, лицо, совершившее правонарушение, цель подделки.

E. V. Yakovleva

postgraduate student of Tomsk State University

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kasteban@yandex.ru

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES AGAINST AN ORDER OF MANAGEMENT WHICH SUBJECT ARE OFFICIAL DOCUMENTS

The article analyzes the problem associated with the use of different terminology by the legislator in relation to the official documents, which are the subjects of offenses against the order of management. Based on the analysis of types of documents, the author formulated the conclusion about the groundlessness of recognition of the subject of the offences referred to in Art. 19.16 and 19.17 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation, only the passport of the citizen of the Russian Federation and the need for its exclusion from the provisions of these articles. Examining the ratio of elements of the compositions provided for in Art. 19.23 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation and Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author marks out the main features that allow for delimitation them from each other.

Key words: order of management, official document, forgery, administrative responsibility, the person who has committed offense, forgery purpose.

Между преступлением и административным проступком существуют тесная взаимосвязь и взаимодействие. Значительная группа общественных отношений берется под охрану и уголовным, и административным законодательством. В этих случаях законодатель не всегда проводит четкую границу между преступлением и административным проступком, отдавая ее на откуп правоприменителю.

В главе 19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержатся следующие правонарушения, посягающие на порядок управления, предметом которых выступают официальные документы: умышленная порча документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), либо утрата документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), по небрежности (ст. 19.16 КоАП РФ), незаконное изъятие документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), или принятие документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), в залог (ст. 19.17 КоАП РФ), подделка документов, штампов, печатей или бланков, их использование, передача либо сбыт (ст. 19.23 КоАП РФ).

Используя различную терминологию по отношению к официальным документам, законодатель в рассматриваемой главе создал лишние трудности в квалификации правонарушений, предметами которых они выступают. Для уяснения четкого круга документов, являющихся предметами названных составов, необходимо подробно раскрыть их признаки, а также разграничить запрещенные с ними деяния от схожих, но запрещенных уголовным законом.

В статьях 19.16 и 19.17 КоАП РФ в качестве предмета правонарушений предусмотрен «документ, удостоверяющий личность», и тут же законодатель называет этот документ – паспорт. Паспорт гражданина РФ является основным документом, удостоверяющим личность гражданина РФ на территории РФ. В соответствии с Положением, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828 (далее – Положение), паспорт обязаны иметь все граждане РФ, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории РФ¹, гражданин должен бережно хранить паспорт, а о его утрате (похищении) незамедлительно заявить в территориальное подразделение по вопросам миграции МВД России.

Однако ограничение документов, удостоверяющих личность, только паспортом достаточно спорно. Документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации, кроме паспорта, является временное удостоверение личности [7], оно предоставляется на период оформления нового паспорта, а такжеграничный паспорт, который Указом Президента от 29 декабря 2012 г. № 1709 признается удостоверением личности гражданина за пределами Российской Федерации [9]. Для лиц без гражданства в соответствии с ч. 2 ст. 10

¹ В случае если гражданин не предпринимает мер к получению паспорта в установленные сроки, он привлекается к ответственности по ст. 19.15 КоАП РФ.

Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» такими документами являются «разрешение на временное проживание, вид на жительство и иные документы...» [10]. Удостоверением личности лица, признанного беженцем, в соответствии с Федеральным законом от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» – удостоверение беженца [8]. Итак, возникает вопрос, имеется ли состав правонарушения в случае незаконных действий с документами, удостоверяющими личность и признаваемыми таковыми в соответствии с действующим законодательством, учитывая, что в ст. 19.16 и 19.17 КоАП РФ предметом правонарушений назван лишь паспорт? Считаем, что имеется. Поскольку все вышеуказанные документы, исходя из общего контекста законодательства в данной сфере [6], признаются в равной степени документами, удостоверяющими личность гражданина.

Проблемным вопросом в применении данных правовых норм является также то, что законодатель не указывает на принадлежность документа, удостоверяющего личность, только гражданину Российской Федерации, однако в литературе превалирует именно такая точка зрения [4, 5, 11]. Мы полагаем необоснованным сужать предмет данных правонарушений. Так, иностранный гражданин, умышленно уничтоживший свой паспорт, должен нести ответственность не только за нарушение режима пребывания по ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, но и по ст. 19.16 КоАП РФ. К примеру, в уголовно-правовой практике официальными документами, незаконные деяния с которыми запрещены главой 32 УК РФ «Преступления против порядка управления», довольно часто признаются документы, исходящие от иностранных субъектов. Так, Канавинским районным судом г. Н. Новгорода, гражданин Республики Казахстан был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 327, ч. 3 ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), за то, что способствовал внесению ложных сведений в свой паспорт, а затем использовал его [1]. Следовательно, по нашему мнению, нет необходимости ограничительно толковать законодателя, указавшего в качестве предмета правонарушений удостоверение личности гражданина (паспорта) без конкретизации его принадлежности к государству.

Диспозиция ст. 19.16 КоАП РФ имеет сходную объективную сторону с преступлением, предусмотренным ст. 325 УК РФ. В частности, речь идет об умышленном уничтожении или порче документа, удостоверяющего личность (паспорта). Отличие данных составов заключается в субъекте совершения нарушения. Так, лицо, уничтожившее собственный паспорт, подлежит ответственности по норме КоАП РФ. В случае уничтожения паспорта, принадлежащего другому лицу, подлежит применению норма УК РФ. Следовательно, можно констатировать, что ответственность для гражданина, который допускает утерю, повреждение или уничтожение своего документа, удостоверяющего личность (паспорт-

та), обоснованно закреплена в административном законодательстве в связи с меньшей общественной вредностью таких деяний.

Незаконное изъятие документа, удостоверяющего личность (паспорта) (ст. 19.17 КоАП РФ), следует отличать от похищения или сокрытия официальных документов (ст. 325 УК РФ). В соответствии с п. 22 Положения запрещается изъятие у гражданина паспорта, кроме случаев, предусмотренных законодательством. Основным отличием названных составов является то, что нарушение, запрещенное нормой КоАП РФ, совершается должностным лицом, тогда как ответственность в УК РФ установлена для физических лиц. При этом, чтобы квалифицировать деяние как административное правонарушение, должностное лицо должно изъять паспорт в связи с выполнением своих должностных полномочий.

Особый интерес вызывает разграничение деяний, связанных с подделкой документов. Статья 19.23 КоАП РФ правонарушением признает «подделку документа, удостоверяющего личность, подтверждающего наличие у лица права или освобождение его от обязанности, ... использование, передача либо сбыт». В статье 327 УК РФ устанавливается ответственность за подделку удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа.

В юридической литературе разграничение преступлений и административных правонарушений обычно проводится по степени общественной опасности деяния. Однако, учитывая объективную схожесть данных проступков, определить такую степень у аналогичных деяний не представляется возможным без детального анализа признаков названных составов.

Рассматриваемые преступление и административное правонарушение имеют общий объект, а именно общественные отношения в сфере порядка управления. Вред причиняется отношениям, обуславливающим нормальное функционирование государственной власти, а именно регламентирующим установленный законом порядок оборота документов.

Говоря о предмете подделки, стоит отметить, что в отличие от ст. 327 УК РФ диспозиция ст. 19.23 КоАП РФ не содержит указания на его официальный характер, однако он должен «удостоверять личность или подтверждать наличие у лица права или освобождение его от обязанности». По нашему мнению, отсутствие признака официальности не несет самостоятельной смысловой нагрузки, т.к. неофициальный документ не может ничего подтверждать. В свою очередь, документ, удостоверяющий личность, а также подтверждающий наличие у лица права или освобождение его от обязанности, всегда является официальным. Более того, отметим, что сам по себе документ предоставлять права не может, он только подтверждает наличие у лица прав либо освобождение его от обязанностей. В связи со сказанным, считаем формулировку наименования пред-

мета названного административного правонарушения более удачной, нежели в ст. 327 УК РФ. Таким образом, схожесть объекта и предмета рассматриваемых составов не позволяет их отграничить друг от друга.

Объективная сторона деяния, закрепленного в ст. 19.23 КоАП РФ, выражается в совершении действий по подделке документа, удостоверяющего личность, подтверждающего наличие у лица права или освобождение его от обязанности, а равно действие по подделке штампа, печати, бланка, их использованию, передаче либо сбыту. В то время как объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, представляет собой более широкий круг действий и заключается в подделке удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыте такого документа, а равно изготовлении в тех же целях или сбыте поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков, а также совершении тех же деяний с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение либо в использовании заведомо подложного документа.

Деяния, ответственность за которые установлена в ст. 19.23 КоАП РФ и 327 УК РФ, имеют сходство в субъективной стороне, оба характеризуются виной в форме прямого умысла, т.е. лицо должно осознавать общественно вредный характер своих действий. Для наступления уголовной ответственности требуется установление цели использования официального документа самим лицом, совершившим подделку, либо другим лицом, для которого он изготавливался. Если подделка не преследовала цели использования, а подразумевала другие разрешенные законом действия (коллекционирование, демонстрация своего художественного мастерства), состав преступления будет отсутствовать. Диспозиция ст. 19.23 КоАП РФ не содержит указания на цель подделки. По этой причине некоторыми авторами высказывалось мнение, что основным отличием рассматриваемых составов является цель, которую преследует виновное лицо [3, с. 306]. Мы придерживаемся иной точки зрения, согласно которой основным отличием рассматриваемых составов является субъект. В рассматриваемом административном правонарушении это юридическое лицо, а в преступлении – физическое. Аналогичную позицию мы встречаем и в судебной практике. Например, Кемеровский районный суд Кемеровской области в своем постановлении указал, что «санкция ст. 19.23 КоАП РФ предусматривает наказание лишь для юридических лиц, следовательно, Кругова, протокол в отношении которой составлен как на гражданина, не может являться субъектом совершения данного правонарушения, т.е. в ее действиях не может содержаться состав названного правонарушения» [2].

Положения ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяют сделать вывод, что юридическое лицо приобретает права и принимает на себя обязанности через своих участников, а действия лица, которое в

силу закона или учредительных документов, выступает от его имени, рассматриваются как действия самого юридического лица. Из этого следует, что подделка документа всегда преследует определенную цель, т.е. состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.23 КоАП РФ, имеет место в случае действий в интересах юридического лица. В случае же совершения подделки с иными целями необходимо рассматривать вопрос о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ.

Подводя итог, отметим, что физическое лицо, непосредственно подделавшее документ с целью его использования, должно привлекаться к уголовной, а юридическое лицо при наличии у него вины к административной ответственности. При этом необходимо учитывать, что назначение административного наказания юридическо-

му лицу не освобождает от ответственности за данное деяние виновное физическое лицо.

Использование в главах КоАП РФ и УК РФ, устанавливающих ответственность за деяния против порядка управления, различных формулировок в отношении, по сути, одних и тех же документов (официальных) не только противоречит правилам юридической техники, но и вызывает излишние трудности в применении таких норм. Следовательно, установление единого определения официального документа, выступающего предметом административных правонарушений и преступлений против порядка управления, имеет большое значение не только для теории административного и уголовного права, но и для практики применения соответствующих положений законодательства правоохранительными и судебными органами.

Литература

1. Архив Канавинского районного суда г. Н. Новгорода за 2016 год. Д. № 1-275/2016 от 31.10.2016.
2. Архив Кемеровского районного суда Кемеровской области за 2013 год. Постановление № 5-159/2013 от 11.11.2013.
3. Букалерева Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 574 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. Б.В. Россинского [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 31.12.2001 № 195-ФЗ (постатейный) (подготовлен для системы «КонсультантПлюс» 2014) / Р.В. Амелин, Е.А. Бевзюк, Ю.В. Волков, Н.И. Воробьев, Ю.Н. Вахрушева и др. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации 13.03.1997 № 232. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О беженцах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О паспорте гражданина Российской Федерации, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащем на электронном носителе информации дополнительные биометрические персональные данные его владельца [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 1709. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях (подготовлен для системы «КонсультантПлюс» 2008) / под ред. Э.Г. Липатова, С.Е. Чаннова [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.77

П.Р. Базаров, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: Blogbox66@yandex.ru

ЗАГРЯЗНЕНИЕ МОРСКОЙ СРЕДЫ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ, УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье на основе сведений ГИАЦ МВД России о количественных показателях преступности, Министерства природы и экологии России об уровне загрязнения морских вод, а также уголовно-правового анализа основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 252 УК РФ, экологического законодательства и научных работ рассмотрены вопросы общественной опасности данного деяния и его уголовно-правовой характеристики.

Ключевые слова: загрязнение, морская среда, общественная опасность, состав преступления.

P.R. Bazarov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Blogbox66@yandex.ru

MARINE POLLUTION: PUBLIC RISK, CRIMINAL CHARACTERISTICS

The article is devoted to the questions of public danger of the act and its criminal law characteristics. It is on the basis of the information of the Ministry of Internal Affairs of Russia on quantitative indicators of crime, the Ministry of nature and ecology of Russia on the level of pollution of sea waters, as well as criminal law analysis of the main crime under part 1 of Art. 252 of the Criminal Code of the Russian Federation, environmental legislation and scientific works.

Key words: pollution, marine environment, public danger, crime.

Загрязнение морской среды и другие виды экологических преступлений представляют большую общественную опасность для здоровья человека. Загрязнённые тяжёлыми металлами, нефтепродуктами, отходами хозяйственной и иной жизнедеятельности человека, болезнетворными бактериями прибрежные воды морей негативно влияют на здоровье людей во время их отдыха на морских побережьях, при употреблении в пищу морепродуктов. При определении стратегических задач развития России на период до 2024 г. предусмотрено решение таких важных задач в экологической сфере, как обеспечение эффективного обращения с отходами производства и потребления, кардинальное снижение уровня загрязнения водных объектов, экологическое оздоровление водных объектов, сохранение биологического разнообразия [18]. В выступлении с ежегодным Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. В.В. Путин обоснованно подчеркнул, что нормы уголовного права должны жёстко действовать в отношении преступлений, которые совершаются против прав граждан и интересов общества [25]. В последнее десятилетие в России наблюдается сохранение высокого уровня преступности – ежегодно регистрируется более 2 млн преступлений. Фактически совершается значительно больше преступлений, но многие из них остаются неучтёнными из-за высокого уровня латентности по ряду объективных и субъективных причин [6]. Например, в 2017 г. зарегистрировано 2 058 500 преступлений, более половины из которых (52,3%) составляют хищения чужого имущества, в т.ч.: кражи – более 38%, мошенничества – около 11%, грабежи и разбои – более 3%, более 29 600 преступлений коррупционной направленности, более 9700 убийств, более 24 500 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, более 3500 изнасилований, 24 400 экологических преступлений, что почти на 3% больше, чем за предыдущий год. Обеспечение безопасной окружающей среды имеет важное значение, от этого зависит здоровье населения. В Конституции Российской Федерации закреплено: пользование природными ресурсами не должно наносить ущерба окружающей среде, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [10, ст. 36, 42, 58].

Учёные отмечают, что «человечество живёт в страхе перед преступностью, и столько, сколько оно существует, ищет методы и средства борьбы с ней» [11]. Важным средством борьбы с данным негативным явлением является уголовный закон. В частности, в главе 26 УК РФ предусмотрена ст. 252, устанавливающая ответственность за загрязнение морской среды. Данная статья характеризуется особой бланкетностью, для рассмотрения уголовно-правовой характеристики состава преступления необходимо обратиться к многочисленным нормам законодательства и иных нормативных правовых актов в сфере экологии. Например, существуют санитарные правила и нормативы в целях предупреждения «загрязнения прибрежных вод морей, которое может

привести к развитию интоксикаций, возникновению инфекционных, паразитарных заболеваний кожно-раздражающего действия и снижению оздоравливающего эффекта морского водопользования населения» [23]. Официально опубликованные сведения Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации свидетельствуют о высоком уровне загрязнённости морских вод. Например, в Баренцевом море, в частности в водах акватории торгового порта г. Мурманска, обнаружены опасные для здоровья человека тяжёлые металлы: железо – в концентрации, превышающей более чем в 46(!) раз предельно допустимую концентрацию (далее – ПДК), кадмий – с превышением ПДК более чем в 8,5 раз, медь – в концентрации, превышающей ПДК почти в 5 раз, никель – с превышением ПДК в 14 раз, марганец – в концентрации, превышающей ПДК в 54(!) раза. Выявлено наличие пестицидов группы химических препаратов, именуемых в народе дустом (во многих странах запрещён для использования, т.к. накапливаясь в организме человека, представляет опасность для здоровья), с превышением ПДК в 10 раз [3]. В последние годы туристы, приезжающие на отдых в г. Сочи на побережье Чёрного моря, нередко стали жаловаться в сети Интернет на участившиеся случаи кишечных инфекций.

По мнению специалистов, одной из причин распространения острых кишечных инфекций является заражение воды. Из-за загрязнения прибрежных вод в море размножаются опасные бактерии – стафилококки, кишечная палочка, а также вирусы. Загрязнение происходит в результате общественно опасной хозяйственной деятельности людей, когда воды моря загрязняются нефтепродуктами, отходами жизнедеятельности человека, бесконтрольной застройкой береговой линии частными жилыми домами, гостиницами, базами и домами отдыха. Черноморский шельф загрязняется строительным мусором: цементной пылью, остатками химических веществ, а впоследствии из-за отсутствия централизованной канализационной системы прибрежные воды моря на систематической основе загрязняются неочищенными сточными водами, представляющими большую опасность для здоровья людей, водных биологических ресурсов, морской экосистемы [8].

Криминализация загрязнения морской среды является в полной мере социально обусловленной как с точки зрения вышеуказанной общественной опасности таких деяний, так и с позиции преювенности в процессе развития отечественного уголовного законодательства. Так, ещё в 1974 г. УК РСФСР 1960 г. был дополнен статьёй 223.1, устанавливавшей ответственность за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей, морских биоресурсов [15]. В настоящее время ст. 252 УК РФ «Загрязнение морской среды» предусматривает три состава преступления: основной (ч. 1), квалифицированный (ч. 2), особо квалифицированный (ч. 3).

Для уголовно-правовой характеристики данного преступления следует использовать разработанный и

многими десятилетиями успешно апробированный в отечественной уголовно-правовой науке подход анализа объективных и субъективных признаков состава преступления. Согласно классическому алгоритму квалификации преступлений, применяемому в теории уголовного права и правоприменительной практике по уголовным делам, анализ состава преступления должен начинаться с правильного определения объекта преступления [2, 4, 7, 12]. Установление объекта преступления имеет важное научно-практическое значение по целому ряду причин. Дело в том, что именно данный элемент состава преступления показывает, на какие охраняемые уголовным законом блага направлено криминальное деяние, на что оно посягает, т.е. каким важным общественным отношениям причиняется вред или создаётся реальная угроза причинения вреда при совершении преступления [4, с. 36]. Данное обстоятельство, в свою очередь, помогает принять правильное решение о выборе раздела и главы Особенной части УК РФ, где следует искать статью, подлежащую применению в каждом конкретном случае. То есть объект преступления представляет собой фундамент, на котором строится весь последующий процесс квалификации преступления.

Однако в работах по экологическим преступлениям, в т.ч. и по проблемам уголовно-правовой характеристики загрязнения морской среды, вопросам объекта состава преступления, к сожалению, не всегда уделяется должное внимание. Некоторые авторы необоснованно полагают, что объект состава преступления представляет собой лишь абстрактное понятие, имеющее юридико-политическое значение [24, с. 159]. В отдельных трудах данные вопросы вообще остаются за рамками рассмотрения состава преступления. Например, Ю.В. Надточий в своей научной статье, посвящённой правоприменительной практике по борьбе с загрязнением морской среды уголовно-правовыми мерами, после изложения вполне обоснованного мнения о причинах высокой латентности преступлений, предусмотренных ст. 252 УК РФ, не обращаясь к рассмотрению объекта преступления, отмечает: «остановимся на объективной стороне данного преступления» [13]. В ряде случаев можно встретить лишь формальную констатацию того, что родовым объектом загрязнения окружающей среды и других составов экологических преступлений являются общественные отношения в сфере общественной безопасности, поскольку статья об ответственности за рассматриваемое экологическое преступление содержится в главе 26 «Экологические преступления», структурно расположенной в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Например, С.Т. Фаткулин отмечает, что в процессе осуществления квалификации преступлений экологического характера следует сразу переходить к анализу непосредственного объекта того или иного деяния, «так как родовый объект (общественная безопасность и общественный порядок)» определяются по тому, что глава 26 включена в раздел IX Особенной части УК РФ [26, с. 15-16].

Как показывает проведённый сравнительно-правовой анализ норм Конституции Российской Федерации, экологического и иного федерального отечественного законодательства, а также уголовного законодательства ряда зарубежных стран, более точным и правильным будет определить в качестве родового объекта загрязнения морской среды и всех других экологических преступлений общественные отношения в сфере окружающей среды. Предлагаемый подход имеет не только важное теоретическое значение, но и характеризуется высоким уровнем практической значимости для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства. Научная идея о том, что родовым объектом состава преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, и иных составов экологических преступлений следует признать общественные отношения в сфере окружающей среды, обуславливает необходимость выделить главу 26 «Экологические преступления» из раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» и преобразовать её в самостоятельный раздел Особенной части УК РФ под названием «Преступления против окружающей среды».

Кроме этого, с учётом большого разнообразия компонентов природной среды (земля, почва, недра, воды – поверхностные и подземные, атмосферный воздух, растительный мир, животный мир, иные организмы и т.п.), которые в своей совокупности обеспечивают условия для существования жизни на Земле [17, 19, 20, 21, 22], предлагается в новом разделе УК РФ «Преступления против окружающей среды» все виды преступлений экологического характера сгруппировать по главам на основе такого классификационного критерия, как особенности компонентов окружающей среды. Сравнительно-правовой анализ правовых норм Водного кодекса Российской Федерации [1], Федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» [16], диспозиций ст. 250 «Загрязнение вод» и ст. 252 «Загрязнение морской среды» УК РФ позволяет сделать вывод, что в качестве видового объекта таких составов экологических преступлений, как загрязнение морской среды и загрязнение вод, следует признать общественные отношения в сфере охраны морских вод, иных поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения. Данный вывод представляется социально обусловленным и обоснованным. Тем более что он вытекает не столько из теоретических рассуждений, сколько из результатов уголовно-правового анализа норм об уголовной ответственности за совершение экологических преступлений и логико-юридического анализа норм экологического законодательства, что обусловлено бланкетным характером диспозиции ч. 1 ст. 252 УК РФ.

Следовательно, вышеизложенное свидетельствует о том, что непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере охраны морских вод от загрязнения. С предложенным подходом солидарны и некоторые другие авторы. Например, И.В. Попов

в своей докторской диссертации отмечает, что в качестве непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, следует назвать «общественные отношения по охране морской среды от загрязнения и иного негативного воздействия» [24, с. 162]. Здесь следует сделать оговорку, что квалифицированный и особо квалифицированный составы рассматриваемого преступления характеризуются наличием не только вышеназванного основного непосредственного объекта, но и дополнительными непосредственными объектами, прямо указанными в ч. 2 (общественные отношения в сфере охраны здоровья человека, водных биологических ресурсов, окружающей среды, зон отдыха) и ч. 3 ст. 252 УК РФ (общественные отношения в сфере охраны жизни человека). Данные вопросы имеют важное значение для теории уголовного права и правоприменительной практики, поэтому они нуждаются в подробном анализе в самостоятельной научной статье.

Другим важным элементом состава преступления, тесно взаимосвязанным с объектом, но принципиально отличающимся от него, является предмет преступления. В работах по уголовному праву содержатся различные научные подходы к определению понятия предмета преступления. Представляется наиболее правильным мнение, согласно которому под предметом преступления понимаются материальные предметы внешнего мира, на которые преступник оказывает непосредственное воздействие при совершении общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения, т.е. на объект преступления [14, с. 310; 9, с. 115]. Применительно к составам преступлений, содержащихся в главе 26 УК РФ, Э.Н. Жевлаков в своей докторской диссертации отмечал, что под предметом экологических преступлений следует понимать компоненты природной среды, которые выполняют природные биологические и иные функции [5, с. 13]. Придерживаясь данной концепции, представляется обоснованным прийти к выводу, что предметом состава преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, являются морские воды. Согласно нормам федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» под внутренними морскими водами понимаются воды, расположенные в сторону берега от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря. К внутренним морским водам относятся воды портов, заливов, бухт, губ и лиманов, а под территориальным морем понимается морской пояс шириной 12 морских миль, примыкающий к сухопутной территории или к вышеназванным внутренним морским водам [16].

Следует подчеркнуть, что не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, воды рек, озёр, водохранилищ, источники питьевого водоснабжения и иные воды, не относящиеся к морским. Данные воды могут выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 250 УК РФ.

Следующим важным элементом состава преступления выступает объективная сторона, под которой,

согласно единодушному мнению учёных, понимается внешняя сторона совершённого преступления. Основным признаком объективной стороны любого состава преступления является общественно опасное деяние. В материальных составах преступлений обязательными также являются два следующих признака: общественно опасные последствия; причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями. Согласно ст. 14 УК РФ общественно опасное деяние может выражаться в форме действия (запрещённого уголовным законом) или бездействия (когда лицо обязано было действовать и могло предпринять меры по предотвращению общественно опасных последствий). Объективная сторона состава анализируемого состава преступления сконструирована в диспозиции ч. 1 ст. 252 УК РФ очень сложно, состоит из многочисленных признаков. С объективной стороны загрязнение морской среды признаётся преступлением, если оно было осуществлено: 1) из находящихся на суше источников; 2) или вследствие нарушения правил захоронения или сброса с транспортных средств; 3) или с возведённых в море искусственных островов; 4) с установок; 5) или с сооружений; 6) тех или иных веществ и материалов; 7) которые могут причинить вред здоровью человека и 8) водным биологическим ресурсам либо 9) которые будут препятствовать правомерному использованию морской среды. Согласно экологическому законодательству (ст. 37 федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации») запрещается: 1) захоронение отходов и других материалов; 2) сброс загрязняющих веществ как во внутренних морских водах, так и в территориальном море. При этом разъясняется, что под захоронением отходов и других материалов понимается любое удаление отходов или других материалов как с судов, так и с летательных аппаратов либо искусственных островов, установок и сооружений, а также умышленное уничтожение судов, других плавучих средств, летательных аппаратов, искусственных островов, установок и сооружений. Не подпадает под понятие захоронения такое удаление отходов, иных материалов, которое является обычным при нормальной эксплуатации судов, летательных аппаратов, искусственных островов, установок и сооружений, если при этом не были превышены нормативы в области охраны морской среды. А под сбросом загрязняющих веществ или стоков, которые содержат загрязняющие вещества, понимается любой их сброс с судов и иных плавучих средств, летательных аппаратов, искусственных островов, установок и сооружений, независимо от причин его осуществления [16].

В научных работах вполне обоснованно подвергается критике чрезмерная перегруженность диспозиции ч. 1 ст. 252 УК РФ. Данная норма является, как отмечалось выше, бланкетной и признаки объективной стороны анализируемого состава преступления подробно изложены в экологическом законодательстве. В этой связи следует поддержать предложение Ю.В. Надточий

о внесении изменений в диспозицию ч. 1 ст. 252 УК РФ в целях её оптимизации для обеспечения единообразного толкования и правильного применения в следственной и судебной практике. Данным автором, в частности, предлагается отказаться от пространного перечисления в диспозиции анализируемой уголовно-правовой нормы различных объектов, с которых может быть совершен сброс веществ и материалов, вредных для здоровья человека и водных биоресурсов либо препятствующих правомерному использованию морской среды [13].

Данный состав преступления по объективной стороне является формальным, т.к. загрязнение морской среды считается оконченным преступлением с момента сброса в море загрязняющих веществ или стоков, которые содержат загрязняющие вещества. Квалифицированный и особо квалифицированный составы рассматриваемого преступления относятся к материальным составам, т.к. обязательными признаками их объективной стороны являются последствия, указанные в диспозициях ч. 2 (причинение существенного вреда здоровью человека, водным биологическим ресурсам, окружающей среде, зонам отдыха, другим охраняемым законом интересам) и ч. 3 (деяния, предусмотренные частями первой или второй, повлекшие по неосторожности смерть человека), а также причинная связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

В науке уголовного права общепризнано, что субъективная сторона преступления – это внутренняя (психическая) деятельность лица, характеризующая его отношение к совершаемому деянию. Содержание субъективной стороны преступления включает в себя такой обязательный признак, как вина, а также дополнительные признаки – мотив и цель. В соответствии со ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за деяние и общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Это является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности. Субъективная сторона загрязнения морской среды характеризуется умышленной формой вины, т.е. уголовной ответственности по ч. 1 ст. 252 УК РФ подлежит лицо лишь в том случае, если оно осознавало общественную опасность сброса в море загрязняющих веществ или стоков, которые содержат загрязняющие вещества. При этом речь идёт об осознании лицом не некой абстрактной общественной опасности таких действий, а именно об осознании лицом того, что совершаемое им деяние загрязняет морскую среду.

Согласно ст. 19 УК РФ субъектом преступления признаётся физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, установленного уголовным законом. С учётом данного определения субъект преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, должен обладать рядом обязательных призна-

ков. Во-первых, к уголовной ответственности по ст. 252 УК РФ может быть привлечено только физическое лицо. Во-вторых, лицо должно быть вменяемым, т.е. в момент совершения преступления осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В-третьих, субъект преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, в соответствии со ст. 20 УК РФ должен достичь 16-летнего возраста.

Особенностью субъекта данного состава преступления является то, что, с одной стороны, это может быть общий субъект, не наделённый какими-либо дополнительными специальными признаками, например собственник частного жилого дома, осуществляющий сброс неочищенных сточных вод в прибрежные воды моря. С другой стороны, наряду с этим в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, может быть лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, например руководитель прибрежной базы отдыха либо судна или иного плавающего средства. Кроме этого, субъектом рассматриваемого преступления может быть также и должностное лицо, например капитан государственного морского судна, или иное лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных предприятиях.

Результаты анализа судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 252 УК РФ, показывают, что данные преступления нередко совершаются с использованием служебного положения лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях. При этом руководителями таких коммерческих организаций в совершение преступлений вовлекаются другие работники этих организаций.

Вышеизложенное позволяет сформулировать предложение по совершенствованию ст. 252 УК РФ. В целях обеспечения большей дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне представляется целесообразным внести изменение в ч. 2 ст. 252 УК РФ и предусмотреть в ней ответственность за совершение действий, указанных в части первой данной статьи, с использованием своего служебного положения. При разработке данного предложения были учтены результаты экспертных опросов, свидетельствующие, что более 2/3 респондентов из числа научно-педагогических работников, являющихся специалистами по уголовному праву и криминологии, сотрудников правоприменительных органов поддержали мнение о необходимости дополнить ч. 2 ст. 252 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения».

Литература

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд. М., 2010.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М.: Минприроды России; НИИ-Природа, 2017.
4. Дуюнов В.К., Хлебущкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: монография. 2-е изд. М., 2015.
5. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991.
6. Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография. М., 2011.
7. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. 2-е изд. М., 2013.
8. Кишечная инфекция на Черноморском побережье. URL: [http:// fb.ru/article/269997/kishechnaya-infektsiya-na-chernomorskom-pobereje-profilaktika-prichiny-i-lechenie](http://fb.ru/article/269997/kishechnaya-infektsiya-na-chernomorskom-pobereje-profilaktika-prichiny-i-lechenie) (дата обращения: 04.05.2018).
9. Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М., 2011.
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2015.
12. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
13. Надточий Ю.В. Загрязнение морской природной среды (ст. 252 УК РФ): проблемы применения. URL: [http:// pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2368](http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2368).
14. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т.; т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР [Электронный ресурс]: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1974 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (ред. от 18.07.17). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. О животном мире [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Российская газета. 2018. 8 мая.
19. О недрах [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (ред. от 30.09.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов [Электронный ресурс]: федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 05.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Об охране атмосферного воздуха [Электронный ресурс]: федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Об утверждении СанПиН 2.1.5.2582-10. Санитарно-эпидемиологические требования к охране прибрежных вод морей от загрязнения в местах водопользования населения. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы [Электронный ресурс]: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 27 февраля 2010 г. № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
25. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Фаткулин С.Т. Квалификация экологических преступлений: учебное пособие. Челябинск: ЮУрГУ, 2015.

УДК 343.222.1:343.4

С.В. Борисов, доктор юрид. наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: svb8@yandex.ru;

А.А. Чугунов, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ВИНЫ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА И ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ГОРНЫХ, СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ, А ТАКЖЕ НА ВЗРЫВООПАСНЫХ ОБЪЕКТАХ ИЛИ ВО ВЗРЫВООПАСНЫХ ЦЕХАХ

В статье рассмотрены особенности и проблемы регламентации и реализации уголовной ответственности за нарушения требований охраны труда и правил безопасности ведения различных видов работ с акцентированием внимания на субъективной стороне данных преступлений, формах и содержании вины, с которой они совершаются. Авторы изучают вину в соотношении с другими признаками выделенных составов преступлений и предлагают пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: взрывоопасные объекты, взрывоопасные цеха, вина, горные работы, иные работы, легкомыслие, небрежность, неосторожность, правила безопасности, строительные работы, требования охраны труда, умысел.

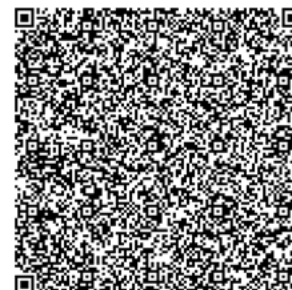
S.V. Borisov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: svb8@yandex.ru;

A.A. Chugunov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE FORM AND CONTENT OF GUILT IN THE CRIMES RELATED TO VIOLATION OF REQUIREMENTS OF LABOR PROTECTION AND SAFETY RULES DURING MINING, CONSTRUCTION OR OTHER WORKS, AS WELL AS ON EXPLOSIVE OBJECTS OR IN EXPLOSIVE SHOPS

The article deals with the peculiarities and problems of regulation and implementation of criminal liability for violations of labor protection requirements and safety rules of various types of work, with an emphasis on the subjective side of these crimes, the forms and content of the fault with which they are committed. The authors study the guilt in relation to other features of the selected compositions of crimes and propose solutions to identified problems.

Key words: explosive objects, explosive shops, wines, mining works, other works, frivolity, negligence, safety rules, construction works, requirements of labor protection, intent.

В настоящей статье мы остановимся на особенностях субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 143, 216 и 217 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В первой из данных уголовно-правовых норм установлена ответственность за нарушение требований охраны труда, а в двух последующих – за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, а также правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах соответственно. При этом обязательным условием уголовной ответственности за данные нарушения является наступление определённых последствий (ст. 143 и 216 УК РФ) либо альтернативно с ними создание опасности их наступления (ст. 217 УК РФ).

Преступление, предусмотренное ст. 143 УК РФ, своим видовым объектом имеет общественные отношения, обеспечивающие конституционные права и свободы человека и гражданина, и непосредственно посягает на безопасность в области осуществления трудовых отношений. Его дополнительными непосредственными объектами являются здоровье человека (при причинении тяжкого вреда его здоровью – ч. 1) либо его жизнь (при наступлении смерти одного – ч. 2, двух или более лиц – ч. 3). Видовым объектом деяний, запрещённых ст. 216 и 217 УК РФ, выступает общественная безопасность, а их непосредственными объектами, соответственно, являются общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия ведения горных, строительных и иных работ, функционирования взрывоопасных объектов и взрывоопасных цехов. Дополнительно данные преступления посягают на здоровье человека (при причинении тяжкого вреда здоровью – ч. 1 ст. 216 УК РФ), собственность (при причинении крупного ущерба – ч. 1 ст. 216 и ч. 1 ст. 217 УК РФ), безопасность жизни человека (при создании угрозы наступления смерти – ч. 1 ст. 217 УК РФ), жизнь человека (при наступлении смерти одного – ч. 2 ст. 216 и ч. 2 ст. 217, двух или более лиц – ч. 3 ст. 216 и ч. 3 ст. 217 УК РФ) [4, с. 329, 330, 608, 611].

Выделенные выше различия в объекте и объективной стороне данных преступлений отражаются и на субъективных признаках их составов. Так, применительно к субъекту нарушения требований охраны труда уголовный закон прямо называет такую его особенность, как возложенную на него обязанность соблюдать такие требования (ст. 143 УК РФ). В статьях 216 и 217 УК РФ дополнительные признаки субъектов соответствующих преступлений прямо не выделяются, однако практика исходит из того, что таковыми являются только те лица, которые наделены обязанностью соблюдать определённые правила безопасности. В пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» [5] разъяснено, что в отличие от ст. 143 УК РФ ответственность по статьям 216 и 217 УК РФ могут нести как лица, на которые

возложена обязанность по соблюдению правил и норм охраны труда, так и другие работники, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством.

С нашей точки зрения, признание субъектов рассматриваемых преступлений специальными вытекает из сущностной основы, заложенной в объективных признаках данных составов, поскольку их объективная сторона связана с нарушением определённых правил, знать и соблюдать которые обязан узкий круг лиц, равно как и обеспечивать соблюдение таковых другими работниками.

Последнее обстоятельство в полной мере согласуется и с принципом вины (ст. 5 УК РФ), призванным исключить объективное вменение, избежать которого становится особенно сложно, когда речь идёт о применении бланкетных уголовно-правовых норм, которыми, в частности, являются ст. 143, 216 и 217 УК РФ, характеризующиеся не простой, а многоуровневой бланкетностью.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 указанного выше постановления подчёркивает обязанность судов ссылаться на конкретные пункты действующих правил безопасности ведения работ и требований охраны труда, нарушение которых повлекло либо могло повлечь указанные в законе последствия.

В результате изучения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 143, 216 и 217 УК РФ, нами установлено, что суды в приговорах и иных итоговых решениях по делу при обосновании причинной связи ссылаются на статьи и (или) пункты не только федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а равно законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, но и на положения нормативных актов локального характера, действующих в пределах соответствующих предприятия или организации, в которых работали лица, привлекаемые к уголовной ответственности по указанным нормам УК РФ. Между тем согласно примечанию к ст. 143 УК РФ при установлении и обосновании причинной связи в преступлениях, предусмотренных данной нормой, суд должен сослаться на конкретное положение (положения) федеральных законов или иных нормативных правовых актов Российской Федерации либо законов или иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нарушение которого (которых) стало непосредственной причиной наступившего последствия. Одновременно уголовный закон не запрещает ссылаться и на иные нормативные документы, в которых конкретизированы соответствующие государственные требования охраны труда. Однако ссылка только на ведомственные и (или) локальные акты в данном случае является недопустимой.

Отметим, что, по нашему мнению, расширительное толкование примечания к ст. 143 УК РФ, равно как и его распространение на ст. 216 и 217 данного кодекса, не может быть признано основанным на уголовном законе, поскольку прямо противоречит буквальному содер-

жанию этого примечания. Для обоснования причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 216 и 217 УК РФ, органы предварительного расследования и суды могут ссылаться на положения нормативных правовых актов различного уровня, включая ведомственные и локальные документы, закрепляющие правила ведения горных, строительных или иных видов работ, а равно правила безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах.

Бланкетность рассматриваемых статей УК РФ, равно как и бланкетность уголовно-правовых норм в целом, сопряжена с проблемой характеристики вины в предусмотренных ими преступлениях. Это связано с законодательными определениями умышленной и неосторожной форм вины. Так, при определении прямого и косвенного видов умысла в ч. 2 и ч. 3 ст. 25 УК РФ законодатель говорит об осознании виновным лицом общественной опасности совершаемых им действий (бездействия) и предвидении наступления общественно опасных последствий. О предвидении возможности наступления последствий или обязанности и возможности такого предвидения говорится и в нормативных определениях легкомыслия (ч. 2 ст. 26 УК РФ) и небрежности (ч. 3 ст. 26 УК РФ) соответственно. Однако при совершении деяний, запрещённых уголовно-правовыми нормами с бланкетными диспозициями, преимущественно связанных с нарушением правил, регламентированных в других нормативных правовых актах, в т.ч. подзаконного характера, возникает вопрос о том, насколько обоснованно при этом вести речь об осознании общественной опасности их нарушения или (и) предвидении возможности наступления общественно опасных последствий.

Нарушение различных правил безопасности является типичным для составов административных правонарушений. В частности, в случаях нарушения тех же требований охраны труда, что и в ст. 143 УК РФ, но не повлекших наступления вредных последствий, ответственность может наступить по ст. 5.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данное правонарушение совершается с умышленной формой вины, в определении которой в ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ указано на осознание лицом не опасности (вредности) совершаемых им действий (бездействия), а их противоправности. То есть незнание закона в данном случае исключает административную ответственность.

В диспозициях статей 143 и 216 УК РФ непосредственно указана только одна форма вины – неосторожность, т.е. легкомыслие или небрежность, при которых содержание вины в основном сориентировано на последствия соответствующих преступлений. Однако при производстве по каждому уголовному делу о таких преступлениях необходимо установить факт осознания лицом допускаемого им нарушения правил безопасности или как минимум наличие обязанности и возможности быть ознакомленным с такими правилами и знать их содержание.

Так, суд первой инстанции оправдал Ф. по обвинению в нарушении правил безопасности при ведении строительных и иных работ, повлекших по неосторожности смерть двух лиц (ч. 3 ст. 216 УК РФ), за отсутствием в деянии состава преступления.

В апелляционном представлении прокурор, считая приговор незаконным и необоснованным, попросил его отменить, в т.ч. в связи с отсутствием необходимого обоснования выводов суда о том, что производитель работ Ф. не должен был быть допущен руководством к работе, не имел инструкций и не был ознакомлен с конкретными мероприятиями по обеспечению безопасности работ, что исключает причинную связь между выявленными нарушениями с его стороны и смертью двух лиц. Ф. как производитель работ должен был знать документы по организации строительного производства в соответствии с должностной инструкцией, и он фактически выполнял обязанности по охране труда, возложенные на него приказом.

Суд апелляционной инстанции оставил данное представление без удовлетворения, посчитав, что свидетели обвинения не дали показаний, изобличающих Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 216 УК РФ; сведения о том, что при приёме на работу с Ф. проводился вводный инструктаж по технике безопасности и он был ознакомлен с определённой должностной инструкцией, отсутствуют.

Исходя из имеющихся в деле доказательств, Ф. не было известно о нарушениях правил и норм техники безопасности, охраны труда, допущенных при производстве работ, он не предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде смерти работников в результате обрушения грунта, не должен и не мог это предвидеть. Ф. не прошёл обучение и проверку знаний требований правил охраны труда и не должен был допускаться руководителем к работе, тем более с наделением ответственностью в области охраны труда. Он не имел инструкции и не был ознакомлен с конкретными мероприятиями по обеспечению безопасности работ по геодезическому контролю и очистке налипшего грунта при бурении, и между выявленными нарушениями со стороны производителя работ Ф. и смертью двух лиц отсутствует причинная связь [2].

Представляется, что в приведённом примере суду целесообразно было сделать акцент на отсутствии не только причинной связи, но ещё и надлежащего субъекта преступления, равно как и вины подсудимого, поскольку он не предвидел, не должен был и не мог предвидеть возможность наступления смерти двух человек в силу неосведомлённости о своих функциональных обязанностях и допускаемых нарушениях правил безопасности, произошедших не вследствие своей халатности, а по не зависящим от него обстоятельствам – из-за соответствующих упущений его руководства.

То есть в содержании неосторожной вины лиц, совершивших деяния, предусмотренные ст. 143 и 216 УК РФ, следует установить их осведомлённость о необходимости соблюдения определённых требований охраны

труда либо правил безопасности при ведении тех или иных работ, а равно отсутствие объективных препятствий для ознакомления с такими требованиями или правилами, когда данные лица сообщают о своей неосведомлённости о наличии и содержании последних.

Интеллектуальный и волевой моменты в содержании умысла и неосторожности преимущественно связаны с отношением виновного лица к причиняемым им последствиям. В преступлениях, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, совершаемых только по неосторожности, данное отношение заключается в нежелании причинить тот или иной вред и самонадеянном без достаточных на то оснований расчёте на его предотвращение (легкомыслии) либо в отсутствии предвидения возможности наступления общественно опасных последствий при наличии обязанности и возможности такого предвидения.

Выше мы уже отмечали, что субъект данных преступлений является специальным, наделённым обязанностями по ознакомлению с соответствующими специальными правилами и их соблюдению, в т.ч. по обеспечению их соблюдения другими работниками. Возможность же предвидения причинения тяжкого вреда здоровью, крупного ущерба или смерти вытекает из его осведомлённости о нарушении таких правил, способном привести к указанным последствиям, которая может отсутствовать вследствие различных объективных причин.

Например, в абз. 2 п. 5 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что в рамках исследования причинной связи между названными нарушениями и наступившими вредными последствиями судам следует выяснять роль потерпевшего в происшествии. Если будет установлено, что несчастный случай на производстве произошёл вследствие небрежности потерпевшего, суд должен при наличии к тому оснований решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным – учесть роль потерпевшего при назначении наказания.

Так, Б. был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ, вследствие отсутствия в его деянии состава преступления.

Согласно предъявленному обвинению Б., являясь директором ООО «Автодром+», по устной договорённости с директором ООО «Фирма СТО» в качестве подрядчика осуществлял строительство ангара на участке второй организации.

Для выполнения строительных работ Б. привлёк бригаду рабочих. Строители были обеспечены индивидуальными средствами защиты, в т.ч. страховочными поясами и защитными касками, выполняли работы с их использованием, в т.ч. и потерпевший Н., но в момент происшествия он самостоятельно отказался применять индивидуальные средства защиты.

Н., не применивший при выполнении работ индивидуальный пояс и защитную каску, упал с высоты

6 метров на бетонный пол ангара, от полученных повреждений скончался.

Несмотря на то что по делу были установлены отдельные нарушения требований охраны труда, допущенные Б., суд оправдал его, поскольку пришёл к выводу, что несчастный случай с Н. при осуществлении строительных работ произошёл вследствие небрежности самого потерпевшего, не использовавшего имеющиеся у него средства индивидуальной защиты. Приговор был оставлен в силе после его рассмотрения в суде апелляционной инстанции [1].

Полагаем, что в данном примере речь идёт не только об отсутствии установленной причинной связи между действиями (бездействием) Б. и наступившими последствиями, но и о том, что по уголовному делу не доказана его вина в причинении вреда. Так, если бы он знал о допускаемых нарушениях правил безопасности и не предпринял необходимые меры по их устранению (например, допустил к выполнению работ лицо, не имеющее средств индивидуальной защиты), то он сам бы нарушил такие правила при наличии обязанности и возможности предвидеть возможные при этом последствия.

По другому уголовному делу К. был осуждён по ч. 2 ст. 143 УК РФ. К., являясь мастером строительных и монтажных работ, аттестованным по охране труда, находился на строительной площадке и руководил производством работ при подъёме опоры ЛЭП. Вследствие своей небрежности в процессе производства данных работ К. не выполнил сигнальное ленточное ограждение опасных зон при работе грузоподъёмных кранов, не осуществил постоянный контроль за соблюдением требований охраны труда, в т.ч. запрета на нахождение людей в опасной зоне, а также допустил эксплуатацию подъёмного сооружения с неработающим ограничителем грузоподъёмности и отсутствующим барабанчиком датчика длины стрелы ограничителя нагрузки.

Грубые нарушения правил безопасности К. привели к тому, что при подъёме опоры произошёл излом средней секции стрелы автокрана, в результате чего поднимаемая опора упала на землю и придавила электромонтера-линейщика П., причинив ему смерть [8].

Здесь мы видим, что осуждённый был наделён определёнными обязанностями в области охраны труда, при этом его бездействие в конкретных условиях привело к общественно опасному последствию, возможность наступления которого он как минимум не только должен был, но и мог предвидеть.

Более сложной является характеристика вины в преступлениях, предусмотренных ст. 217 УК РФ. В результате изучения практики по уголовным делам о таких преступлениях установлено, что при рассмотрении уголовных дел в ряде случаев сторона защиты выражает своё несогласие с выводами судов о категориях данных преступлений, совершённых при квалифицирующих обстоятельствах, указанных в частях 2 или 3 ст. 217 УК РФ, в т.ч. о том, что они осуществляются с двумя формами вины и в целом являются умышленными [3].

Суды в своих решениях указывают, что в ч. 1 ст. 217 УК РФ, в отличие от ч. 1 ст. 143 и ч. 1 ст. 216 этого кодекса, предусмотрены два альтернативных момента окончания преступления: 1) момент совершения деяния, создавшего опасность наступления смерти человека, или 2) момент причинения последствия в виде крупного ущерба. При этом в ней не указано последствие в виде причинения тяжкого вреда здоровью, а также не обозначена форма вины в отношении причинения крупного ущерба. Если преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 217 УК РФ, создающее опасность наступления смерти человека, может быть совершено только умышленно, то применительно к причинению крупного ущерба может иметь место как умышленная, так и неосторожная форма вины. Преступления, предусмотренные частями 2 и 3 данной уголовно-правовой нормы, совершаются с двумя формами вины – умыслом в отношении нарушений правил, обеспечивающих безопасность жизни человека, и неосторожностью относительно наступления смерти одного, двух или более лиц. Согласно статье 27 УК РФ в целом такие преступления признаются совершёнными умышленно.

В Определении Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 218-О [6], в частности, указано, что предписания ч. 3 ст. 217 УК РФ не содержат неопределённости, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своих действий (бездействия) и предвидеть наступление ответственности за их совершение.

В своей жалобе А.И. Функ оспаривал конституционность ч. 3 ст. 217 УК РФ в той мере, в какой по буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому судебной практикой, она допускает произвольное определение формы вины в составе предусмотренного ею преступления, что, по его мнению, влечёт неопределённость в вопросе о том, относится это деяние к преступлениям средней тяжести или же к тяжким преступлениям, а также о его уголовно-правовых последствиях, которые закон связывает с тяжестью содеянного.

В этом определении Конституционного Суда РФ приводится вынесенное ранее и связанное с ним постановление судьи Верховного Суда РФ [7], в котором указано, что А.И. Функ, бывший директор филиала «Шахта Ульяновская», и другие подчинённые ему лица были осуждены по ч. 3 ст. 217 УК РФ в связи с допущенными ими нарушениями правил безопасности на взрывоопасном объекте – шахте, повлекшими по неосторожности гибель 110 человек и причинение крупного ущерба ОАО «Объединённая угольная компания "Южжубассуголь"» в размере 616 375 000 рублей.

В своих кассационных жалобах А.И. Функ и другие осуждённые, в частности, указали, что суд, по их мнению, неверно истолковал положения ч. 3 ст. 217 УК РФ и посчитал предусмотренное ею преступление умышленным, что повлекло необоснованное отнесение совершённого деяния к категории тяжких преступлений и не позволило прекратить уголовное дело в связи с фактическим истечением срока давности,

предусмотренного законом для преступлений средней тяжести.

Вместе с тем в указанном постановлении судьи Верховного Суда РФ признано установленным, что каждый из осуждённых своими действиями умышленно нарушил правила безопасности на взрывоопасном объекте, создал угрозу взрыва в подземных выработках шахты, вследствие которого могли погибнуть люди, и предвидел возможность наступления таких последствий. Эти действия осуждённых, создавших реальную опасность для жизни людей в шахте, учитывая диспозиции ч. 1 и 3 ст. 217 УК РФ и их взаимосвязь, содержат состав умышленного преступления. Наступившие тяжкие последствия в результате содеянного осуждёнными свидетельствуют о наличии в их действиях состава преступления с особо квалифицирующим признаком (ч. 3 ст. 217 УК РФ). При этом отношение виновных к смерти людей выразилось в неосторожности, поскольку они не желали наступления общественно опасных последствий своих действий – взрыва метана и угольной пыли, гибели людей и причинения ущерба собственнику предприятия, самонадеянно и без достаточных к тому оснований рассчитывая на предотвращение и избежание этих общественно опасных тяжких последствий. А.И. Функ и другие осуждённые совершили уголовно наказуемое деяние с двумя формами вины: умышленной по отношению к нарушению специальных правил и неосторожной по отношению к наступившим общественно опасным последствиям.

С учётом ст. 27 УК РФ суд определил, что осуждёнными в целом совершено умышленное преступление, и признал несостоятельными доводы кассационных жалоб о том, что отношение осуждённых в форме неосторожности к реальным последствиям нарушения ими правил безопасности на шахте свидетельствует о совершении ими неосторожного преступления.

В приведённых судебных актах, на наш взгляд, сформулированы положения, которые можно использовать при характеристике вины в преступлениях, предусмотренных не только ст. 217, но и другими бланкетными уголовно-правовыми нормами, в т.ч. ст. 143 и 216 УК РФ.

Во-первых, Конституционный Суд РФ в приведённом определении, в частности, сформулировал вывод о том, что положения ч. 3 ст. 217 УК РФ не содержат неопределённости, которая могла бы лишить лицо возможности осознавать противоправность своего деяния и предвидеть наступление ответственности за его совершение. Безусловно, вывод об определённости (неопределённости) содержания той или иной уголовно-правовой нормы присущ Конституционному Суду РФ, однако в этой формулировке одновременно затрагивается и содержание вины в преступлении. Следуя данному выводу, лицо, совершающее преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 217 УК РФ, имеет возможность осознавать противоправность своего деяния и предвидеть наступление ответственности за нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрыво-

опасных цехах, повлекшее смерть двух или более лиц. Подчеркнём, что Конституционный Суд РФ не говорит о содержании вины, но указывает на то, что текст уголовного закона должен позволять воспринимать его содержание и юридические последствия нарушения.

Во-вторых, Верховный Суд РФ по делу в отношении А.И. Функа пришёл к выводу о причинении общественно опасных последствий по легкомыслию, что, на наш взгляд, является типичным для преступлений, предусмотренных ст. 143, 216 и 217 УК РФ, т.к. они совершаются лицами, ознакомленными с соответствующими специальными правилами (требованиями), направленными на обеспечение безопасности жизни и здоровья людей, а равно сохранности имущества, и обязанными соблюдать таковые, что предполагает их осведомлённость о возможных последствиях нарушений данных правил (требований). Такая осведомлённость (предвидение возможности наступления последствий) присуща именно легкомыслию, а не небрежности.

В связи с изложенным позволим себе не согласиться с точкой зрения В.Ф. Щепелькова, считающего, что диспозиция ч. 3 ст. 217 УК РФ содержит неопределённость в регламентации формы вины, которую следует трактовать в пользу лица, совершившего соответствующее деяние, т.е. рассматривать последнее только как неосторожное преступление [10, с. 95-96]. Считаем, что данную норму необходимо трактовать в её единстве, во взаимосвязи всех её трёх частей, две из которых содержат квалифицирующий и особо квалифицирующий признаки в виде определённого вреда, дополняющих признаки основного состава, где предусмотрены указанные выше два альтернативных момента окончания преступления, предполагающие соответствующие варианты психического отношения к деянию и (или) его возможным последствиям. В данном случае имеет место проблема законодательства, а не его толкования и последующего применения: ст. 217 УК РФ выбивается из системы уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение тех или иных специальных правил, предполагающих только материальную конструкцию

состава преступления и исключительно неосторожную форму вины. Более того, ст. 217 УК РФ, по сути, регулируя сходные отношения, что и ст. 216 УК РФ, не содержит указания на наступление такого последствия, как тяжкий вред здоровью, что также видится нам не вполне обоснованным.

Завершая настоящую работу, отметим, что для придания статьям 216 и 217 УК РФ большей определённости полагаем целесообразным указать в примечаниях к ним, что законодатель понимает под соответствующими правилами безопасности, как это сделано в примечании к ст. 143 УК РФ. Также полагаем целесообразным устранить имеющееся отступление от принципа системности права и изложить диспозицию ч. 1 ст. 217 УК РФ в следующей редакции: «1. Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба...».

Отметим, что последняя проблема воспринята законодателем, принявшим 9 февраля 2018 г. в первом чтении законопроект, внесённый Правительством РФ, в котором, в частности, предлагается изменить наименование и содержание ст. 217 УК РФ, установив в ней ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба [9].

Кроме того, считаем важным разработку нового постановления Пленума Верховного Суда РФ о практике применения статей 143, 216 и 217 УК РФ, в котором больше внимания уделить субъективной стороне данных преступлений, в т.ч. охарактеризовать деяния, запрещённые ч. 2 и 3 ст. 217 УК РФ, как совершаемые с двумя формами вины в случаях, когда деяние лица изначально было связано с опасностью наступления смерти другого человека либо было сопряжено с умышленным причинением крупного ущерба и повлекло по неосторожности смерть одного или более людей.

Литература

1. Апелляционное постановление Омского областного суда от 5 августа 2016 г. по делу 22-2275/16 // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.
2. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 29 июля 2015 г. № 22-4571/15 по делу № 1-17/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционные постановления Московского городского суда от 7 ноября 2016 г. по делу № 10-16366/2016, от 22 мая 2017 г. по делу № 10-8113/2017 и от 30 августа 2017 г. по делу № 10-14290/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2017.
5. О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 1991 г. № 1 (в ред. постановлений Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11, от 25 октября 1996 г. № 10, от 6 февраля 2007 г. № 7 и от 3 марта 2015 г. № 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Функа Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конститу-

ционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. № 218-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision263605.pdf> (дата обращения: 26.03.2018).

7. Постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2016 г. об отказе в передаче кассационных жалоб Функа А.И. и других лиц для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (дело № 81-УД16-3) // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

8. Приговор Ленинского районного суда Республики Крым от 7 декабря 2016 г. по делу № 1-269/2016 // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

9. Проект Федерального закона № 303395-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, а также требований промышленной безопасности опасных производственных объектов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Совета Федерации РФ. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/303395-7> (дата обращения: 26.03.2018).

10. Щепельков В.Ф. О форме вины в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 95-96.

УДК 343.237:343.342

М.А. Бугера, канд. юрид. наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

E-mail: ma.bugera@mail.ru;

О.М. Шаганова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: olga.shaganova@yandex.ru

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 150, 151 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе практики применения уголовно-правовых норм и анализа юридической литературы рассматривается возрастная характеристика несовершеннолетнего потерпевшего, важная для квалификации деяний, предусмотренных ст. 150, 151 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Анализируется проблема уголовной ответственности совершеннолетнего лица как субъекта преступления за вовлечение в его совершение малолетнего. Оценены возможные пути квалификации при совершении деяний, подпадающих под ст. 150 УК РФ и при этом совпадающих с положениями института соучастия. Отмечено отсутствие единообразного подхода и среди ученых, и на уровне судебной практики. Предлагается внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда.

Ключевые слова: несовершеннолетний, вовлечение в совершение преступлений, специальный вид подстрекательства, возраст уголовной ответственности, соучастие, посредственный исполнитель.

М.А. Bugera, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

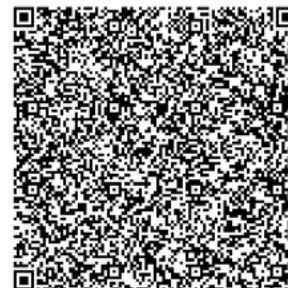
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: ma.bugera@mail.ru;

О.М. Shaganova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Internal Affairs Ministry of Russia

E-mail: olga.shaganova@yandex.ru

CONTROVERSIAL ISSUE OF AGE DETERMINATION OF THE JUVENILE INJURED IN THE CRIMES UNDER ARTICLES 150, 151 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Age characteristic of the injured juvenile, which is important for the expertise of the acts under articles 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, is studied on the basis of the law application and on the analysis of the legal literature. The problem of the adult perpetrator criminal liability for the engagement of the juvenile in committing a crime is also analyzed. The possible ways of the expertise when committing acts under articles 150, 151 of the Criminal Code coinciding with the provisions of the institute of complicity are estimated. It is stated that there is no uniform approach as among the scientists, so in judicial practice. Some changes are proposed to be made in the resolution of the Supreme Court Plenum.

Key words: juvenile, engagement in committing a crime, a special kind of incitement, the age of criminal liability, complicity, consequential perpetrator.

В теории уголовного права и правоприменительной практики до сих пор остаются дискуссионными вопросы определения возраста несовершеннолетнего потерпевшего по ст. 150, 151 УК РФ.

Согласно статистическим данным, за последние пять лет всего зарегистрировано 8 817 преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» (в 2013 г. – 1 963 преступления; в 2014 г. – 1 668; в 2015 г. – 1 888; в 2016 г. – 1 564; в 2017 г. – 1 734). Преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», всего зарегистрировано 1 379 (в 2013 г. – 268; в 2014 г. – 246; в 2015 г. – 310; в 2016 г. – 286; в 2017 г. – 269) [7]. Можно отметить общее снижение количества рассматриваемых преступлений, однако до сих пор не решены вопросы относительно способа совершения преступлений, законодательной конструкции составов преступлений, момента окончания анализируемых преступлений и спорных моментов квалификации.

В настоящей работе остановимся лишь на проблемах определения возраста несовершеннолетнего потерпевшего в рассматриваемых преступлениях.

Как правило, ни в судебной практике, ни в теории уголовного права применительно к ст. 151 УК РФ не возникает вопросов о том, какого возраста должен достичь потерпевший – 14 или 16 лет. Потерпевшим может быть любое лицо, не достигшее 14 лет. В этом случае отсутствует проблема соотношения данного состава с институтом соучастия. В то же время могут появиться сложности в квалификации, когда совместно с совершеннолетним в антиобщественных действиях участвовало лицо, которое не понимало социального значения совершаемых им действий в силу своего возраста. Остается непонятным, можно ли здесь говорить о привлечении взрослого к ответственности по ст. 151 УК РФ.

Имеет место вопрос в отношении ст. 150 УК РФ: в ситуации, когда несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления (например, в кражу), не достиг возраста уголовной ответственности (14 лет), то каким образом следует квалифицировать действия совершеннолетнего лица:

1. Как посредственного исполнителя в краже без ссылки на ст. 33 УК РФ и, кроме того, по ст. 150 УК РФ?
2. Как посредственного исполнителя в краже без ссылки на ст. 33 УК РФ и без дополнительной квалификации по ст. 150 УК РФ?

Вопрос действительно дискуссионный, поскольку одни ученые считают, что на квалификацию не влияет возраст потерпевшего несовершеннолетнего: потерпевшим может быть любой с рождения и до 18 лет [6]. Другие исследователи полагают, что потерпевшим может признаваться только несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности (с 14 либо 16 лет и до 18-летия). Такую точку зрения ученые связывают с положением отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 63 УК РФ (привлечение к совер-

шению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность) [9, с. 30], а также с положением ч. 1 ст. 87 УК РФ, где указано, что несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Относительно ст. 87 УК РФ отметим, что она включена в раздел «Уголовная ответственность несовершеннолетних», поэтому несовершеннолетний рассматривается как субъект преступления и никакого отношения к потерпевшему несовершеннолетнему не имеет.

В Особенной части УК РФ законодатель в некоторых статьях указывает квалифицирующий признак «в отношении несовершеннолетнего» (например, в похищении человека, в захвате заложника и др.), когда несовершеннолетний выступает потерпевшим, и законодатель подразумевает под ним лицо в возрасте до 18 лет. В диспозиции ст. 150 УК РФ содержится термин «в совершение преступления», что в некоторой степени сбивает с толку и приводит к проблеме определения возраста потерпевшего. Е.Г. Быкова придерживается такой точки зрения, что несовершеннолетний потерпевший применительно к ст. 150 УК РФ должен достичь возраста уголовной ответственности [2]. Также считает Е.П. Коровин: малолетнее лицо не может быть потерпевшим по ст. 150 УК РФ [5, с. 19].

В.Б. Боровиков полагает, что если малолетнее лицо по своему развитию в силу возраста не способно правильно оценить действия совершеннолетнего, направленные на привлечение его к преступлению, то деяние, предусмотренное ст. 150 УК РФ, отсутствует. Взрослый является исполнителем совершенного преступления и не несет ответственности отдельно за вовлечение [4]. С таким высказыванием не согласен Л.Л. Кругликов: он считает необходимым квалифицировать содеянное по совокупности преступлений [13, с. 89].

По мнению А.А. Харламовой, Е.В. Богатовой, несовершеннолетний не обязательно должен иметь статус исполнителя [14].

В российском уголовном законодательстве встречаются термины «вовлечение», «привлечение», «склонение». В теории уголовного права они не имеют единого толкования. Существует точка зрения, что понятие «склонение» по своему содержанию уже, чем «вовлечение», т.к. последнее включает в себя не только возбуждение желания у другого лица совершить какие-либо действия, но и их фактическое совершение. Склонение же представляет одну из форм вовлечения и включает лишь психологическое воздействие [1].

Вовлечение предполагает информационное или физическое воздействие на другое лицо, в процессе которого у вовлекаемого возникает желание совершить конкретное преступление. Вовлечение в совершение преступления, считают ученые, является разновидностью специального вида подстрекательства, и если отсутствуют какие-либо признаки соучастия, то отсутствует и состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ [9, с. 33].

В научной литературе бытует мнение, что данное преступление нельзя рассматривать по правилам соучастия, поскольку это деяние особое, имеет свои признаки, которые отличают его от соучастия [2, с. 24, 26]. Считаем, что в определенной степени имеется пересечение с положениями института соучастия, которые являются общими для всех норм УК РФ. Проблемам соотношения ч. 4 ст. 33 и ст. 150 УК РФ посвящено много работ, и, полагаем, в теории уголовного права этот вопрос будет еще долго оставаться спорным.

На сегодняшний день имеются рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу. Однако в его постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» нечетко изложен абз. 5 п. 42, что приводит к двусмысленному толкованию указанного. Так, Пленум Верховного Суда РФ отдельным абзацем указал, что «в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» [8]. К сожалению, не уточнен вопрос о наличии в действиях взрослого состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Выходит, что при вовлечении малолетних в совершение преступления взрослые могут понести менее строгое наказание, чем при вовлечении лиц от 14 до 18 лет.

Считаем, что суду для однозначного понимания этого абзаца следовало бы добавить фразу: «При наличии к тому оснований, предусмотренных законом, действия совершеннолетнего исполнителя должны дополнительно квалифицироваться по ст. 150 УК РФ».

Далее в названном выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ новым абзацем изложена оценка действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления. В этом случае под несовершеннолетним подразумевается потерпевший, который достиг возраста уголовной ответственности, и действия взрослого лица рекомендовано квалифицировать за конкретное совершенное преступление со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ и дополнительно по ст. 150 УК РФ.

На этот счет в теории уголовного права высказано отрицательное мнение относительно правильности квалификации: ученые считают, что нарушается принцип справедливости и совершеннолетнее лицо несет ответственность дважды за одно и то же преступление [9, с. 33].

Как уже упоминалось выше, в указанном постановлении не уточнен вопрос о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в действиях взрослого в случае совершения преступления с привлечением малолетнего. Этот вопрос Верховным Судом РФ был разъяснен в другом постановлении Пленума от

27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 16.05.2017), где в п. 13 указана дополнительная квалификация по ст. 150 УК РФ.

Анализ судебной практики в большинстве случаев позволяет заключить, что если вовлекаемое лицо является малолетним и не подлежит в силу возраста уголовной ответственности за совершение преступления, то суды действия совершеннолетнего лица квалифицируют по ст. 150 УК РФ.

Так, 6 июня 2013 г. около 11 часов утра С. и лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, воспользовавшимся отсутствием контроля со стороны отца ФИО7, путем свободного доступа тайно была похищена кредитная карта Сбербанка России. После этого лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, вместе с С. 8 июня 2013 г. около 20 часов направились к банкомату Сбербанка России. Действуя совместно и согласованно с С., малолетний соучастник тайно похитил деньги, сняв их с банковской карты. Действия С. суд квалифицировал по п. «в» ч. 2 ст. 158 и ч. 1 ст. 150 УК РФ [12].

Другой пример: К., являясь совершеннолетним, праздновал свой день рождения в лесопарке около пруда. Вместе с ним находились знакомая В. и несовершеннолетние Л., Н. и П. У совершеннолетнего возник умысел избить В., поскольку последняя изменяла ему, в то время когда он находился в местах лишения свободы. Реализуя свой преступный умысел, К., зная, что Л., Н. являются несовершеннолетними, П. – малолетним, попросил их избить В. Согласившись, Л., Н. и П. нанесли несколько ударов по лицу и телу В. Органы предварительного следствия предъявили обвинение К. по совокупности преступлений по ч. 1 ст. 150 УК РФ, ч. 1 ст. 150 УК РФ, ч. 1 ст. 150 УК РФ и ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ. То есть за вовлечение каждого несовершеннолетнего в рамках одного деяния К. был привлечен к уголовной ответственности, что привело к совокупности преступлений (три преступления по ч. 1 ст. 150 УК РФ). Считаем, что данная квалификация у следственных органов возникла из-за указания в диспозиции ст. 150 УК РФ термина «вовлечение несовершеннолетнего» в единственном числе.

Суд не согласился с такой уголовно-правовой оценкой. В приговоре было указано, что содеянное представляет собой одно преступление, поскольку одновременное вовлечение нескольких несовершеннолетних в совершение одного преступления не влечет совокупности. Кроме того, суд отметил, что использование лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста, признается исполнением. Поэтому в итоге действия К. были переквалифицированы с ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 115 на п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ и дополнительно по ч. 1 ст. 150 УК РФ [11].

Таким образом, в приведенных примерах действия взрослого лица суды квалифицируют как исполнение в совершении преступления без ссылки на ст. 33 УК РФ, а также отдельно по ст. 150 УК РФ.

Однако имеется исключение: иной позиции придерживался суд по другому уголовному делу. Так, например, К. признан виновным в том, что совместно с лицом ФИОЗ, не достигшим возраста уголовной ответственности, из автомашины совершил тайное хищение имущества, причинив потерпевшему значительный материальный ущерб. Его действия квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Признавая К. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, судебная коллегия отметила, что суд необоснованно указал в приговоре о совершении данного преступления по предварительному сговору с несовершеннолетним ФИОЗ, выйдя за пределы предъявленного К. обвинения.

Как следует из материалов дела, ФИОЗ на момент совершения преступления не достиг возраста уголовной ответственности, в связи с чем в возбуждении уголовного дела в отношении него было отказано. Совершение преступления по предварительному сговору с ним К. не вменялось, поэтому данное указание суда подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора.

Судебная коллегия также находит необоснованным осуждение К. по ч. 1 ст. 150 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего ФИОЗ в совершение преступления. Суд в определении сослался на упомянутое выше постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, указав, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения. В силу изложенного уголовное дело в отношении К. по ч. 1 ст. 150 УК РФ подлежит прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации за отсутствием в деянии состава преступления [3].

На сегодняшний день не сложилось однозначного понимания возрастной характеристики несовершеннолетнего потерпевшего применительно к ст. 150 УК РФ в связи с двусмысленным разъяснением Пленума Верховного Суда РФ и существующими дискуссиями в науке уголовного права.

Обстоятельство, отягчающее наказание и предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ (привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность), никогда не будет реализовано при одновременном существовании ст. 150 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ установил, что И. предложил несовершеннолетнему Р. и малолетнему К. совершить убийство водителя с последующим завладе-

нием его автомобилем и деньгами, на что К. и Р. согласились. Президиум признал верной квалификацию действий И. по ст. 150 УК РФ – вовлечение малолетнего в совершение указанных преступлений, указав при этом, что признак, предусмотренный п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ, является излишним, поскольку отягчающее обстоятельство уже предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ [10]. Исключение считаем верным, на что указывает уголовный закон (ч. 2 ст. 63 УК РФ).

Полагаем, что необходимо определить, целесообразно ли существование ст. 150 УК РФ как самостоятельного преступления или только п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание при сложившейся проблеме.

Посредственное причинение вреда существенно повышает общественную опасность содеянного и должно считаться судами обстоятельством, отягчающим ответственность, в процессе назначения наказания либо при квалификации содеянного, поскольку при вовлечении малолетних или несовершеннолетних потерпевших в совершение преступления виновный посягает на нормальное развитие их личности. Этим причиняется вред интересам нравственного формирования личности малолетнего или несовершеннолетнего лица, что должно получить самостоятельную уголовно-правовую оценку и иметь правовые последствия. Сказанным в первую очередь обосновано существование ст. 150 УК РФ. Кроме того, в рассматриваемой статье совершеннолетний является исполнителем и его действия не могут быть расценены как деятельность организатора, подстрекателя или пособника в рамках этой нормы.

Пункт «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ будет реализован в других случаях, например, когда 16-17-летнее лицо вовлекает в преступление малолетних. Здесь признаки ст. 150 УК РФ отсутствуют, но при назначении наказания stanno учитываться п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Существование ст. 150 в Особенной части УК РФ обоснованно. Применение п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ взамен ст. 150 УК РФ неоправданно, поскольку действия, направленные на интересы нравственного формирования личности малолетних или несовершеннолетних, должны получить самостоятельную уголовно-правовую оценку. Считаем, что в целях однозначного толкования необходимо дополнить абз. 5 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» следующим предложением: «При наличии к тому оснований, предусмотренных законом, действия совершеннолетнего исполнителя должны дополнительно квалифицироваться по ст. 150 УК РФ».

Литература

1. Бугера Н.Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 35-40.
2. Быкова Е.Г. К вопросу об уголовной ответственности за привлечение малолетних к совершению общественно опасного деяния // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 25. С. 24-26.

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда (г. Самара) от 14 августа 2012 г. Дело № 22-3370/2012. URL: <http://www.gcourts.ru/case/10652299> (дата обращения: 15.02.2018).
4. Кладков А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ) // Уголовное право. 2002. № 3. С. 26-28.
5. Коровин Е.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий: учебное пособие. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2013.
6. Литвинова И.В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иные антиобщественные действия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
7. Министерство внутренних дел РФ: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 12.02.2018).
8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 02.04.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2006.
10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 марта 2010 г. № 399-П09 // Росправосудие: база данных судебных решений. URL: <http://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 24.03.2018).
11. Приговор Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 29 сентября 2011 г. по делу № 1-57/2011. URL: <http://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.02.2018).
12. Приговор Чугуевского районного суда Приморского края от 13 февраля 2014 г. Дело № 1-45/2014 // Росправосудие: база данных судебных решений. URL: <https://rospravosudie.com/court-chuguevskij-rajonnyj-sud-primorskij-kraj-s/act-457648496/> (дата обращения: 15.02.2018).
13. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.Л. Кругликова. М.: БЕК, 1999.
14. Харламова А.А., Богатова Е.В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ, по признаку «потерпевший» // Уголовное право. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.611.1

Н.Н. Бугера, канд. юрид. наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

E-mail: knn.76@mail.ru;

О.Н. Штаб, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shtabon@mail.ru

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК «В ОТНОШЕНИИ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ»: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ

В рамках действующего законодательства решение одной проблемы порождает новую. Так, исключение неоднократности преступлений и внесение изменений в ст. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) привело к двоякому толкованию признака «в отношении двух или более лиц» в различных составах преступлений. Данный признак анализируется в современной судебной практике и действующих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В частности, делается вывод, что убийство двух или более лиц, совершенное в разное время при отсутствии единого умысла, не может быть единичным преступлением. Кроме того, авторами поддерживается мнение, что рассматриваемый квалифицирующий признак, предусмотренный в самостоятельных статьях Особенной части УК РФ, не может относиться к исключению, указанному в ч. 1 ст. 17 УК РФ.

Ключевые слова: совокупность преступлений, двое или более лиц, продолжаемое преступление, единый умысел, одновременность, разновременность, множественность преступлений.

N.N. Bugera, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: knn.76@mail.ru;

O.N. Shtab, PhD. (Candidate of Pedagogical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shtabon@mail.ru

AGGRAVATING CIRCUMSTANCE «AGAINST TWO OR MORE PERSONS»: PROBLEMS OF INTERPRETATION

Within the framework of the current legislation, the solution of one problem gives rise to a new one. Thus, the exclusion of repeated crimes and amendments to art. 17 of the Criminal Code of the Russian Federation led to a dual interpretation of the sign «against two or more persons» in different compositions of crimes. This feature is analyzed in modern judicial practice and current explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. In particular, it is concluded that the murder of two or more persons committed at different times without a single intent cannot be a single crime. In addition, the authors support the view that the qualifying feature provided for in the separate articles of the Special part of the Criminal Code cannot refer to the exception specified in part 1 of article 17 of the Criminal Code.

Key words: set of crimes, two or more persons, continued crime, single intent, simultaneity, multi-timing, multiplicity of crimes.

Анализ признака «двое или более лиц» в различных составах преступлений (против личности) и сопоставление его толкования в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации вызвали множество вопросов, связанных с квалификацией преступлений.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации во многих статьях указано на совершение деяния в отношении двух или более лиц (например, п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 107, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «ж» ч. 2 ст. 126, п. «ж» ч. 2 ст. 127, п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ и др.), однако разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относятся в основном к проблеме квалификации убийства двух или более лиц. При этом позиция Пленума неоднократно менялась. Так, в редакции постановления «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 6 февраля 2007 г. № 7 Пленум разъяснил, что по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать действия виновного, если он имел единый умысел и убийства совершены, как правило, одновременно [10]. Тогда словосочетание «как правило» имело двоякое толкование – как одновременность, так и разновременность, но только при наличии единого умысла.

В редакции указанного постановления от 3 апреля 2008 г. № 4 Пленум разъяснил, что убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ не влечет совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ при условии, что виновный ранее не был осужден ни за одно из этих убийств [10].

Аналогичное толкование рассматриваемого признака указано в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: «... Действия, совершенные... одновременно или в разное время в отношении двух или более лиц... *не образуют совокупности преступлений* (выделено авт. – Н.Б., О.Ш.) и подлежат квалификации по ч. 4 ст. 134 или ч. 3 ст. 135 УК РФ при условии, что виновный ранее не был осужден ни за одно из этих деяний» [9].

Словосочетания «как правило» и «единый умысел» были исключены из постановления, остались лишь временные признаки «одновременно или в разное время».

Данные изменения произошли в связи с исключением из УК РФ самостоятельной ст. 16 и из некоторых отдельных статей Особенной части квалифицирующего признака, упоминающего «неоднократность преступлений», а также с внесением изменений в ч. 1 ст. 17 УК РФ. Придерживаемся мнения, что совершение преступления в отношении двух или более лиц, предусмотренное в самостоятельных статьях в качестве квалифицирующего признака, не может относиться к исключению, указанному в ч. 1 ст. 17 УК РФ [6, 15]. Под некое исключение, на наш взгляд, могут подпадать квалифицирую-

щие признаки, указывающие на сопряженность с другими преступлениями или содержащие дополнительные тяжкие последствия.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ можно определить правило квалификации по признаку «убийство двух или более лиц» [10], причем совокупность преступлений будет отсутствовать. Так, виновный совершает убийство двух или более лиц:

- одновременно с единым умыслом;
- в разное время, но с единым умыслом;
- в разное время, но с различным умыслом.

С этим невозможно согласиться, перечисленное вызывает ряд вопросов, в частности при рассмотрении положений о сроках давности привлечения к уголовной ответственности; положений, связанных с назначением наказаний; при установлении мотивов убийств. Кроме того, это противоречит сложившимся уже другим рекомендациям по квалификации убийства. Выходит, что виновному одновременно можно вменять убийства с разными мотивами, при этом содеянное будет квалифицироваться как единичное преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и другими пунктами этой статьи, указывающими на конкретные мотивы.

С точки зрения теории уголовного права следует выяснить, какое содержание вложено в квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц». К какому виду множественности преступлений или разновидности единичного преступления он относится? Во всех составах преступлений против личности и конкретно в ч. 2 ст. 105 УК РФ рассматриваемый признак указан как «двух или более лиц». Законодатель указывает не количество совершенных преступлений, например «совершение двух или более убийств», а количество потерпевших от совершения одного преступления.

Существует мнение, что признак «в отношении двух или более лиц» является разновидностью либо единичного составного, либо продолжаемого преступления [4, с. 139; 8, с. 74]. Преимущественно в теории уголовного права сложилось утверждение, что составные преступления посягают как минимум на два объекта [14]. Однако имеется и иная точка зрения, где составные преступления могут посягать на один и тот же объект [8, с. 83]. Можно ли такие преступления считать составными? Наличие основного и дополнительного объекта образует единичное составное преступление, а наличие двух и более основных объектов образует идеальную совокупность преступлений. Считаем невозможным отнести к единичному составному преступлению «убийство двух или более лиц», поскольку отсутствует дополнительный объект. В то же время идеальной совокупностью это преступление назвать нельзя, поскольку законодатель объединил два и более последствия (две и более смерти) в квалифицирующий признак одной статьи.

Н.Ф. Кузнецова «совершение двух или более преступлений» обозначает как определенную разновидность сложного преступления, а именно преступления с наличием второго более тяжкого последствия [7, с. 285].

Но в пункте «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ говорится не о самостоятельных отдельных преступлениях, а о количестве лиц (потерпевших), которым причиняется смерть в случае совершения одного единичного преступления.

Также вызывает дискуссию вопрос, можно ли убийство двух и более лиц отнести к продолжаемому преступлению, понятие которого выработано теорией и практикой? К его признакам можно отнести тождественность преступных действий, единый умысел, общую цель, единый источник. Вместе с тем определенную сложность в понимании вызывает признак «тождественность преступных действий».

Н.Н. Коротких считает, что убийство двух и более лиц может признаваться продолжаемым преступлением со всеми его признаками [5, с. 90]. П.С. Яни указывает: «Убийство двух и более лиц всегда единое преступление, но не всегда единое продолжаемое» [15]. Согласился с данной точкой зрения.

На сегодняшний день суды в своих определениях ссылаются на ч. 1 ст. 17 УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Суды вменяют данный признак виновному, причинившему смерть нескольким лицам одновременно, без разрыва во времени или в разное время, не охваченное единым умыслом и с различными мотивами.

Законодательное решение ч. 1 ст. 17 УК РФ избавляет суд от самостоятельной квалификации каждого совершенного убийства и назначения отдельно наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ).

Так, например, судебная коллегия считает неправильной квалификацию действий Т.Х. по ч. 2 ст. 105 УК РФ (в отношении М.), по п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 (в отношении Б.), п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в отношении К.), Г.А.Ш. по п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 (в отношении Б.), п. «а», «и» ч. 2 ст. 105 (в отношении Г.), п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 (в отношении К.), уточняя, что такая квалификация противоречит положениям ч. 1 ст. 17 УК РФ и судебной практике. Коллегия указывает, что убийства двух и более лиц, независимо от времени и мотивов их совершения, не образуют совокупности преступлений, а подлежат единой квалификации по ст. 105 УК РФ [3]. Поэтому действия Т.Х. (по убийствам М., Б. и К.) подлежат переквалификации на п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия Г.А.Ш. (по убийствам Б., Г. и К.) – на п. «а», «ж», «з», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По другому делу суд также переквалифицировал действия осужденного. Было установлено, что Д.А.А. совершил в разное время два убийства. Так, 27 марта 2012 г. Д.А.А. убил Ч., затем незаконно завладел автомобилем потерпевшего. 1 апреля 2012 г. он совершил убийство Щ. с целью сокрыть факт убийства Ч., поскольку труп был обнаружен Щ. В суде Д.А.А. просит изменить квалификацию его действий и общий срок наказания снизить, а именно переквалифицировать п. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на две статьи (ч. 1 ст. 105 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Осужденный мотивирует это тем, что каждое убийство необходимо квалифицировать отдельно, поскольку совершенные убийства не

связаны между собой и имеют трехдневный разрыв во времени.

Судебная коллегия в определении сослалась на ч. 1 ст. 17 УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» и пришла к выводу о виновности Д.А.А. в совершении инкриминированных преступлений и правильной квалификации его действий [1].

В своих определениях суды указывают, что утративший силу п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ изменил правоприменительную практику относительно квалифицирующего признака п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ [11].

Однако осужденные в жалобах рассчитывают на переквалификацию своих действий по совокупности преступлений для исключения наказания в виде пожизненного лишения свободы, предусмотренного за «убийство двух или более лиц». Суды в обосновании своего решения опираются на ч. 1 ст. 17 УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, поэтому квалификацию действий осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ считают правильной.

Так, Л. был осужден к наказанию в виде пожизненного лишения свободы за совершение нескольких преступлений, в т.ч. предусмотренных п. «а», «в», «д», «ж», «к», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судом уставлено, что Л. совершил в разное время убийства и ранее за них к уголовной ответственности не привлекался [11].

Суды подчеркивают, что оспариваемый осужденными квалифицирующий признак убийства п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, связанный с количеством потерпевших, является нормой Особенной части УК РФ, которая подлежит применению во взаимосвязи с положением Общей части УК РФ, определяющим понятие совокупности преступлений (ст. 17) [12]. Это вынуждает квалифицировать действия виновного именно так, как определено в законе и уже сложившейся судебной практике. Но вопрос в другом: верно ли такое решение проблемы? Считаем, что неправильно объединять каждый эпизод самостоятельного убийства в единичное сложное преступление, если оно таковым по сути не является.

Кроме того, в некоторых составах отсутствует признак «в отношении двух или более лиц» (в частности, ст. 115, 116, 119, 317 УК РФ и др.), а значит действия виновного в отношении нескольких потерпевших надлежит квалифицировать по совокупности преступлений [13, с. 363].

На наш взгляд, внесение изменений в ч. 1 ст. 17 УК РФ, к сожалению, нельзя считать удачным для решения противоречий, возникших в регулировании ответственности за совокупность преступлений в связи с исключением признака неоднократности. Неоднократность и совокупность преступлений имеют различный правовой характер, и недопустимо заменять эти два понятия [2, с. 12]. Полагаем, что законодатель и Пленум Верховного Суда РФ, вероятно, не видят острой проблемы в том, что различные по фактическим обстоятельствам преступления (убийства(-о) двух или более лиц) в одном случае как единичное

преступление, в другом – как совокупность преступлений получают принципиально одинаковую оценку при квалификации преступлений (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Возможно, что их цель заключалась лишь

в упрощении уголовно-процессуальной деятельности правоприменителей и уменьшении пересмотров уголовных дел, связанных с переквалификацией действий осужденных.

Литература

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26 сентября 2013 г. № 4-АПУ13-55 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бавсун М.В., Куличенко Н.Н. Убийство двух и более лиц: совокупность или единое преступление // Уголовное право. 2007. № 3. С. 12-16.
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2013 г. № 5-О13-32 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М.: Юрлитинформ, 2012.
5. Коротких Н.Н. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 86-91.
6. Краев Д.Ю. Об умысле в убийстве двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Адвокатская практика. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007.
8. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Тагли-мат» ИЭУиП, 2006.
9. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 06.02.2007 № 7). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Определение Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 475-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 2001-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Пудовочкин Е.Ю. Некоторые вопросы квалификации совокупности преступлений // Библиотека криминалиста. 2015. № 5. С. 363-370.
14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть [Электронное издание]: учебник / под ред. А.С. Сенцова, В.В. Намняевой, О.В. Стрильца. 2-е изд., испр. и доп. Электрон. дан. (3,08 Мб). Волгоград: ВА МВД России, 2017.
15. Яни П.С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. 2017. № 6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.71:343.85

А.Л. Лебедь

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

E-mail: aleo.varlamova@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ В РОЗНИЧНЫХ СЕТЕВЫХ МАГАЗИНАХ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Настоящая статья представляет исследование незарегистрированной «магазинной» преступности в Сибирском федеральном округе, а именно анализ задержаний лиц, совершающих кражи из магазинов («магазинных воров»), по ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях и ст. 158 Уголовного кодекса РФ охраняемыми компаниями в розничных сетевых магазинах формата «гипермаркет», как составной части криминологического анализа магазинных краж в розничной сетевой торговле в России. Предлагаемая типология противоправной активности посетителей в сетевой рознице раскрывает не только существующие уголовно-правовые риски в розничной торговле, но и является подготовительной мерой для планирования и проведения соответствующих профилактических мероприятий.

Ключевые слова: незарегистрированная преступность, типология, задержание посетителей, розничные сетевые магазины, профилактика.

A.L. Lebed

the Herzen State Pedagogical University of Russia

E-mail: aleo.varlamova@gmail.com

TYOLOGY OF CRIMINAL ACTIVITY OF VISITORS IN RETAIL CHAIN STORES (ON THE MATERIALS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT)

This article presents a study of unregistered «in-store» crime in the Siberian Federal District, namely, the analysis of detentions of persons committing thefts from shops («shoplifters») under Article 7.27 of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation and Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation by security companies in retail chain stores of the «hypermarket» format as part of a criminological analysis of shoplifting retail network in Russia. The proposed typology of unlawful activity of visitors in the retail network reveals not only the existing criminal law risks in retail trade, but also is a preparatory measure for planning and carrying out appropriate preventive measures.

Key words: unregistered crime, typology, detention of visitors, retail chain stores, prevention.

В течение двадцати семи лет развития российского государства после распада СССР и двадцати лет развития современной российской торговли Россия находится на первых местах в мировом рейтинге магазинных краж наравне с США, Китаем, Японией, Великобританией, Турцией и другими странами [7, р. 21], в которых современные форматы торговли начали развиваться гораздо раньше. Сокращение доли традиционной торговли («через прилавок»), стабильный рост российского розничного сетевого рынка с открытой выкладкой товара (самообслуживание), с долей рынка более 50% по стране (в т.ч. в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Новосибирске, Краснодаре более 70%), с расширением экспансии на Урал, Сибирь и Дальний Восток указывают на необходимость исследования сопутствующего негативного явления – резкого роста магазинных краж.

У населения растет потребительская активность (через акции и скидки, кредитование, повышение заработной платы и т.д.), что способствует развитию современных форматов торговли. Современный российский розничный рынок, представляющий собой спектр магазинов разного формата обслуживания покупателей¹ и доли сетей различного современного формата, с 2011 г. является самым крупным в Европе. Аналитики отмечают, что в 2011 г. российский рынок сетевого продовольственного ритейла перешел в стадию зрелости. Под розничной сетевой торговлей в России необходимо понимать розничные торговые сети по продаже продуктов питания и сопутствующих товаров. Розничная сетевая торговля подразделяется на федеральные, региональные и локальные торговые сети. Сетью являются два и более магазина. Федеральные сети стабильно растут и занимают доминирующее положение на рынке розничной сетевой торговли. Генеральная тенденция роста сетевой розницы сохраняется и в современной ситуации усиления негативных тенденций в российской экономике, сокращения инвестиций и сжатия потребительского спроса². Наблюдается стабильный рост ритейла современного формата (сетевые розничные магазины открытой выкладки товара) в сравнении с традиционным (торговля через прилавок). Иные хозяйствующие субъекты, формирующие структуру розничной торговли, стабильно «вымываются»³.

¹ По форме обслуживания, централизации управления, площади торгового зала, ассортименту товара, уровню наценки и географического распространения выделяют следующие форматы магазинов (торговых точек): гипермаркеты, cash&carry (розница и мелкий опт), супермаркеты, минимаркеты, магазины у дома, дискаунтеры (широкий ассортимент товара по ценам ниже средних рыночных). Мультиформат розничной торговой сети подразумевает наличие в данной сети торговых точек разного типа.

² Начиная со второй половины 2014 г. российская экономика характеризовалась нестабильностью на фоне роста геополитической напряженности, введения санкций, падения цен на нефть и девальвации рубля.

³ Иными хозяйствующими субъектами, формирующими структуру розничной торговли, являются: малые предприятия, микропредприятия, организации, не относящиеся к

Одновременно, по мнению экспертов, сетевая розница в сравнении с традиционной занимает сравнительно скромную долю, а уровень проникновения сетей и обеспеченность сетевыми магазинами на 1000 жителей далеки от показателей развитых рынков. Развитие сетевого ритейла географически весьма неравномерно, наблюдается дисбаланс регионов – в ряде регионов не хватает современных продовольственных магазинов, в других регионах наблюдается их избыточность [5, с. 30-31]. Согласно аналитическому обзору «Розничные торговые сети по продаже продуктов питания и сопутствующих товаров в России» в 2015 г. лидерами на российском рынке сетевой розницы (критерий – объем выручки) являются 20 федеральных торговых сетей: «Перекресток», «Ашан», «Дикси», «Лента», «О'Кей», «Семья», «Billa», «Верный» и др. Для сравнения, Санкт-Петербург является городом с наиболее высокой долей торговых сетей в России и играет ключевую роль в формировании общего объема оборота розничной торговли в Северо-Западном федеральном округе – 52,1%. Для сравнения доля розничных торговых сетей в Москве – 20,4%, Московской области – 33,1%. Минимальные показатели в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах (на 2015 г. – соответственно 5,8 и 10,8%) [5, с. 37-45].

Преступность в современном обществе необходимо рассматривать через реалии общества потребления, продуцирующего не только резкий рост магазинных краж, но и меняющего «привычную» картину преступности. Под обществом потребления понимается общество индустриально развитых стран, фетишизирующее массовое необузданное потребление стандартных материальных благ, сформировавшее потребительскую систему ценностных ориентаций и установок, культивирующее потребление в ущерб развитию интеллектуальных интересов человека. В современном обществе потребление (а не производство и труд) является определяющим. Человек-потребитель предстает человеком с потребительскими нормативно-ценностными установками. Удовлетворение потребностей возможно и противоправным путем. Я.И. Гилинский, исследуя преступность в обществе потребления, отмечает, что «преступность в обществе потребления "гуманизируется", наблюдается относительный рост доли имущественных и "беловоротничковых" преступлений при сокращении доли насильственной преступности» [3, с. 58].

Причиной развития магазинных краж в России является переход от традиционной торговли («с прилавка») к торговле с открытой выкладкой товара (самообслуживание). Магазинные кражи присутствуют и в несетевой розничной торговле (сетью является два и более магазина), но масштабность и экономическую значимость приобретают именно в сетевой рознице, по-

субъектам малого и среднего предпринимательства, субъекты среднего предпринимательства, индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность вне рынка, и субъекты, продающие товар на розничных рынках и ярмарках.

сколькx совершать кражи в сетях доступнее. Как отмечает О.А. Бойко, исследуя причины краж из супермаркетов, «функционирование крупных торговых центров (супермаркетов), реализующих продовольственные товары универсального ассортимента и непродовольственные изделия (неширокого ассортимента) с отсутствием преграды между продавцом и потребителем, в значительной степени стало причиной увеличения числа краж, совершаемых посетителями» [2, с. 170]. Н.С. Груднин главной причиной совершения преступлений против собственности считает «установку на незаконное обогащение в целях удовлетворения личных потребностей в обход участия в общественно полезном труде» [4, с. 4]. Причиной роста магазинных краж является и отсутствие надлежащей ответственности за кражу из магазина. М.В. Бавсун, исследуя влияние факторов социокультурного характера на формирование уголовно-правовой политики, подчеркивает значимость постмодернизма и мультикультурализма в контексте смещения традиционных ценностей и их замены псевдокультурными составляющими. Ученый пишет, что «падение авторитета мы наблюдаем сегодня и в российской реальности, где отношение к Уголовному кодексу РФ со стороны правоприменителя, обывателя и лиц, совершивших преступление и уже осужденных, стремительно ухудшается. ...Падение авторитета основного средства такой деятельности приводит далеко не только к имиджевым потерям, но и влечет за собой вполне реальные утраты, позволяя с большей легкостью преступить порог запретного одним и вызывая неверие в кару и возмездие у других» [1, с. 34].

Неотъемлемой частью криминологического анализа магазинных краж в розничной сетевой торговле в России является исследование типологии криминальной активности посетителей в розничных сетевых магазинах. Криминальная активность посетителей характеризуется зарегистрированной и латентной преступностью по ст. 158 Уголовного кодекса РФ и статистическими данными по ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Методом исследования является выборка розничных торговых сетей, определение формата магазина, географии, периода времени, статистика совершения противоправных деяний.

В настоящей статье представлена типология незарегистрированной (латентной) криминальной активности посетителей на примере популярной федеральной розничной торговой сети по продаже продуктов питания и сопутствующих товаров, присутствующей в Сибирском федеральном округе. Уровень незарегистрированной «магазинной» преступности в несколько раз превышает уровень зарегистрированной. Незарегистрированная преступность представлена данными о задержаниях

лиц, совершающих кражи из магазинов («магазинных воров») охраняемыми компаниями в популярной федеральной торговой сети (таблица 1). Формат исследуемых розничных сетевых магазинов – гипермаркет. География – Сибирский федеральный округ (города Омск, Иркутск, Новосибирск). Заданный период исследования с 2011 г. по 2016 г. Задержания по стоимости похищенного имущества (товара) условно подразделяются на «административные» (при сумме ущерба до 1 000 руб.) и «уголовные» (при сумме ущерба более 1 000 руб.) для ведения статистики. Трудностью в исследовании незарегистрированной преступности являются отказы розничных сетевых, охраняемых и сопутствующих компаний в раскрытии истребуемой информации, являющейся коммерческой тайной.

Представленные данные характеризуют криминальную активность населения Сибирского федерального округа в розничной сетевой торговле в период 2011-2016 гг. Статистика до 2011 г. почти не велась. Представленная статистика показывает незарегистрированную преступность, поскольку в отношении не всех зарегистрированных охраняемыми компаниями противоправных деяний, переданных в полицию, впоследствии возбуждались уголовные дела. Исследование статистических данных о задержании лиц, совершающих кражи из магазинов («магазинных воров»), показало, что дальнейшая аналитика о переданных задержанных: возбуждено ли уголовное дело, передано ли уголовное дело в суд, оправдательный или обвинительный приговор вынесен судом, возмещен ли ущерб в случае вынесения обвинительного приговора, не проводится. Представить социальную характеристику лиц, совершивших соответствующие противоправные деяния, также не представляется возможным, поскольку такая статистика не ведется.

Сибирский федеральный округ представлен одной популярной федеральной розничной торговой сетью. Исследуется такой формат магазинов, как гипермаркеты. Всего исследовано 3 магазина, при этом доля охраняемой компании в оказании охранных услуг исследуемой сети составляет 50%. В Сибирском федеральном округе в течение исследуемого периода магазинные кражи стабильны (3 412 задержаний в 2011 г. и 3 438 – в 2016 г.), однако наблюдается небольшой рост в 2012 г. (3 881 задержание). В 2015 г. «уголовные» задержания демонстрируют достаточно резкий рост. При анализе данных о задержаниях «магазинных воров» в исследуемой сети автор делает следующий вывод – магазинные кражи развиваются совместно с розничной сетевой торговлей. При открытии нового магазина любого формата «магазинные воры» сосредотачивают на нем свое внимание.

Таблица 1

Данные о задержанных лицах, совершающих кражи из розничных сетевых магазинов («магазинных воров») в Сибирском федеральном округе (2011-2016 гг.)¹

Регион	Кол-во, формат магазина	2011		2012		2013		2014		2015		2016	
		ст.7.27 КоАП РФ	ст.158 УК РФ	ст.7.27 КоАП РФ	ст.158 УК РФ	ст.7.27 КоАП РФ	ст.158 УК РФ	ст.7.27 КоАП РФ	ст.158 УК РФ	ст.7.27 КоАП РФ	ст.158 УК РФ	ст.7.27 КоАП РФ	ст.158 УК РФ
Сибирь (города Омск, Иркутск, Новосибирск)	Январь	479	0	228	2	276	13	206	23	224	42	666	25
	Февраль	426	9	278	26	251	15	315	5	230	36	235	45
	Март	190	4	304	28	288	21	413	14	236	46	313	35
	Апрель	232	10	318	19	318	6	281	14	234	43	260	20
	Май	190	4	327	14	317	11	292	12	163	43	265	9
	Июнь	152	11	271	13	287	14	200	11	189	20	177	8
	Июль	183	9	275	10	250	14	186	14	220	31	180	11
	Август	203	10	316	18	275	21	232	20	224	53	224	1
	Сентябрь	249	7	310	12	346	25	225	17	237	50	172	3
	Октябрь	347	22	372	22	299	33	226	22	292	54	236	0
	Ноябрь	290	20	329	28	303	14	241	10	262	81	256	1
	Декабрь	347	18	340	21	336	24	279	68	370	49	289	7
Итого		3 288	124	3 668	213	3 546	211	3 096	230	2 881	548	3 273	165
Всего (год)		3 412		3 881		3 757		3 326		3 429		3 438	
ИТОГО по региону Сибирь:		21 243 , из них «административных» задержаний – 19 752 , «уголовных» – 1 491											

¹ Данные представлены Охранным холдингом «AN-SECURITY». Наименование торговой розничной сети, адреса магазинов являются коммерческой тайной. Сбор статистических данных производился анонимно. Розничные сетевые магазины исследовались выборочно.

² За 2011 г. исследовано 2 гипермаркета (ГМ), с 2012 г. по 2016 г. – 3 ГМ.

При стабильном росте исследуемой розничной торговой сети наблюдается общая тенденция стабильности (без резких подъемов) криминальной активности в исследуемый период. По мнению экспертов, причинами выступают: 1) повышение профессионального уровня сотрудников полиции и охраны; 2) внедрение нового антикражного оборудования¹. Одновременно данные показатели могут быть существенно занижены, поскольку физическая охрана сокращается с 2014 г. на 1,5-2%. «Административных» задержаний стабильно больше, чем «уголовных». Январь, февраль, март, а также октябрь, ноябрь и декабрь характеризуются максимальной криминальной активностью, тогда как в июне, июле и августе – минимальные показатели. Это объясняется большими потоками посетителей и большим количеством их одежды в зимний период, что создает дополнительные возможности для сокрытия похищаемого товара. Одновременно необходимо указать на некоторую хаотичность при исследовании криминальной активности, поскольку в зимний сезон торговые точки с традиционно высокими показателями могут демонстрировать резкий спад, а в летний период встречается резкий рост. В частности, можно отметить отсутствие «уголовных» задержаний в январе 2011 г. и всего двух задержаний в январе 2012 г., а август 2012 г., май 2014 г. выделить как месяцы с нехарактерно высокими показателями «административных» задержаний. Эксперты отмечают, что нехарактерные периоды резкого роста и спада связаны: 1) с модернизацией антикражного оборудования; 2) техническими неполадками антикражного оборудования; 3) выполнением полицией оперативно-разыскных планов; 4) человеческим фактором². В течение года динамика магазинных краж достаточно стабильна, магазинные кражи демонстрируют незначительные рост и снижение. Наблюдается тенденция, характерная для всех регионов – спад «уголовных» задержаний во второй половине 2016 г. в сравнение с прошлым периодом, что связано с внесением изменений в УК РФ и КоАП РФ об увеличении стоимости похищенного имущества для наступления уголовной ответственности от 03.07.2016 с 1 000 руб. до 2 500 руб.

Предлагаемая типология противоправной активности посетителей в Сибирском федеральном округе является подготовительной мерой для планирования и проведения профилактических мероприятий. Стратегия профилактики определяется службой внутренней безопасности торговой сети. Физический уровень комплексной профилактики магазинных краж представляет

собой деятельность службы безопасности торговой розничной сети и охранной компании и обеспечивается охранными постами в магазине. Технический уровень представляет собой совокупность антикражного оборудования в магазине соответствующего формата. Видеонаблюдение, осуществляемое не только в торговом зале, но и в иных зонах торгового объекта, является главным звеном в профилактической работе.

Обязанность государства по защите конституционного права быть собственником своего имущества реализуется системой правоохранительных органов, в т.ч. уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности. Взаимодействие полиции и охраны на торговом объекте при совершении противоправных действий регламентируется ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ и Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 № 2487-1. Взаимодействие полиции, охраны и активных законопослушных граждан является неотъемлемой частью профилактики магазинных краж. Названное направление является наиболее трудно реализуемым, поскольку статус лиц, оказывающих такое содействие, однозначно законодателем не закреплен. А.И. Тамбовцев, исследуя противоречия законодательного закрепления института содействия лиц правоохранительным органам различными федеральными законами, отмечает, что «необходимо внесение содержательных и редакционных изменений и дополнений, определяющих единый юридический статус содействующих лиц и исключающих неоднозначность интерпретации этих норм» [6, с. 36].

На основании изложенного автор делает вывод, что с развитием рынка розничной сетевой торговли в России развиваются и магазинные кражи. Магазинные кражи присутствуют в каждой российской розничной торговой сети. При открытии нового сетевого магазина лица, совершающие кражи из магазинов («магазинные воров»), сосредотачивают на нем свой интерес. Сибирский федеральный округ является регионом частичного проникновения федеральной розничной сетевой торговли в торговлю традиционную и считается перспективным регионом развития федеральной сетевой розницы. Следовательно, магазинные кражи в сетевой рознице в данном регионе нуждаются в криминологическом мониторинге на данном этапе и в перспективе для совершенствования профилактических мероприятий.

¹ Экспертное мнение получено автором исследования посредством анкетирования и опроса экспертов компании «Император». 03.03.2017, Санкт-Петербург.

² Там же.

Литература

1. Бавсун М.В. Влияние факторов социокультурного характера на формирование уголовно-правовой политики // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 32-36.
2. Бойко О.А. Кражи из супермаркетов: детерминанты и меры противодействия // Вестник Омского университета. 2018. № 1 (54). С. 170-174.
3. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.
4. Грудинин Н.С. Имущественная преступность в современной России: причинный комплекс и роль правоохранительных органов в ее предупреждении // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 3-8.
5. Розничные торговые сети по продаже продуктов питания и сопутствующих товаров в России. 2015. Аналитический обзор. 13-е изд. М., 2015. 887 с.
6. Тамбовцев А.И. Коллизии норм федеральных законов, регулирующих содействие лиц правоохранительным органам // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 31-36.
7. The New Barometer. A study of the cost of merchandise theft and merchandise availability for the global retail industry. 2014-2015. The Smart Cube. Checkpoint Systems, Inc. 101. Wolf Drive Thorofare. NJ 08086 USA. 135 p.

УДК 343.772

А.Л. Репецкая, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Иркутский государственный университет;

Т.А. Малыхина, канд. юрид. наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: malykhina_t@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ (СТ. 256 УК РФ)

В статье рассматриваются основные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов), при наличии квалифицирующих признаков. Анализируются сложности, возникающие при решении вопросов разграничения данного преступления со смежными составами. Выявленные проблемы квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и пути их решения основываются на анализе материалов судебно-следственной практики, а также постановлениях Верховного Суда, дающих судебное толкование вопросов квалификации указанного деяния. Кроме того, проведенный анализ степени общественной опасности рассматриваемого преступления позволил прийти к выводу о необходимости более эффективной, в т.ч. уголовно-правовой, защиты водных биологических ресурсов от противоправных посягательств.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологические преступления, незаконная добыча, вылов, водные биологические ресурсы, квалификация преступления, разграничение со смежными составами.

A.L. Repetskaya, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Irkutsk State University;

T.A. Malykhina, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: malykhina_t@mail.ru

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ILLEGAL PRODUCTION (CATCH) OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES (ARTICLE 256 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article presents the main problems of the qualification of the act provided for in Art. 256 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal catch (catch) of aquatic biological resources), in the presence of qualifying signs. The authors analyze the difficulties that arise in solving the issues of delineation of this crime with adjacent compounds.

The revealed problems of the qualification of illegal catch (catch) of aquatic biological resources and the ways of their solution are based on the analysis of the materials of the judicial and investigative practice, as well as the Supreme Court decisions that give judicial interpretation of the issues of the qualification of this act. In addition, the conducted analysis of the degree of public danger of the crime in question made it possible to come to the conclusion that it is necessary to protect water biological resources more effectively, including criminal, from unlawful attacks.

Key words: ecological safety, ecological crimes, illegal mining, catch, aquatic biological resources, qualification of crime, differentiation with adjacent compounds.

Защита окружающей среды и ее природных ресурсов представляет собой одну из приоритетных задач современного российского государства: ее осуществление средствами уголовного права является одним из эффективных инструментов обеспечения экологической безопасности. В этой связи вопросы осуществления уголовно-правовой охраны окружающей среды становятся все более актуальными, обостряясь с каждым годом.

Одним из наиболее распространенных преступлений против экологической безопасности является

незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ). Анализ динамики как абсолютных показателей данного преступления, так и его удельного веса свидетельствует о том, что, несмотря на снижение и тех и других показателей, в структуре экологических преступлений фактически каждое четвертое преступление – это незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (см. таблицу 1).

Таблица 1

Состояние и удельный вес незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов в общей структуре экологических преступлений в Российской Федерации (2010-2017 гг.)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
общее количество зарегистрированных экологических преступлений	39155	29151	27583	24743	25526	24737	23543	24208
количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ	13644	8963	8172	7343	6562	6262	5462	5705
удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, в структуре экологических преступлений (%)	34,8	30,7	29,6	29,67	25,7	25,3	23,2	23,5

Следует отметить, что в целом показатели качества окружающей среды в последние годы крайне неблагоприятны: под угрозой находится естественная среда, обеспечивающая существование человека. Начавшийся в середине 20-го столетия экологический кризис является опасностью, которая может повлечь глобальное осложнение большинства социально-экономических и политических отношений, гибель всего человечества; способен повлиять на изменение геополитических составляющих мира [1, с. 4].

Между тем привлечение к уголовной ответственности за так называемое «водное браконьерство» имеет определенные сложности в силу неоднозначного толкования указанной нормы уголовного закона Верховным Судом РФ. Кроме того, в правоприменительной деятельности отсутствует единая позиция в вопросах правильности квалификации указанного деяния, особенно при наличии квалифицирующих признаков.

Так, ч. 3 ст. 256 УК РФ предусматривает ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2, совершенных лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо причинивших особо крупный ущерб.

Говоря об особенностях уголовной ответственности лица, которое использует свое служебное положение при совершении незаконной добычи (вылова),

важно отметить в первую очередь то, что наличие в данной норме указанного квалифицирующего признака, повышающего степень общественной опасности основного состава, вполне обосновано. Анализ судебной практики свидетельствует, что зачастую незаконный вылов осуществляется с непосредственным участием должностных лиц, которые либо способствуют сокрытию такой незаконной деятельности, либо являются соучастниками преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. При этом под должностным лицом в этих случаях следует понимать лицо, которое обладает признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, а лицом, обладающим служебными полномочиями, – государственного или муниципального служащего, не являющегося должностным лицом, отвечающим требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ [4].

Кроме того, согласно постановлению Пленума Верховного Суда «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» такое использование лицом своего служебного положения при совершении рассматриваемого преступного деяния может выражаться как в умышленном использовании своих служебных полномочий, так и в оказании влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой

им должности, на других лиц в целях совершения ими экологических преступлений. Вместе с тем в таких ситуациях дополнительной квалификации по соответствующим частям статей 201 или 285, 286 УК РФ не требуется, поскольку ответственность за такие деяния предусмотрена специальной нормой – ч. 3 ст. 256 УК РФ.

Если же, используя свое служебное положение, лицо, помимо незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершает иное преступление, предусмотренное гл. 26 УК РФ, то его действия следует квалифицировать по соответствующей статье или части статьи данной главы УК РФ. Когда же в действиях такого лица усматриваются признаки злоупотребления должностными полномочиями или полномочиями лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, или превышения должностных полномочий, деяние следует квалифицировать по соответствующим частям ст. 201 или 285, 286 УК РФ. Таким образом, последние изменения, внесенные в указанное выше постановление, сделали описание признаков специального субъекта рассматриваемого преступления более конкретным, что существенно упростило связанные с этим вопросы квалификации [3, с. 46].

Зачастую, используя свое служебное положение, при совершении преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, должностные лица имеют стабильный доход от деятельности, связанной с непосредственным сокрытием «водного браконьерства» или же принятием мер к пресечению подобных противозаконных действий. Кроме этого, практика показывает, что данное преступление нередко совершают сами сотрудники органов правоохраны, выступая зачастую в качестве его соучастников.

Кроме того, часто встречаются случаи совершения данного преступления капитанами судов, под руководством которых происходит незаконный лов биоресурсов без соответствующего разрешения, сверх установленных лимитов, либо запрещенными орудиями лова. Во всех таких случаях лицо при совершении незаконной добычи водных биологических ресурсов будет специальным субъектом, а его действия будут квалифицированы по ч. 3 ст. 256 УК РФ.

Законодатель, закрепляя в данной статье рассматриваемый квалифицирующий признак, тем самым ужесточает уголовную ответственность лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов посредством использования своих властных или иных служебных полномочий и возможностей по службе. К специальному субъекту рассматриваемого преступления, использующему при совершении преступления свое должностное положение, можно отнести должностных лиц (сотрудников Федерального агентства по рыболовству, правоохранительных органов); лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации (например, руководителей организаций, занимающихся рыбным промыслом); служащих, не имеющих полномочий должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в

коммерческой или иной организации (государственных, муниципальных служащих, служащих в коммерческих и иных организациях). При этом помимо самого факта наличия у лица служебного (должностного) положения, обязательным условием должно являться его использование для совершения преступления [2, с. 189].

Судебная практика также показывает, что использование лицом своих служебных полномочий может осуществляться прямо или же опосредованно. Прямо – когда, например, происходит использование возможности сотрудником транспортной полиции находиться в акватории водного объекта в целях выявления нарушителей; опосредованно – например, посредством использования авторитета занимаемой должности с целью оказать влияние на сотрудников контролирующих органов.

Что касается другого квалифицирующего признака, указанного в ч. 3 ст. 256 УК РФ, то он подразумевает совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Здесь также существуют некоторые важные аспекты, необходимые для правильной квалификации рассматриваемого преступного деяния. Данная норма объединяет два вида преступных групп (две формы соучастия), имеющих, помимо общих, несколько специфических особенностей.

Итак, группа лиц, как и организованная группа, обладает признаками: два или более соучастника; предварительный сговор участников (т.е. достигнутый заблаговременно до момента совершения преступления); а также в обоих случаях может иметь место распределение ролей. При этом действия соучастников должны быть объединены общим умыслом. Все соучастники должны осознавать, что преступный результат может иметь место только благодаря их совместным действиям, действиям каждого из них. Допустим, это может выражаться в случае условного «разделения» водного объекта, на котором планируется совершение незаконной добычи водных ресурсов на несколько «частей», на каждой из которых будут в последующем совершены спланированные заранее действия конкретного соучастника, и при этом каждый из них планирует выполнять свою преступную роль для совместного результата. Действия соучастников могут быть однородными либо же носить различный характер, но в конечном итоге они должны быть направлены к единому совместному преступному результату. Такая совместность действий указанных лиц может быть выражена, например, в совершении соучастниками разнородных действий, когда один из них управляет плавающим транспортным средством, остальные осуществляют непосредственно добычу водных биологических ресурсов. При этом все они в данном деянии – соисполнители, и их действия будут квалифицированы по ч. 3 ст. 256 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

В случаях, когда кто-либо из соучастников рассматриваемого деяния лишь оказывал содействие преступной деятельности, например путем советов, предостав-

ления информации, средств, орудий для совершения преступления, либо заранее обещал скрыть следы преступления или предмет незаконной добычи (вылова), а также приобрести или сбывать его, то его действия следуют квалифицировать по ч. 3 ст. 256 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Если лицо осуществляло склонение другого лица к совершению рассматриваемого преступления путем уговоров, подкупа, угрозы или другими способами, но при этом само непосредственного участия в самом процессе вылова не принимало, его действия должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 256 УК РФ и ч. 4 ст. 33 УК РФ. Это следует из п. 10.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 (ред. от 31.10.2017) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258.1 УК РФ)».

При осуществлении лицом действий по организации данного преступления, руководству его исполнению и совершению либо созданию организованной группы они должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 256 УК РФ и ч. 3 ст. 33 УК РФ. Кроме этого, если указанное преступное деяние совершается преступным сообществом (преступной организацией), то действия лиц, создавших его (ее) либо принимавших в нем (ней) участие, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 256 УК РФ и соответствующей части ст. 210 УК РФ.

Если в действиях кого-либо из соучастников будет наблюдаться эксцесс исполнителя при совершении преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, то эти действия требуют дополнительной квалификации по признакам преступления, которое в них содержится. Действия остальных членов преступной группы будут квалифицироваться только по тому составу, о совершении которого они договаривались.

В случаях продолжаемой незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов преступление может состоять из двух и более противоправных деяний, которые в совокупности имеют единый преступный умысел. В этом случае итоговый ущерб от преступления следует устанавливать в совокупности за все эти деяния, и содеянное необходимо квалифицировать как незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов, совершенную в соучастии. Размер ущерба при этом будет складываться из ущерба, причиненного всеми участниками группы.

Кроме того, состав незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов следует ограничивать от смежных составов преступлений. В первую очередь разграничение требуется с составом преступления, предусмотренного ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации».

Действия, которые охватываются объективной стороной ст. 253 УК РФ, включают: исследование, поиск,

разведку, разработку природных ресурсов континентального шельфа РФ или исключительной экономической зоны Российской Федерации, проводимые без ответственного разрешения. Таким образом, основным элементом разграничения со ст. 256 УК РФ служит объективная сторона рассматриваемых составов.

Если же говорить о разграничении ст. 256 УК РФ со ст. 258 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконную охоту, то здесь следует отметить, что оба состава содержатся в одной главе УК РФ и имеют схожие объективные и субъективные признаки. Однако ст. 256 УК РФ от незаконной охоты отличается главным образом предметом преступления: в ст. 256 – это водные биологические ресурсы, котика, морские бобры или другие морские млекопитающие; а в ст. 258 – это дикие птицы и звери.

От состава ст. 258.1 УК РФ («Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации») ст. 256 УК РФ также ограничивает предмет преступления. Так, в ст. 258.1 УК РФ предметом являются водные биологические ресурсы и другие дикие животные, занесенные в специальный список, указанный в примечании 3 к ст. 226.1 УК РФ и закрепленный в Постановлении Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5].

Еще одно преступление, граничащее со ст. 256 УК РФ, – это состав, регламентированный ст. 257 УК РФ («Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов»). В рассматриваемом составе в качестве последствий называется массовая гибель рыбы или других водных биологических ресурсов, уничтожение кормовых запасов, которые являются не следствием их добычи, а произошли по другим причинам: сплав древесины, строительство мостов, дамб, транспортировка древесины и других лесных ресурсов, осуществление взрывных и иных работ, эксплуатация водозаборных сооружений и перекачивающих механизмов с нарушением правил охраны водных биологических ресурсов.

От других преступлений, следствием которых могут выступать массовая гибель водных биологических ресурсов (животных), причинение вреда рыбным запасам, окружающей среде (ст. 246-250, 252, 254 УК РФ), преступление, предусмотренное ст. 256 УК РФ, следует отличать по объективной стороне, связанной с процессом добычи водных биологических ресурсов. Вышеперечисленные составы с добычей не связаны, и их объективная сторона имеет другие характеристики.

Также могут возникнуть проблемы при разграничении п. «г» ч. 1 ст. 256 и ст. 262 УК РФ («Нарушение режима особо охраняемых природных террито-

рий и природных объектов»). Заказники, заповедники, памятники природы, национальные парки являются особо охраняемыми природными территориями, и нарушение режима экологической безопасности в них является посягательством как на общественные отношения по рациональному использованию и охране водных биологических ресурсов, находящихся в природной среде в естественном состоянии (ст. 256 УК РФ), так и на отношения, обеспечивающие охрану особо ценных в экологическом плане природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ). В данном случае прослеживается конкуренция общей и специальной норм, и применяться будет специальная норма, которой является ст. 262 УК РФ. Если в результате незаконной

добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершенной на особо охраняемых природных территориях, был причинен значительный ущерб заповеднику или заказнику как целостной экосистеме и её элементам, данное деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 256, 262 УК РФ.

Таким образом, точная квалификация преступлений, посягающих на водные биологические ресурсы, позволяет более эффективно реагировать на их совершение. Для того чтобы точно квалифицировать данные деяния, необходимы правильное установление и оценка объективных и субъективных признаков состава рассматриваемого преступления.

Литература

1. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за преступления против окружающей среды и природных ресурсов. Иркутск, 2016.
2. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
3. Малыгина Т.А., Репецкая А.Л. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов. Иркутск, 2018.
4. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда от 18.10.2012 (в ред. ППВС от 26.05.2015 № 19, 31.10.2017 № 41).
5. Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 45. Ст. 5814.

УДК 35.083.12:351.74

С.Н. Шатилович, канд. юрид. наук, доцент

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

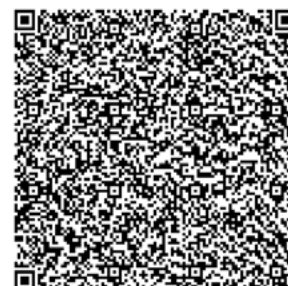
E-mail: shatisergei@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ НЕОТВРАТИМОСТИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАСТУПЛЕНИЯ ИНЫХ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА УПРАВЛЕНИЕ АВТОТРАНСПОРТОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

В статье рассматриваются правовые и организационные вопросы неотвратимости дисциплинарной ответственности и иных негативных последствий сотрудников органов внутренних дел за управление автотранспортом в состоянии опьянения. Проанализирована сложившаяся судебная практика по гражданским делам об увольнении за данный проступок, порочащий честь сотрудника ОВД. Проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации в данной сфере. Это позволило автору сформулировать вывод о неизбежности увольнения из ОВД сотрудника и иных негативных последствий для сотрудников органов внутренних дел за управление автотранспортом в состоянии опьянения в настоящее время. Обращается внимание не только на важность законодательного ресурса, но и необходимость активации превентивных мер в рамках противодействия управлению автотранспортом в состоянии опьянения. Кроме того, проанализирован зарубежный законодательный опыт в данной области.

Ключевые слова: правовые и организационные основы, сотрудники, органы внутренних дел, неотвратимость, дисциплинарная ответственность, иные негативные последствия, управление автотранспортом, состояние опьянения.

S.N. Shatilovich, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
E-mail: shatisergei@yandex.ru

THE LEGAL AND ORGANIZATIONAL BASIS OF THE INEVITABILITY OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY AND OFFENSIVE OTHER NEGATIVE CONSEQUENCES FOR EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES FOR DRIVING IN A STATE OF INTOXICATION

The article deals with the legal and organizational issues of inevitability of disciplinary responsibility and other negative consequences of employees of the internal affairs bodies for driving in a state of intoxication. The author analyses the current judicial practice in civil cases of dismissal for this offense, discrediting the honor of the police officer. There is an analysis of the current legislation of the Russian Federation in this area. The author formulates a conclusion about the inevitability of dismissal from the police Department of the employee and other negative consequences for employees of the internal affairs bodies for driving in a state of intoxication at the present time. Attention is drawn not only to the importance of the legislative resource, but also the need to activate preventive measures in the framework of countering the driving in a state of intoxication. In addition, foreign legislative experience in this field is analyzed.

Key words: legal and institutional framework, staff, internal affairs bodies, the inevitability, disciplinary liability and other negative consequences, driving, intoxication.

Обеспечение безопасности дорожного движения в настоящий период стало одним из приоритетных направлений политики не только России, но и всего мирового сообщества. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире на дорогах гибнет около 1,25 млн человек. От 20 до 50 млн человек страдают от несмертельных травм, многие из которых приводят к инвалидности [5]. С учетом этого Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 2 марта 2010 г. была принята резолюция об объявлении периода 2011-2020 гг. десятилетием действий за безопасность дорожного движения с целью стабилизировать, а затем сократить прогнозируемую смертность от происходящих в мире дорожно-транспортных происшествий путем активизации деятельности на национальном, региональном и глобальном уровнях [13].

Проблема обеспечения безопасности на транспорте в России на протяжении последних лет является предметом государственного и общественного внимания. Согласно официальным статистическим данным Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России, на территории Российской Федерации только в 2017 г. совершено 169 432 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), в которых погибли 19 088 человек и получили ранения различной степени тяжести 215 374 человек [14].

Многие ДТП являются результатом управления транспортным средством в состоянии опьянения (п. 2.7 Правил дорожного движения, утв. Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 23.12.2017)) [8] (далее – ПДД). По данным Научно-исследовательского центра Проблем безопасности дорожного движения МВД России, после непродолжительного периода снижения показателей аварийности из-за нарушения ПДД водителями, находившимися в состоянии опьянения, в 2016 г. наблюдался их рост: всего произошло 15 669 (+2,1%) таких ДТП, в которых погибло 4569 (+21,7%) и ранено 21 315 (+0,4%) человек. При этом снизилось количество ДТП из-за нарушения ПДД водителями, отказавшимися от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, и число пострадавших: всего зарегистрировано 4043 (-9,1%) ДТП, 169 (-16,7%) погибших и 5786 (-6,6%) раненных человек [3, с. 7]. В свою очередь, в 2017 г. наблюдается снижение показателей аварийности из-за нарушения ПДД водителями, находившимися в состоянии опьянения: всего произошло 14 972 (-4,4%) таких ДТП, в которых погибло 4336 (-5,1%) и ранено 20 300 (-4,8%) человек. Одновременно с этим снизилось количество ДТП из-за нарушения ПДД водителями, отказавшимися от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, и число пострадавших в них: всего зарегистрировано 3771 (-6,7%) ДТП, 156 (-7,7%) погибших и 5336 (-7,8%) раненных [4, с. 7].

К сожалению, в числе водителей, совершивших административное правонарушение, предусмотренное ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 (в ред. от 03.04.2018) (далее – КоАП РФ), либо преступле-

ние, предусмотренное ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 19.02.2018) (далее – УК РФ), встречаются и сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД).

На современном этапе реформирования ОВД проблемы противодействия злоупотреблению алкоголем и управления сотрудниками ОВД автотранспортом в состоянии опьянения охватываются такими приоритетными направлениями деятельности МВД России, как кадровый профессионализм и восстановление доверия к системе МВД России [19, с. 154; 11, с. 2-3]. С учетом этого Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании Коллегии МВД России 8 февраля 2013 г. обозначил следующую задачу МВД России: «ответственность за вождение автомобиля в нетрезвом виде должна быть неотвратимой» [16].

В свою очередь, в ходе расширенного заседания Коллегии МВД России 28 февраля 2018 г. Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев справедливо отметил позитивные изменения в работе по созданию в служебных коллективах атмосферы нетерпимости к противоправному поведению. По мнению главы МВД России, «начиная с 2012 г. в три раза сократилось количество тех, кто совершил грубые нарушения служебной дисциплины. За последние годы на 10 процентов уменьшилось также число сотрудников, подвергнутых уголовному преследованию. К сожалению, несмотря на принимаемые меры, кардинального перелома в вопросах соблюдения законности пока не произошло. Вместе с тем со всей ответственностью могу заявить, что подавляющее большинство наших коллег являются настоящими профессионалами, честными, готовыми прийти на помощь, рискуя собственной жизнью» [16].

В соответствии с требованиями подпунктов 10.1-10.2 п. 10 ПДД водителям запрещено управлять транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном употреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, а также в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность дорожного движения, под воздействием лекарственных средств, снижающих внимание и быстроту реакции. В связи с этим в решениях судов по гражданским делам указывается на то, что транспортные средства всегда относятся к источникам повышенной опасности, управление которыми в состоянии опьянения может повлечь причинение вреда жизни и здоровью не только водителя, но и других участников дорожного движения, и потому истец, являясь сотрудником ОВД, должен был особенно предусмотрительно оценивать недопустимость и крайнюю общественную опасность управления транспортным средством в состоянии опьянения, даже минимально превышающего допустимое, а также оценивать возможность наступления неблагоприятных последствий [17].

Следует согласиться с выводами других исследователей о том, что человек в состоянии опьянения не только не замечает опасности, но и способен завышать свои способности к управлению транспортным средством. При управлении автотранспортом в условиях интенсивного городского движения водитель достаточно часто работает на пределе своих возможностей, а поэтому даже незначительное нарушение психофизиологических функций после приема небольших доз спиртного может стать причиной ДТП [6, с. 21]. Кроме того, вследствие состояния опьянения увеличивается время реакции, теряется концентрация внимания, происходят другие психофизиологические нарушения, что в итоге и приводит к нарушению требований п. 10.1 ПДД, согласно которым скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства.

Необходимо также учитывать, что к алкогольному опьянению приравнивается и состояние похмельного синдрома, при котором наблюдаются сонливость, вялость, усталость водителя, а это усиливает риск ДТП.

Служба в ОВД является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности [18]. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в ОВД, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в т.ч. к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования ОВД, а также специфическим характером деятельности указанных лиц [15].

В соответствии с п. 4 ст. 7 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 07.03.2018) [7] (далее – ФЗ «О полиции») сотрудник полиции как в служебное, так и во внеслужебное время должен воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнения в его беспристрастности или нанести ущерб авторитету полиции. В соответствии с п. 2 и 3 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2017) [9] (далее – ФЗ «О службе в ОВД») при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник ОВД должен заботиться о сохранении своей чести и достоинства, не совершать поступки, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти. Другими словами, управляя автомобилем, сотрудник ОВД обязан являть собой образец безупречного поведения как на службе, так и в быту.

Согласно п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О службе в ОВД» сотрудник ОВД обязан не допускать злоупотреблений

служебными полномочиями, соблюдать установленные федеральными законами ограничения и запреты, связанные со службой в ОВД, а также соблюдать требования к служебному поведению сотрудника. Такие же требования в отношении сотрудников полиции содержат п. 12 ч. 1 ст. 27 ФЗ «О полиции».

Поступая на службу в ОВД, гражданин РФ добровольно возлагает на себя обязанность соответствовать указанным требованиям и добросовестно исполнять свои обязанности.

За нарушение перечисленных выше требований ФЗ «О полиции» и ФЗ «О службе в ОВД», выразившееся в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, сотрудник ОВД должен быть обязательно и безальтернативно привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в ОВД по основанию, предусмотренному п. 9 ч. 3 ст. 82 ФЗ «О службе в ОВД» (контракт подлежит расторжению, а сотрудник увольнению со службы в ОВД в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника ОВД). Если же сотрудник ОВД управлял в состоянии опьянения служебным автомобилем, то его можно уволить по другому основанию «за совершение грубого дисциплинарного проступка». Так, согласно п. 6 ч. 1 ст. 50 ФЗ «О службе в ОВД» на сотрудника ОВД в случае нарушения им служебной дисциплины может налагаться дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы в ОВД по соответствующим основаниям. Порядок и сроки применения к сотрудникам ОВД дисциплинарных взысканий установлены ст. 51 данного федерального закона [10].

Согласно ч. 2 ст. 15 ФЗ «О службе в ОВД» за совершение административного правонарушения сотрудник ОВД несет дисциплинарную ответственность в соответствии с данным законом, Дисциплинарным уставом ОВД РФ, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с КоАП РФ. К числу таких правонарушений относится и управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ).

Анализ судебной практики (проанализировано 40 решений суда по делам об увольнении за проступок, порочащий честь сотрудника ОВД) также показывает, что сотрудник ОВД, допустивший управление транспортным средством в состоянии опьянения, подлежит обязательному увольнению из ОВД независимо от того, предусмотрена ли за данное деяние административная либо уголовная ответственность. Для принятия решения об увольнении такого сотрудника не имеет правового значения наличие (отсутствие) вступившего в законную силу постановления или обвинительного приговора суда, т.к. причиной увольнения является проступок, порочащий честь сотрудника ОВД, наносящий ущерб авторитету полиции и противоречащий требованиям, предъявляемым ко всем сотрудникам ОВД.

Анализируя методы борьбы с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, следует кратко остановиться на зарубежном опыте в данной области. Помимо ужесточения законодательства, в большинстве иностранных государств ставка сделана на профилактику и повышение сознательности всех участников дорожного движения. При этом, например, полицейские Китая проверяют водителей прямо на перекрестках, пока горит красный свет. Осознание водителями неотвратимости быть задержанными сотрудниками правоохранительных органов признается за рубежом наиболее эффективным способом удержать водителей от нахождения за рулем в состоянии опьянения.

Что касается законодательных норм, применяемых в различных странах в отношении водителей, управлявших транспортным средством в состоянии опьянения, то они различны. Это и штраф, и временное лишение права на управление транспортными средствами, лишение свободы и даже смертная казнь. Последний вид уголовного наказания по отношению к нетрезвым водителям используется только в Китае. Там управление автотранспортом в нетрезвом состоянии квалифицируется как преступление, за которое можно лишиться водительских прав, получить крупный штраф либо подвергнуться лишению свободы. Однако если по вине нетрезвого водителя погибли люди, виновнику ДТП может быть назначено наказание в виде смертной казни через расстрел. В судебной практике Китая такие случаи уже имеются: в 2009 и 2010 гг. к смертной казни приговорили двух водителей, которые в состоянии алкогольного опьянения совершили массовый наезд на пешеходов (пострадало от 5 до 11 человек, в т.ч. несколько человек погибло) [2].

В законодательстве некоторых зарубежных государств в качестве дополнительных видов уголовных наказаний предусмотрены штрафные работы, блокирование и конфискация транспортного средства.

Правоприменительная практика свидетельствует, что безальтернативное увольнение из ОВД сотрудника по причине выявления факта управления автотранспортом в состоянии опьянения стало неизбежным. Во многом этому способствует принципиальная позиция руководителей данных сотрудников ОВД. Осознание этого уже наблюдается у большинства сотрудников ОВД.

Достаточно эффективной профилактической мерой является разъяснение сотрудникам оснований увольнения из ОВД в случае допущенных нарушений законности, а также оснований утраты права для назначения пенсии за выслугу лет в случае совершения проступка, порочащего честь сотрудника ОВД, административного правонарушения и(или) преступления в период прохождения службы в ОВД, повлекшего лишение специального звания (в т.ч. по приговору суда)¹. При этом

¹ Отмена пенсии по выслуге лет возможна только при осуждении судом за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное в период прохождения службы (ст. 48 УК РФ). При этом основанием невыплаты пенсии является лишение специального (воинского) звания и, соот-

сотрудникам ОВД необходимо помнить, что согласно решению Конституционного Суда РФ от 5 июля 2011 г. № 863-О-О право для назначения пенсии за выслугу лет должно быть заслужено безукоризненным выполнением конституционно значимых обязанностей [12]. Утрата права для назначения пенсии за выслугу лет не является дополнительным наказанием, а считается следствием изменения правового статуса гражданина.

На практике, впрочем, остается проблема отсутствия ясности в обоснованности увольнения из ОВД сотрудников, которые помимо своей воли, вследствие обмана или случайно (например, в напитках или пище) употребили определенное наркотическое средство, психотропное или одурманивающее вещество, приведшее к опьянению. При этом нельзя исключать факты умышленного добавления алкоголя, наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ заинтересованными лицами в напитки или пищу сотрудника (например, по мотивам мести или зависти) с целью его увольнения из ОВД.

Анализ правоприменительной практики показывает, что обстоятельства попадания алкоголя в пищу или напитки сотрудника ОВД, допустившего последующее управление автотранспортом, не оказывают положительного влияния на принятие решения об ответственности сотрудника ОВД (дисциплинарной, административной, уголовной). Другими словами, лицо, даже против его воли (например, насильственно, путем обмана или злоупотребления доверием) приведенное в состояние опьянения, но после этого начавшее управление автотранспортом и допустившее нарушение ПДД, должно признаваться виновным с учетом анализируемого квалифицирующего признака. В том числе это объясняется характерными свойствами алкоголя (выраженный вкус, резкий запах), что практически исключает обманное или случайное его употребление.

По мнению ученых-юристов, неправильное представление субъекта относительно наличия или отсутствия у него состояния опьянения следует расценивать как разновидность фактической ошибки относительно общественной опасности совершаемого деяния. Более сложной является ситуация, когда лицо ошибочно считает себя трезвым (например, лицо полагало, что прошло уже много времени после употребления алкоголя) [1, с. 5].

В любом случае следует проводить тщательную служебную проверку, которая должна исключить необоснованное увольнение такого сотрудника из ОВД, а также стать поводом для привлечения к ответственности соответствующих физических лиц. Однако в этом случае возникает закономерный вопрос: возможно ли привлечение к уголовной ответственности таких лиц в случае установленного факта сообщения в правоохранительные органы заведомо ложных сведений об употреблении сотрудником полиции алкоголя, наркотическим, статусом. При увольнении по «отрицательным основаниям» может быть уменьшено выходное единовременное пособие.

ских средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ (данные вещества умышленно добавлены в напитки или пищу сотрудника). Считаем, что обозначенные действия подпадают под признаки одного из двух составов преступления: ч. 1 ст. 128.1 УК РФ «Клевета», т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, либо ч. 1 ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», т.е. применение насилия, неопасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Однако на практике подобных уголовных дел по указанным фактам выявлено не было. Полагаем, что в уголовном законодательстве РФ имеется пробел.

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы:

1. Сотрудник ОВД, допустивший управление автотранспортом в состоянии опьянения, подлежит обязательному увольнению из ОВД независимо от того, предусмотрена ли за данное деяние административная либо уголовная ответственность.

2. Одной из основных задач руководителей в системе МВД России на всех уровнях является проведение работы, направленной на осознание всеми сотрудниками ОВД неотвратимости увольнения из ОВД за управление автотранспортом в состоянии опьянения.

3. Обстоятельства попадания алкоголя в пищу или напитки сотрудника ОВД, допустившего последующее управление автотранспортом, не оказывают положительного влияния на принятие решения об ответственности сотрудника ОВД (дисциплинарной, административной, уголовной). Это в основном объясняется характерными свойствами алкоголя (выраженный вкус, резкий запах), что практически исключает обманное или случайное его употребление.

4. Несмотря на всю важность правовых средств, в настоящее время наблюдается необходимость активации превентивных мер в рамках противодействия управлению автотранспортом сотрудниками ОВД в состоянии опьянения. Требуется усиление в этих целях институтов наставничества, поручительства и взаимной ответственности сотрудников и руководителей ОВД всех уровней.

Литература

1. Арзамасцев М. Состояние опьянения как квалифицирующий признак дорожно-транспортного преступления // Уголовное право. 2010. № 1. С. 4-8.
2. Водитель, сбивший 11 человек, приговорен к смерти в КНР. URL: <http://www.newsinfo.ru> (дата обращения: 04.04.2018).
3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2017. 18 с.
4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2017 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2018. 18 с.
5. Дорожно-транспортные травмы: информационный бюллетень // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs358/ru> (дата обращения: 12.03.2018).
6. Дунаева О.Н., Полякова С.В., Спиридонова И.А. Общественная опасность управления транспортными средствами в состоянии опьянения // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 21-25.
7. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
8. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 13 февраля 2018 г.) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531.
9. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
10. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Овчинский В. «Дорожная карта» дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Профиционал. 2012. № 5. С. 2-5.
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2011 г. № 863-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.02.2018).
14. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России. URL: <http://www.stat.gibdd.ru> (дата обращения: 28.03.2018).

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 7-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Расширенное заседание Коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17461> (дата обращения: 03.03.2018).

17. Решение Сосновского районного суда Челябинской области по делу № 2-1287 от 9 июля 2015 г. об увольнении за проступок, порочащий честь сотрудника ОВД. URL: <https://74.xn> (дата обращения: 03.03.2018).

18. Решение Кызылского городского суда Республики Тыва по делу № 2-1772 от 26 марта 2014 г. об увольнении за проступок, порочащий честь сотрудника ОВД. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.03.2018).

19. Шатилович С.Н. Направления работы с личным составом по противодействию злоупотреблению алкоголем в условиях реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 152-160.

УДК 343.77

В.М. Шеншин, канд. юрид. наук

Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации

E-mail: vitya-shen@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОМ ПРОСТУПKE КАК ПРЕСТУПЛЕНИИ НЕБОЛЬШОЙ ТЯЖЕСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Уголовное деяние в сфере охраны окружающей среды, квалифицируемое сегодня как преступление небольшой тяжести, либо лицо, его совершившее, не обладают достаточной степенью общественной опасности. Негативное последствие от судимости в таком случае представляется не вполне адекватным характеру экологического деяния и личности осужденного. Внесение предлагаемых изменений в уголовное законодательство в сфере охраны окружающей среды создаст предпосылки к выведению из-под действия уголовного закона, а также из сферы уголовной ответственности значительного числа лиц, установлению им наказания, не связанного с лишением свободы.

Ключевые слова: уголовный проступок, уголовно-экологическая политика, экологическая безопасность, экологическое преступление.

V.M. Shenshin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Saint-Petersburg military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

E-mail: vitya-shen@mail.ru

REVISITING CRIMINAL OFFENSE AS A CRIME OF LITTLE GRAVITY IN THE AREA OF ENVIRONMENT

A criminal act in the area of environment is qualified as a crime of little gravity or the person who committed it does not have a sufficient degree of public danger. The negative consequence of the conviction in this case is not quite adequate to the nature of the environmental act and the personality of the convicted person. The proposed changes to the criminal legislation in the area of environment will create conditions for the removal from the scope of the criminal law, as well as from the scope of criminal responsibility a significant number of persons, establishment of their punishment not related to deprivation of liberty.

Key words: criminal offense, criminal, environmental policy, environmental security, environmental crime.

Национальный и международный уровень предупреждения особо опасных преступлений, к которым относятся и экологические, как это предусмотрено «Руководящими принципами в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка» [7], должен обогащаться новыми направлениями и подходами, среди которых следует назвать и формирование концепции уголовно-экологической политики, поскольку экологические преступления посягают на экологическую безопасность [11, с. 182-187; 12, с. 115-124], а вместе с ней и на национальную.

Взаимосвязь между экологической преступностью, развитием и новым международным экономическим порядком прослеживается сквозь призму проведения современных реформ в области уголовного правосудия, а также теми устремлениями, которые присущи международному сообществу. Соответственно, система уголовного правосудия представляется неотъемлемым условием по соблюдению прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Поэтому принятие российским государством в связи с этим всевозможных мер по равноправному наказанию за экологические преступления на основе соответствующей уголовно-экологической политики и практики привлечения к уголовной ответственности нарушителей позволит устранить всякое несоответствие в санкциях, применяемых за экологические деяния. Исходя из этого, существующие противоречия в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования, а также предупреждения экологических преступлений должна решить концепция уголовно-экологической политики, которая структурно войдет в единую концепцию развития уголовной политики. Анализ проекта концепции уголовной политики позволяет говорить об актуализации данной проблемы, которая, к сожалению, не обеспечена в надлежащей мере в криминологическом, теоретическом и эмпирическом плане. Такого же мнения придерживаются и представители научного сообщества [3].

Одним из успешных направлений развития уголовно-экологической политики станет расширение перечня альтернативных наказаний относительно лишения свободы, поскольку претворение в жизнь подобной концепции предопределяет укрепление системы исполнения наказаний без изоляции от общества.

В качестве трех этапов развития и реализации уголовной политики на 2017-2025 гг. проектом предусмотрены: гуманизация законодательства и практики, систематизация уголовно-правового поля, новая пенализация.

Хотя М.И. Васильева, например, утверждает, что «либерализация уголовной ответственности за экологические преступления недопустима – ни в части законодательного установления квалифицирующих признаков преступлений, ни в части назначения наказаний судами. Необходим отказ от существующей практики экономии

предусмотренных законом мер уголовной репрессии (отказ органов прокуратуры от возбуждения уголовных дел, назначение судами излишне мягких наказаний) и выборочного (по усмотрению контрольных и правоохранительных органов) применения мер административного взыскания к правонарушителям. Необходима активизация исковой работы органов государственного экологического контроля и прокурорского надзора, а также повышение исполнимости постановлений о наложении штрафов и судебных решений по экологическим делам» [1, с. 8-19].

В сфере гуманизации законодательства авторами концепции предлагается расширение применения наказаний, не связанных с лишением свободы. Здесь, по-видимому, следует обратить внимание на важность оптимизации законодательства, а не его гуманизацию, т.к. местами оно и так гуманно, особенно это четко проявляется в санкциях главы 26 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Множество ограничений в результате гуманизации может выйти за пределы уголовно-правового поля, а щадящие и мягкие меры не должны распространяться на большое количество правонарушений.

Введение такой новой формы квалификации преступного деяния, как уголовный проступок, является инициативой Верховного Суда РФ, обозначенной на IX Всероссийском съезде судей [6]. По задумке авторов концепции, введение уголовного проступка позволит исключить ряд составов преступлений из числа уголовно наказуемых и не применять к нарушителям лишение свободы, а также судимость [2; 4, с. 93-97].

Верховным Судом Российской Федерации подготовлен проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"», где под уголовным проступком Верховный Суд РФ предлагает считать преступление небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Помимо этого, проектом концепции уголовной политики предусматривается последовательное внедрение принципа максимального благоприятствования лицу, впервые совершившему преступление. Указанное находит свое отражение во введении запрета на назначение наказания в виде лишения свободы лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести (в т.ч. и за экологические преступления, поскольку последние в большинстве своем в соответствии со ст. 15 УК РФ относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, и только 5 составов преступлений являются тяжкими).

Также проектом постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 предлагается внесение поправок в некоторые нормы УК РФ, смягчающие уголовное наказание и правовые

последствия в случае совершения уголовного проступка. В частности, для лиц, осужденных за совершение уголовного проступка, предусматривается сокращение продолжительности срока, отбыв который возможно рассмотрение условно-досрочного освобождения от наказания, а также срока давности обвинительного приговора суда. Кроме того, предусматривается сокращение продолжительности срока давности уголовного преследования до одного года для лиц, совершивших уголовный проступок.

Использование единой терминологии как внутри уголовного закона, так и в его соотношении с иными нормативными актами целесообразно использовать в качестве систематизации уголовного законодательства.

Осуществление декриминализации ряда деяний, не представляющих большой общественной опасности (что, по нашему мнению, не для всего перечня составов преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, приемлемо ввиду их большой общественной опасности), также рассматривается авторами в качестве этапа развития и реализации концепции уголовной политики.

Главное в проведении новой пенализации раскрывается через уменьшение уголовной репрессии и использование вместо наказаний иных мер уголовно-правового характера (в качестве примера относительно экологических преступлений следует сказать о необходимости введения нового вида меры уголовно-правового характера – реституции (возмещение причиненного вреда в натуре, полностью)).

Необходимо отметить, что отнесение уголовно-процессуальным законом экологических преступлений к делам публичного обвинения (ч. 5 ст. 20 УПК РФ) означает факт признания законодателем особой общественной значимости таких дел.

Главой 26 УК РФ предусмотрено 18 статей, объединяющих 41 состав экологических преступлений, из которых 24 являются преступлениями небольшой тяжести, 12 – средней тяжести, 5 – тяжкими. Вместе с тем в 2007 г. ситуация в этом направлении выглядела по-иному, преступлениями небольшой тяжести признавалось подавляющее большинство составов – 25, преступлениями средней тяжести – 10 составов, и лишь одно было отнесено законодателем к тяжкому преступлению [9, с. 161].

Проводимая законодателем политика в сфере охраны окружающей среды позволяет выявить тенденцию, направленную на увеличение за последние 10 лет общего количества уголовно-правовых деяний, предусмотренных главой 26 УК РФ. Таким образом, из анализа изменений усматривается уменьшение количества преступлений небольшой тяжести с 25 в 2007 г. до 24 в 2018 г., по категории преступлений средней тяжести произошел их рост с 10 в 2007 г. до 12 в 2018 г., количество тяжких преступлений увеличилось с 1 в 2007 г. до 5 в 2018 г.

Приведенные данные позволяют говорить о некой интенсивности проведения реформы материального уголовного законодательства. Однако возникшая ситу-

ация вокруг охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования характеризуется комплексом проблем, на решение которых должны быть направлены усилия государственного аппарата, а также все общественные механизмы.

Необходимость введения института «уголовный проступок» в систему уголовно-правовых институтов вызвана тем, что среди преступлений небольшой тяжести сейчас имеются те деяния, которые представляют наименьшую общественную опасность и с учетом характера этой опасности не влекут наказания в виде лишения свободы.

Уголовный кодекс РФ содержит более 80 составов преступлений, за которые наказание в виде лишения свободы не установлено. Из оценки главы 26 УК РФ следует, что в ней содержится 11 составов преступлений, за совершение которых уголовная ответственность в виде лишения свободы не наступает. К таким составам преступлений, в частности, относятся: ч. 2 ст. 249, ч. 1 ст. 250, ч. 1 ст. 251, ч. 1 ст. 252, ч. 1, 2 ст. 253, ч. 1 ст. 254, ст. 255, 257, ч. 1 ст. 258, ст. 262 УК РФ. Совершение любого из данных видов преступлений влечет одни и те же правовые последствия с точки зрения давности уголовного преследования, погашения судимости, условно-досрочного освобождения. Отнесение к одной и той же категории преступления деяний, существенно различающихся по характеру общественной опасности, не вполне согласуется с общеправовым принципом справедливости и принципом индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Отметим также, что комплексное решение вопросов, связанных с охраной окружающей среды, предполагает применение различных правовых средств воздействия на посягательства, наносящие вред окружающей среде. Предписания ст. 2 УК РФ содержат задачи, стоящие перед уголовным законом, одной из которых названо предупреждение экологических преступлений. Достижение поставленной задачи осуществляется в том числе и применением такого уголовно-правового средства воздействия на экологические деяния, как штраф, предусмотренный ст. 46 УК РФ. Предупреждение совершения новых экологических преступлений позиционируется и как цель применения уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

С нашей точки зрения, именно с помощью применения штрафа необходимо вести борьбу с экологическими преступлениями, поскольку названный вид уголовного наказания предписывает достижение целей, стоящих перед уголовным законом, а также позволяет сделать этот вид наказания экономически невыгодным для правонарушителя (установление зависимости размера штрафа от величины причиненного ущерба).

Мы исходим из того, что штраф – это основной рычаг эффективной борьбы с экологическими деяниями.

Предложения относительно увеличения штрафа за совершенные экологические преступления нашли свое отражение в Федеральном законе от 3 июля 2016 г.

№ 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (далее – Закон № 323-ФЗ). Трехмесячный срок действия указанного закона позволяет констатировать факт вынесения более 1300 решений об освобождении обвиняемых и подозреваемых от уголовной ответственности с назначением штрафа, из которых 570 постановлений вынесено на стадии досудебного производства, 780 решений принято в ходе судебного производства [10].

В постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» были внесены новые пункты – 16.1 и 16.2, в соответствии с которыми судам предложено применение штрафа взамен уголовного преследования, а также в случаях, когда виновными впервые было совершено одновременно сразу несколько преступлений небольшой и средней тяжести.

Минимальный размер штрафа, предусмотренный санкциями статей главы 26 УК РФ, установлен в размере от ста тысяч. Максимальный размер штрафа установлен в размере трех миллионов рублей. В санкциях 23 составов преступлений (56,1%) предусмотрена «вилка» в виде словосочетания «от... до...». Учитывая законодательное построение диспозиций статей, становится непонятным, в каких случаях суды должны назначать меньший размер штрафа, а в каких больший размер.

Считаем, что более правильным будет оставить вилку штрафов, но четко определить, в каких случаях назначается штраф в том или ином размере. Закрепление в УК РФ дифференциации штрафов по такому признаку, как совершение преступления впервые или неоднократно, поможет решить указанную проблему.

Обратим внимание на применение судами штрафа за экологические преступления небольшой тяжести в таком же размере, как и за административные правонарушения. Показатели статистики таковы, что в 99% случаев за совершенное экологическое преступление назначается наказание, не связанное с лишением свободы [8].

По-видимому, за совершение преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, следует по всем составам преступлений изменить размер штрафа в сторону его увеличения, а в санкциях девяти составов преступлений ввести в качестве наказания также штраф за экологическое преступление [13, с. 117-122].

Итак, высказанные предложения относительно применения штрафа за экологические преступления позволяют вести более плодотворную дискуссию об уголовном проступке.

К лицам, совершившим впервые уголовный проступок либо совершившим впервые преступление небольшой тяжести, следует наряду со штрафом применять меры, сходные с некоторыми видами наказаний, не предусматривающих изоляцию осужденного от обще-

ства, а именно: обязательные работы и исправительные работы.

Итак, реализация современной уголовной политики идет в двух направлениях: усиление уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, и претворение на практике гуманизации системы наказаний в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Так, к примеру, в пояснительной записке к федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» содержалась информация о том, что в 2014 г. из 719 305 лиц общего числа осужденных 330 898 лиц были признаны виновными и осуждены за преступления небольшой тяжести. Поэтому внесение предлагаемых изменений в уголовное законодательство создаст предпосылки к выведению из-под действия уголовного закона, а также из сферы уголовной ответственности значительного числа лиц, установлению им наказания, не связанного с лишением свободы, что, по мнению Верховного Суда РФ, должно положительно сказаться на социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость [5].

Обращение внимания на нерепрессивное направление уголовно-экологической политики диктуется сугубо прагматическими задачами, а не идеологическим стремлением к либеральным ценностям общественной жизни. Российское государство сегодня, основываясь на целом ряде причин, не готово обеспечивать не только реальное применение всех видов наказаний за экологические преступления, закрепленных в уголовном законе, но и фактическое отбывание наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, перспективными направлениями по реформированию современной уголовно-экологической политики в нерепрессивном ключе станут:

- 1) воплощение на практике принципа «экономии репрессии», в соответствии с которым необходимо провести декриминализацию ряда малозначительных, не опасных, если так можно выразиться, деяний, и в дальнейшем осуществить их перевод из разряда уголовно-правовых в административные правонарушения или гражданско-правовые деликты в контексте проведения общей гуманизации уголовной политики;
- 2) повсеместное осуществление принципа «неотвратимости наказания»;
- 3) отдание приоритета превенции в области реализации уголовно-экологической политики;
- 4) проведение уголовно-экологической политики в контексте восстановительного характера, обеспечивающего защиту окружающей среды, экологической безопасности, рационального природопользования, прав потерпевших;
- 5) формирование экологического сознания и правосознания общества.

Под уголовным проступком следует понимать что-то среднее между административным правонарушением и уголовным преступлением. Основным отличием уголовного проступка от преступления станет то, что проступок не будет влечь за собой лишения свободы и судимости, у

осужденного не будет того «балласта» в виде судимости, который свойственен сегодняшнему наказанию за экологическое преступление небольшой тяжести. Таким образом, осужденный получит больше возможностей для социальной адаптации после осуждения.

Литература

1. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. 2007. № 2.
2. Зеновина В. Мнения экспертов о необходимости введения уголовного проступка разделились [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Зеновина В. По мнению научного сообщества, в России нужно принять концепцию развития уголовной политики [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Наумов А.В. Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести // Уголовное право. 2017. № 4.
5. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37. URL: <http://ппвс.рф/2015/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N37-ot-21.07.2015.html> (дата обращения: 05.02.2018).
6. Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе: постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1. URL: <http://www.ssrp.ru/page/22596/detail/> (дата обращения: 06.01.2018).
7. Приложение к Миланскому плану действий, принятому на седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа – 6 сентября 1985 г.
8. Статистика Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>.
9. Степашин В.М. Особенности наказания за экологические преступления // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2007. № 4 (13).
10. Тимошенко В. Верховный Суд РФ предлагает применять к преступникам штраф вместо уголовного преследования, даже если ими было совершено одновременно сразу несколько преступлений [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Шеншин В.М. О практике высших судов в сфере охраны окружающей среды и природопользования // Военное право. 2017. № 5.
12. Шеншин В.М. Обеспечение в деятельности войск национальной гвардии требований экологической безопасности // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2017. № 6.
13. Шеншин В.М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74).

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.13:343.221.1

Н.В. Арсенова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: androsenkon@mail.ru

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ, ПОЛУЧЕННОЕ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Статья посвящена изучению процессуальных форм признания лицом своей вины в совершении преступления, полученного при проверке сообщения о преступлении. Автор выделяет среди них явку с повинной и объяснение лица, изобличающего себя в совершении преступления. Исследуются научные точки зрения на доказательственное значение материалов предварительной проверки, решений Конституционного Суда Российской Федерации и судебная практика использования в качестве доказательства явки с повинной и объяснения лица. Выявляются и анализируются требования, которым должно соответствовать такое признание, чтобы считаться доказательством по уголовному делу. Отмечается, что отсутствие законодательно регламентированного процессуального порядка получения и оформления явки с повинной и объяснения влечет сложности правоприменения. Особое внимание обращается на необходимость разъяснения прав лицу при получении от него признания в ходе проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: признание вины, явка с повинной, объяснение, проверка сообщения о преступлении, доказывание.

N.V. Arsenova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

E-mail: androsenkon@mail.ru

CONFESSION OF GUILT IN A CRIME OBTAINED DURING THE VERIFICATION OF A CRIME REPORT AS EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

The article studies the procedural forms of recognition by a person of guilt in a crime received during the verification of a crime report. The author highlights among them the surrender and explanation of the person incriminating himself in the crime. The author examines the scientific points of view on the evidentiary value of the materials of the pre-investigation check, the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation and the judicial practice of use as evidence of surrender and explanation of the person. It identifies and analyzes the requirements that a confession must meet in order to be considered evidence in a criminal case. It is noted that the lack of legally regulated procedural order of receipt and registration of surrender and explanation entails the complexity of law enforcement. Particular attention is drawn to the need to clarify the rights of a person when receiving a confession from him during the verification of a crime report. The author provides and substantiates a list of these rights in the article.

Key words: confession of guilt, surrender, explanation, verification of a crime report, proof.

В толковых словарях русского языка «признание» определяется как «открытое и откровенное сообщение о своих действиях, поступках» [11, с. 524]; «объяснение, в котором содержится подтверждение фактов или обстоятельств, сообщенных противоположной стороной» [22, с. 765]. Признаться – значит «открыто объявить, признать что-нибудь, касающееся себя» [11, с. 524].

В уголовно-процессуальной науке достаточно внимания отведено вопросам признания лицом своей вины в совершении преступления.

Так, Н.А. Соловьева и В.Н. Перекрестов под признанием подозреваемым, обвиняемым своей вины понимают сообщаемые (даваемые) подозреваемым, обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства сведения против самого себя, в которых он изобличает себя в совершении преступного деяния и сознает его противоправность [18, с. 55-58].

М.Л. Якуб определяет признание обвиняемого как показания обвиняемого, в которых он признал себя виновным в предъявленном обвинении и изложил обстоятельства инкриминируемого ему преступления, приведя данные, подтверждающие его виновность в этом преступлении [23, с. 30].

По мнению В.И. Каминской, признание вины обвиняемым – это такое его объяснение, в котором он признает правильность предъявленного ему обвинения, сообщает обстоятельства совершенного им преступления и раскрывает субъективную сторону совершенного деяния [6, с. 74].

Характерно, что авторы определяют признание лицом вины в совершении преступления разными терминами – «показания», «сведения», «объяснения». Однако все они едины в том, что важным при формулировании данного понятия является его содержание, а именно информация, изобличающая подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления.

Таким образом, признание вины в совершении преступления – добровольное предоставление правоохранительным органам лицом, совершившим преступление, конкретной информации, изобличающей его в совершении преступления.

Признать свою вину в совершении преступления подозреваемый (обвиняемый) может как в ходе допроса, так и при производстве иных процессуальных действий. В первом случае процессуальной формой такого признания являются показания подозреваемого (обвиняемого), оформляемые протоколом допроса. Подозреваемый (обвиняемый) в ходе уголовного судопроизводства вправе также давать объяснения, заявлять ходатайства, участвовать в других следственных действиях и т.д. Следовательно, признание им своей вины в совершении преступления наряду с показаниями может иметь иную процессуальную форму.

Признание вины может быть получено в любой момент производства по уголовному делу. Получить от лица информацию, изобличающую его в совершении преступления, можно в том числе при приеме и проверке сообщения о преступлении. Так, например, при

явке с повинной следует говорить о признании вины заявителем.

Следует отметить, что вопрос признания вины в совершении преступления, полученного на стадии возбуждения уголовного дела, и его доказательственного значения является достаточно актуальным. Это обусловлено тем, что зачастую лица в рамках проверки сообщения о преступлении могут сообщать информацию, уличающую их в совершении преступления, признавать свою вину, а впоследствии, проконсультировавшись с адвокатом, на допросе давать иные (оправдывающие себя) показания, ссылаясь на то, что при проверке сообщения о преступлении их признание было получено сотрудниками правоохранительных органов в отсутствие защитника незаконными способами. Очевидно, такое поведение подозреваемого (обвиняемого) не противоречит закону, поскольку является способом его защиты, однако может повлечь признание полученных в ходе доследственной проверки данных недопустимым доказательством.

Использовать в процессе доказывания как устную, так и письменную информацию, в т.ч. сохраненную на электронных носителях, возможно только при облечении её в процессуальную форму [21, с. 121].

Форма – философская категория, которой сопутствует категория «содержание». Содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов объектов, его свойств, связей, состояний, тенденций развития. Форма есть способ существования, выражения и преобразования содержания [19, с. 266]. Таким образом, информация, изобличающая лицо в совершении преступления, являясь содержанием, имеет свою правовую форму существования, в которую облекается в ходе уголовного судопроизводства.

Собирание доказательств в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий. Процессуальными действиями будут лишь в том случае, если они прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом.

Итак, признание вины в совершении преступления, полученное при проверке сообщения о преступлении, может иметь следующие процессуальные формы: явка с повинной и объяснение лица, в отношении которого осуществляется проверка.

Позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что «заявление о явке с повинной может являться доказательством в случаях, когда отсутствуют обстоятельства, препятствующие признанию его допустимым доказательством (ст. 75 УПК РФ)» [13].

Доказательственное значение явки с повинной имеет в том числе благодаря своему содержанию, поскольку, полагаем, заявление о явке с повинной и протокол явки с повинной следует рассматривать в качестве такого вида доказательств, как «иные документы». Статья 84 УПК РФ указывает, что иные документы могут

допускаться в качестве доказательств тогда и только тогда, когда сведения, изложенные в них, имеют значение для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, т.е. для установления предмета доказывания по уголовному делу. Следовательно, явка с повинной выступает в качестве доказательства, если содержит сведения: о событии преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); форме вины лица, совершившего преступление, и мотивах совершения преступления; характере и размере вреда, причиненного преступлением; иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (орудия преступления, место нахождения похищенного имущества и т.д.).

Так, например, при постановлении обвинительного приговора в отношении К. по ч. 4 ст. 111 УК РФ суд сослался на доказательства, исследованные в судебном заседании, в т.ч. на протокол явки с повинной. Доводы осужденного К. об оказываемом на него давлении со стороны работников правоохранительных органов при написании явки с повинной суд признал несостоятельными, поскольку явка с повинной написана К. собственноручно, принята правоохранительными органами в соответствии с требованиями ст. 142 УПК РФ, обстоятельства ее написания проверялись судом, оснований для признания протокола явки с повинной недопустимым доказательством суд не установил [16].

При явке с повинной лицо должно наиболее подробно изложить известные ему обстоятельства. Обычная констатация факта совершения преступления не может рассматриваться как явка с повинной, поскольку при отсутствии подробностей происшедшего довольно сложно проверить достоверность сделанного заявления. Как следствие, такое заявление не может в дальнейшем оказаться доказательством по уголовному делу даже при надлежащем процессуальном оформлении.

Еще одним способом фиксации признания лицом своей вины в совершении преступления является получение и оформление объяснения. Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ предусматривает право органа, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, получать объяснения. Следовательно, сведения, отраженные в данном объяснении, могут иметь доказательственное значение. Но поскольку такого вида доказательств, как объяснения, статья 74 УПК РФ не содержит, объяснения вне зависимости от их оформления («Объяснение», «Протокол объяснения», «Протокол получения объяснения», «Протокол принятия объяснения»), как правило, судами в настоящее время в качестве доказательств не допускаются [21, с. 123].

А.И. Григорьев полагает, что после проверки объяснений следственным путем они должны оцениваться наравне с другими имеющимися в материалах дела доказательствами, «при этом ссылка на объяснения как на доказательства, подтверждающие виновность или невиновность обвиняемого при составлении обвинительного заключения, нужно признавать соответствующей

требованиям уголовно-процессуального закона» [4, с. 147-148].

По мнению Ш. Абдул-Кадырова, сведения, содержащиеся в объяснении, полученном в ходе следственной проверки, могут рассматриваться в качестве доказательств, в т.ч. в случае, когда лицо не было допрошено, если соблюдены требования ч. 1.2 ст. 144, ст. 49 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ [1, с. 96-97].

Конституционный Суд РФ разъяснил, что объяснения, полученные при проверке сообщения о преступлении, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ имеют доказательственное значение как «иные документы» и используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств [7].

Так, например, суд апелляционной инстанции по уголовным делам Ростовского областного суда вопреки апелляционным жалобам осужденных Б. и С. признал обоснованными действия суда первой инстанции, который сослался в приговоре на рапорта сотрудников полиции, протоколы принятия устного заявления, акты ревизий, объяснения, полученные в ходе следственной проверки, и прочие документы, поскольку в соответствии с положениями п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств по уголовному делу, помимо показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, протоколов следственных и судебных действий, заключений и показаний эксперта и специалиста, вещественных доказательств, допускаются иные документы. Указанные рапорта сотрудников полиции, протоколы принятия устного заявления, акты ревизий, объяснения, полученные в ходе следственной проверки, и прочие документы обладают всеми признаками документа, содержащего сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [3].

Следовательно, явка с повинной, а также объяснение, в котором лицо признает свою вину, полученное на стадии возбуждения уголовного дела, полагаем, могут быть использованы в качестве доказательства, если в них содержится информация, имеющая значение для расследования уголовного дела. Безусловно, явка с повинной и объяснение будут иметь доказательственное значение только при соблюдении процессуального порядка их получения и оформления.

Не следует забывать, что УПК РФ не предъявляет жестких требований к их оформлению. В частности, УПК РФ регламентирует, что устное заявление о явке с повинной заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. Протокол должен содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих его личность. Письменное заявление о явке с повинной должно быть подписано заявителем. Других требований к данному процессуальному документу закон не предъявляет. Про-

цессуальный порядок получения и оформления объяснений УПК РФ вовсе не регламентирует.

В связи с этим в науке уголовного процесса обсуждаемым является вопрос о необходимости регламентации в ст. 144 УПК РФ порядка получения явки с повинной и объяснения. Так, Д.А. Жуков предлагает детализировать порядок проведения процессуального действия «получение объяснения» и указать формы изложения полученных сведений в виде процессуального документа «протокол получения объяснения», составленного в соответствии с требованиями, предъявляемыми к протоколу допроса [5, с. 14-15]. Не оспаривая необходимость регламентации порядка получения объяснения и явки с повинной, следует отметить, что сведения, сообщенные в явке с повинной и объяснении, не идентичны показаниям, поэтому нецелесообразно на них распространять все требования, предъявляемые к процессуальному порядку допроса.

Так, например, явка с повинной и объяснения от лица, полагаем, могут быть получены в том числе в ночное время, что недопустимо для показаний. Распространять это правило на получение явки с повинной неразумно, поскольку заявитель явки с повинной может обратиться в любое время. Независимо от времени обращения такое заявление должно быть принято и зарегистрировано, заявитель опрошен.

Судебная практика также свидетельствует о том, что получение явки с повинной в ночное время не влечет за собой нарушений УПК РФ, а также прав заявителя, поскольку ст. 142 УПК РФ не содержит запрета о даче явки с повинной в ночное время [2].

Обязательным критерием допустимости доказательств, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, является разъяснение лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, их прав, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор суда первой инстанции, исключив из числа доказательств по уголовному делу явки с повинной Г. и М., поскольку при оформлении заявлений о явке с повинной не были соблюдены требования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, права Г. и М. не были разъяснены, в судебном заседании содержание явок с повинной осужденными не подтверждено [15].

Результаты опроса практических работников¹ показали, что при проверке сообщения о преступлении 100% опрошенных разъясняют заявителю явки с повинной и опрашиваемому лицу содержание ст. 51 Конституции РФ о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. Конституционный Суд, однако, высказал противоположную позицию, пояснив, что при оформлении явки с повинной «...именно в силу добровольного характера явки с повинной законодатель не предусмотрел обяза-

тельного разъяснения заявляющему ее лицу предписаний статьи 51 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников» [10].

Полагаем, что все же следует признать правильной практику следственных органов и органов дознания, и при составлении протокола явки с повинной или протокола объяснения разъяснять лицу положения ст. 51 Конституции РФ, о чем делать отметку в протоколе. Необходимость разъяснения ст. 51 Конституции РФ следует из изменений, внесенных в ст. 144 УПК РФ в 2013 г., в соответствии с которыми всем лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, должны быть разъяснены и обеспечены их конституционные права, в частности право не свидетельствовать против себя и право на квалифицированную юридическую помощь [20].

В то же время возникает вопрос: обязан ли сотрудник правоохранительных органов, принимающий явку с повинной или объяснение, обеспечить участие адвоката?

Конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным, когда управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются его свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения [8]. Статья 142 УПК РФ не содержит положений, на основе которых ограничивались бы свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, лица, делающего заявление о явке с повинной, а потому не предполагает присутствия при этом адвоката, однако и не исключает право лица сделать такое сообщение в присутствии адвоката [9]. Поэтому право пользоваться адвокатом при заявлении явки с повинной и дачи объяснений лицу также должно быть разъяснено. Воспользоваться же этим правом либо нет, решает сам заявитель (опрашиваемое лицо). В случае если лицо пожелает воспользоваться указанным правом, сотрудники правоохранительных органов не должны препятствовать этому.

Последующий отказ от данных, указанных в заявлении о явке с повинной, не влечет признания полученного доказательства недопустимым на основании п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, поскольку заявление о явке с повинной не является показаниями подозреваемого, обвиняемого [12].

Когда лицо не владеет языком уголовного судопроизводства, составление протокола явки с повинной (объяснения) в отсутствие переводчика влечет признание полученного доказательства недопустимым. Так, например, Верховный Суд признал правильным решение суда нижестоящей инстанции о признании явок с повинной недопустимыми доказательствами. Как видно из материалов дела, подсудимые Р. и Ш. являются гражданами Республики Узбекистан, не в полной мере владеют русским языком, в связи с чем следователь на-

¹ В результате анкетирования опрошено 47 сотрудников органов внутренних дел (следователи, дознаватели, участковые уполномоченные полиции, оперуполномоченные полиции).

значил по делу переводчика, который принимал участие во всех следственных действиях, проводимых с их участием. При оформлении же протоколов явок с повинной переводчик Р. и Ш. предоставлен не был, что с учетом данных об их личности суд обоснованно расценил как нарушение их права на защиту [14].

Кроме того, часть 1.1 ст. 144 УПК РФ предусматривает возможность при необходимости обеспечить безопасность участника в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Должностное лицо, осуществляющее проверку сообщения о преступлении, обязано разъяснить данное право.

При обращении в правоохранительные органы заявителя явки с повинной с информацией о высказанных либо возможных угрозах в его адрес необходимо подключить к работе с данным лицом сотрудника по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. В данном случае не рекомендуется оформлять обращение протоколом явки с повинной либо объяснением. Целесообразно составить рапорт об обнаружении признаков преступления, который следует зарегистрировать в книге учета преступлений [17, с. 144].

Как показало проведенное исследование, разъяснение всех прав, регламентированных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, на практике происходит не всегда. Так, 60% опрошенных практических работников пояснили, что в ходе доследственной проверки разъясняют ее участникам только содержание ст. 51 Конституции РФ. На сложности с процессуальным оформлением явки с повинной и объяснений указывают 54% опрошенных. 42% считают, что явка с повинной и объяснение доказательственного значения не имеют, поэтому не уделяют внимания их надлежащему оформлению. Чтобы преодолеть подоб-

ные негативные моменты, на практике широко применяются бланки протокола явки с повинной и протокола принятия объяснения, в которые уже внесен перечень прав, регламентированных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Участникам доследственной проверки остается лишь ознакомиться с этими правами и поставить свою подпись. Как показывает проведенный нами опрос, лица, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, часто формально относятся к их разъяснению, ограничиваясь лишь просьбой расписаться в соответствующем бланке протокола. Находясь в стрессовом состоянии, заявитель явки с повинной (опрашиваемое лицо) может не прочитать перечень этих прав или не понять их содержание, поэтому в целях обеспечения прав участников доследственной проверки права им должны быть разъяснены.

Таким образом, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении явка с повинной и объяснения лица, в которых он признает свою вину в совершении преступления, следует признавать доказательством по уголовному делу при соблюдении следующих требований: 1) получение признания только при производстве процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ; 2) сведения, изложенные в них, должны иметь значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; 3) соблюдение процессуального порядка получения такого признания, а именно требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ – разъяснение и обеспечение прав лица не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката и переводчика; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, а также право на применение мер безопасности.

Литература

1. Абдул-Кадыров Ш. Доказательства, полученные при производстве доследственной проверки // Уголовное право. 2014. № 2. С. 96-99.
2. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 04.03.2016 № 22-1339/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное постановление Ростовского областного суда № 22-867/2018 от 15.02.2018 по делу № 22-867/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/NpDFNdQ9yb6u/> (дата обращения: 20.09.2018).
4. Григорьев А.И. Допустимость объяснений в качестве доказательств по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2013. № 5 (92). С. 145-148.
5. Жуков Д.А. Получение «объяснений» и их значение для досудебного производства // Российский следователь. 2018. № 5. С. 12-15.
6. Каминская В.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М., 1960. 182 с.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 723-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью первой статьи 75, частью первой статьи 142 и частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2270-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овсянникова Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1338-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потоки Виталия Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 17, 142 и 401.15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2343-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М., 2006. 976 с.
12. Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2006 по делу № 67-О06-30 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2010 № 209-О10-3СП [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2011 № 4-О11-57 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 127-АПУ17-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 6. С. 9-10.
16. Постановление Президиума Приморского краевого суда от 11.12.2017 № 44У-329/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Прыткова Е.В. К вопросу о процессуальном порядке применения меры безопасности, предусмотренной частью 1.1 статьи 144 УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы пятнадцатой международной научно-практ. конф-ции: вып. 15. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 1. С. 144-145.
18. Соловьева Н.А., Перекрестов В.Н. Доказательственная функция признания // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 55-58.
19. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. 541 с.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е.К. Антонович, Е.А. Артамонова, Д.П. Великий и др.; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Черепанова Л.В. Реализация права на справедливое судебное разбирательство при даче объяснений: позиция Европейского суда по правам человека // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов. 2015. С. 121-127.
22. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2007. 1152 с.
23. Якуб М.Л. Показания обвиняемого как источник доказательств. М., 1963. 80 с.

УДК 343.98.06:378

Е.В. Гулина

аспирант Бурятского государственного университета

E-mail: gulinaalyona@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Анализ данных о преступной коррупционной деятельности в высших учебных заведениях и о недостатках практики их выявления и расследования дает автору основания сделать вывод о необходимости разработки соответствующей криминалистической методики. Выделяются основные направления расследования. Среди них первое и основное – приоритет выявления и расследования не только и не столько «низовых» коррупционных преступлений со стороны преподавателей и студентов, как это чаще всего случается в правоприменительной практике, а прежде всего «верхушечных» посягательств, совершаемых отдельными представителями руководства вузов и органов управления образованием, систематической преступной коррупционной (и связанной с ней) деятельности организованных преступных формирований в данной сфере.

Ключевые слова: коррупционные преступления в высших учебных заведениях, направления расследования, криминалистическая методика, преподаватели, студенты, высшее образование.

E.V. Gulina

postgraduate student of Buryat State University

E-mail: gulinaalyona@mail.ru

THE MAIN AREAS OF INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The analysis of data on criminal corruption in higher education institutions and the shortcomings in the practice of their identification and investigation gives the author grounds to conclude that it is necessary to develop an appropriate forensic methodology. The main areas of investigation are outlined. Among the first and the main - the priority of identifying and investigating not only and not so much “grassroots” corruption crimes on the part of teachers and students, as is most often the case in law enforcement practice, but primarily “apical” encroachments by individual representatives of the leadership of universities and bodies education management, systematic criminal corruption (and related) activities of organized criminal groups in this area.

Key words: corruption crimes in higher educational institutions, areas of investigation, forensic methodology, teachers, students, higher education.

Высшее образование в России, как и любая другая сфера общественных отношений, подвержена коррупции. Практически ежедневно в средствах массовой информации появляются сведения о получении взяток представителями профессорско-преподавательского состава вузов [10].

По мнению С.С. Донецкой со ссылкой на других авторов, в сфере российского образования взятки передают чаще, чем в медицине, налоговых ведомствах, суде и адвокатуре. Ежегодный оборот коррупционных услуг в этой области сопоставим с годовым бюджетом российской системы образования [8, с. 152-159]. По данным ее исследования, в Российской Федерации в целом в 20,6% вузах имеет место катастрофический уровень коррупции, в половине вузов (50,5%) имеется достаточно высокий уровень коррупции (взятки практикуются довольно часто), и только в 28,8% вузах уровень взяточничества средний и очень низкий [6, с. 71-72].

При этом в ходе изучения официальных источников мы не нашли статистических показателей, характеризующих коррупцию в обозначенной сфере в последние годы. Однако и данные за более ранние периоды позволяют представить масштабы этого явления. Так, по мнению Ю.П. Стребкова, наблюдается постоянный рост коррупции в системе образования. Например, по данным МВД России, в 2009 г. было выявлено 1143 факта дачи и получения взятки в сфере образования, что на 91% больше, чем в 2008 г. Средний размер взятки составил около 20 тыс. руб., сумма материального ущерба – 155,8 млн руб., а общая сумма взяток – 22,6 млн руб. Из 928 человек, подозреваемых в коррупции, больше половины (495 человек) являлись сотрудниками учреждений среднего образования, 265 – учреждений высшего образования и 33 – учреждений, осуществляющих подготовку юридических кадров. В 2009 году было выявлено 3177 коррупционных преступлений в сфере образования, из них: служебный подлог – 1343 факта; получение взятки – 1046; злоупотребления должностными полномочиями – 332; дача взятки – 97; нецелевое расходование бюджетных средств – 33 [11, с. 4].

Однако, несмотря на подобного рода заявления, по мнению опрошенных нами респондентов – опытных следователей и оперативных сотрудников (в ходе исследования нами было опрошено 15 сотрудников органов внутренних дел, имеющих стаж оперативной и следственной работы не менее 5 лет на должностях младшего и старшего начальствующего состава в подразделениях ОВД по экономической безопасности и противодействию коррупции), ключевыми недостатками современной практики борьбы с коррупционными преступлениями в системе высшего образования (как и в иных сферах) являются не только в целом достаточно низкие показатели их выявляемости и раскрываемости, но также и то обстоятельство, что основные усилия правоохранительных органов направлены на борьбу с так называемыми «бытовыми», «низовыми» и эпизодическими коррупционными преступлениями (в основном

с дачей взятки) со стороны рядовых преподавателей, получающих мелкие взятки от студентов.

Так, собранные следственным отделом по Октябрьскому району города Тамбова следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тамбовской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора доценту кафедры одного из высших учебных заведений города Тамбова. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп).

Как установлено следствием и судом, 4 февраля 2015 г. во время проведения экзамена в служебном кабинете университета один из студентов предложил экзаменатору поставить ему и еще четырем студентам положительные оценки за экзамен без фактической его сдачи. Получив от экзаменатора согласие, студент собрал с остальных ребят деньги и передал их ему. Взяв денежные средства в размере 3100 руб., экзаменатор без фактической сдачи экзамена поставил 5 студентам в ведомость и зачетные книжки положительные оценки.

Приговором суда ему назначено наказание в виде 1 года лишения свободы условно со штрафом в размере 25 000 руб. [3].

Подобные мелкие «низовые» коррупционные преступления при всей их вредоносности все же не представляют особой общественной опасности и, что важно, сложности в расследовании по сравнению с «верхушечными» преступлениями на уровне руководителей среднего и высшего звена системы вузовского образования, иными проявлениями организованной криминальной коррупции в вузовской среде.

Приведенный пример лишь иллюстрирует результаты изучения и обобщения массовой судебной практики по делам о «низовой» коррупции в вузах. Налицо закономерность, в соответствии с которой суды по подавляющему большинству уголовных дел такого рода рассматривают их в порядке главы 40 УПК РФ и назначают наказания, не связанные с лишением свободы. Эти обстоятельства – довод к предположению о том, что для правоохранительной и судебной системы налицо скорее создание видимости, «благополучной отчетности» борьбы с коррупцией в вузах, чем реальное и эффективное противодействие ей.

Одна из многих причин столь негативной тенденции в правоохранительной деятельности – это непонимание правоприменителями типологии коррупционных и сопутствующих им преступлений в сфере высшего образования, иных ключевых особенностей их криминалистической характеристики.

Иными недостатками правоприменения по делам анализируемой категории, как и по иным делам о криминальной коррупции, являются:

- несовершенство системы отчетности в правоохранительной и судебной системе;
- невысокая квалификация многих (хотя и далеко не всех) правоприменителей;

- недостаточно определенные законодательные критерии: провокации преступлений в рамках проведения оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ); способов изъятия предмета взятки до возбуждения уголовного дела; признаков должностного лица и управленца (примечание 1 к ст. 285 и 201 УК РФ), «иной личной заинтересованности», «существенного нарушения...» в составах ряда коррупционных преступлений, других уголовно-правовых признаков;

- зачастую из предыдущих обстоятельств вытекает следующее: пассивность, безынициативность представителей некоторых оперативно-разыскных и следственных подразделений в раскрытии и расследовании криминальной коррупции;

- стремление не связываться с активным противодействием по уголовным делам о «верхушечной» коррупции в сфере деятельности вузов, привычка множества правоприменителей расследовать в основном несложные уголовные дела в отношении рядовых преподавателей и студентов с перспективой их рассмотрения «в особом порядке» (согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением – глава 40 УПК РФ);

- коррупция в отдельных подразделениях правоохранительной системы;

- неверная оценка судебной перспективы по делам данной категории на начальных этапах расследования;

- и другие [5].

И все-таки нельзя сказать, что в стране полностью отсутствует практика выявления и расследования «верхушечных» коррупционных преступлений в сфере высшего образования. Хотя и редкие, но отдельные примеры уголовных дел все же имеются.

Так, Центральным районным судом г. Тюмени осужден бывший ректор Тюменского индустриального университета гр. Н. Он признан виновным в том, что использовал труд работника вуза в ремонте личного дома, при этом оплата труда, премирование осуществлялись за счет средств учебного заведения.

В апреле 2016 г. бывший ректор указал директору структурного подразделения университета «не трогать» одного разнорабочего, поскольку тот займется отделкой его дома. По распоряжению руководителя составлялись документы о ежемесячных стимулирующих выплатах к зарплате разнорабочего. С мая по декабрь 2016 г. рабочему необоснованно выплачено около 750 тыс. руб., а учитывая обязательные отчисления, сумма ущерба вузу превысила 1 млн рублей.

Гр. Н. осудили за превышение должностных полномочий к лишению свободы условно, назначив штраф [14].

Эффективная криминалистическая методика расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования призвана акцентировать внимание на приоритете борьбы с «верхушечной» криминальной коррупцией, содействовать в преодолении перечисленных выше негативных обстоятельств путем определения наиболее эффективных стратегических целей-направлений расследования анализируемых преступле-

ний, а также путей преодоления изложенных выше и иных проблем правоприменения.

Основные стратегические цели-направления расследования коррупционных преступлений в вузах (данный перечень после переработки и дополнения сформирован на основе работы Ю.П. Гармаева [5]):

- выявление, раскрытие и расследование не только и не столько «низовых» коррупционных преступлений со стороны преподавателей и студентов, сколько прежде всего «верхушечных» (руководство вузов и органов управления образованием), систематических преступлений, а также преступной деятельности ОПГ и ОПС с элементами коррупции в данной сфере;

- расширение обвинения, выявление, раскрытие и расследование возможных совокупностей преступлений и вероятной серийности их совершения;

- изобличение в первую очередь организаторов, руководителей, наиболее активных членов ОПГ и ОПС, участвующих в совершении коррупционных преступлений, их осуждение;

- ликвидация ОПГ и ОПС в сфере высшего образования на уровне факультета (института), всего вуза, на региональном и федеральном уровнях, выявление и разрушение коррупционных связей преступных формирований с последующим расследованием всех коррупционных и сопутствующих преступлений, осуждением виновных;

- активная криминалистическая профилактика коррупции в вузах путем выявления и устранения причин и условий этих преступлений, антикоррупционное просвещение участников уголовного судопроизводства, прежде всего непрофессиональных участников, а также широких слоев населения.

На сегодняшний день разработано и предложено практике немалое число криминалистических методик борьбы с преступлениями коррупционной направленности. Имеют место как разработки, преследующие цели борьбы с преступлениями коррупционной направленности в целом [1, 9], так и с их отдельными видами, с градацией по уголовно-правовому критерию [4, 7] и иным основаниям [2].

Вместе с тем мы не нашли комплекса специальных научно обоснованных криминалистических рекомендаций, направленных на борьбу с коррупционными преступлениями в высших учебных заведениях. Исключение составляют публикации Е.В. Никитиной (Е.В. Христиной). Однако предмет исследования автора – вся система образования, но только в части одного состава коррупционного преступления – получения взятки (ст. 290 УК РФ) [12, 13].

При этом представляется, что необходимость в подобном рода рекомендациях реально имеется, что обусловлено как минимум повышенной степенью общественной опасности анализируемых коррупционных посягательств, а также существенной спецификой криминально-коррупционной деятельности в вузах. Допустимость выдвинутой гипотезы подтверждается и данными проведенного нами интервьюирования, в ходе

которого 78% респондентов высказались в пользу необходимости создания специальных методико-криминалистических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений коррупционной направ-

ленности в высших учебных заведениях (интервьюирование проводилось в отношении 45 следователей Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Бурятия).

Литература

1. Алферова В.А. Расследование коррупционных преступлений следователями прокуратуры: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2006. 197 с.
2. Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 215 с.
3. В Тамбове вынесен приговор доценту кафедры университета. URL: <http://tambov.sledcom.ru/folder/862837/item/954576/> (дата обращения: 15.11.2017).
4. Гармаев Ю.П., Обухов А.А. Квалификация и расследование взяточничества: учебно-практическое пособие. М.: Норма, 2009. 304 с.
5. Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений. URL: <http://https://www.iuaj.net/node/2490> (дата обращения: 18.07.2018).
6. Донецкая С.С. Состояние и структура коррупции в российских вузах (анализ мнений студентов) // Высшее образование в России. 2015. № 8-9. С. 69-75.
7. Казанцев Д.А. Особенности предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коммерческом подкупе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 209 с.
8. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Система индикаторов вузовской коррупции (гипотеза) // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 152-159.
9. Методика расследования экономических и коррупционных преступлений: методические указания / сост. А.Ф. Соколов, М.В. Ремизов. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 48 с.
10. Преподавателя Иркутского аграрного университета поймали на взятке в 25 тысяч рублей. URL: <https://irkutskmedia.ru/news/513424/> (дата обращения: 19.06.2018).
11. Стребков Ю.П. Коррупционные преступления в сфере образования: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 22 с.
12. Христинина Е.В. Особенности расследования получения взятки в системе высшего образования: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016. 245 с.
13. Христинина Е.В. Тактика допроса свидетелей по делам о взяточничестве в сфере образования // Современное право. 2012. № 5. С. 129-133.
14. Экс-ректора тюменского вуза осудили за коррупцию. URL: <https://pasm1.ru/archive/198407/> (дата обращения: 18.12.2017).

УДК 343.2.01:343.985.5

С.В. Ермаков, канд. юрид. наук

Барнаулский юридический институт МВД России;

С.И. Давыдов, доктор юрид. наук, доцент

Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: davidov_ord@mail.ru

ПРОВОКАЦИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается предусмотренный ст. 5 федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» запрет органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокации).

С позиций наук оперативно-разыскной деятельности и уголовного-права авторы поднимают и анализируют такие проблемные аспекты рассматриваемого запрета, как понятие и критерии провокации.

Провокация анализируется в четырех условных плоскостях: закон, лингвистическое значение, теория, практика. Отдельное внимание уделяется судебной практике, рассматривающей дела по заявленной тематике: Верховного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: оперативно-разыскная провокация преступления, склонение, побуждение, подстрекательство к совершению противоправных действий.

S.V. Ermakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

S.I. Davidov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: davidov_ord@mail.ru

CRIME PROVOCATION: OPERATIVELY-INVESTIGATIVE AND CRIMINAL ASPECTS

The article studies the prohibition by the authorities (officials) carrying out operative-investigative activity to incite, corrupt, induce, directly or indirectly, to commit unlawful acts (provocation) under art. 5 of the Federal Law «About Operative-Investigative Activity».

The authors raise and analyze such problematic aspects of the prohibition as the concept and criteria of provocation from the standpoint of the science of investigative activity and criminal law.

Provocation is analyzed in four conventional planes: law, linguistic meaning, theory, practice. Special attention is paid to judicial practice, considering cases on the declared subject: the Supreme Court of the Russian Federation, the European Court of human rights.

Key words: operative-investigative provocation of a crime, inducement, incitement to commit illegal actions.

Одной из юридических гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-разыскной деятельности является норма, закрепленная в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», в соответствии с которой «органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокации)».

Вместе с тем введенный законодателем запрет провокации, к сожалению, оказался недостаточно надежным средством обеспечения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Об этом наглядно свидетельствует постановление ЕСПЧ по делу «Веселов и другие против России», в котором отмечается, что, «несмотря на установленный законодателем запрет на провокацию преступлений, никакие законодательные или иные нормативные правовые акты не дают определения или толкования данного термина или каких-либо практических указаний, как её избежать».

Исследование терминологического аспекта проблемы позволяет прийти к выводу о том, что специфика термина «провокация» заключается в его межотраслевом характере, о чем свидетельствует его использование не только в оперативно-разыскной деятельности, но и в уголовном праве, криминалистике, уголовном процессе.

Указанные обстоятельства порождают необходимость межотраслевой разработки понятия «провокация», содержание которого раскрывало бы указанную выше норму федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», а также особенности тех составов преступлений, которые предусматривают уголовную ответственность за провокационные действия сотрудников оперативных подразделений. При этом формированию наиболее полного представления о понятии «провокация» способствует исследование данного явления в четырех условных плоскостях: закон, лингвистическое значение, теория, практика.

Исходя из того, что в ст. 5 федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» провокация определяется через такие термины, как подстрекательство, склонение и т.д. [11], очевидно, что по смыслу данного закона провокация приравнивается к подстрекательским действиям сотрудников оперативных подразделений, предполагающим воздействие должностных лиц на волю и сознание склоняемых с целью побудить последних к совершению преступления. Однако законодательная формулировка, представленная в ст. 5 федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», порождает вопросы, связанные с описанием способа воздействия. В частности, остается неясным, что понимается под склонением в косвенной форме. Кроме того, исходя из буквального толкования нормы, спровоцировать можно не только преступное поведение, попадающее под действие уголовного за-

кона, но и иное противоправное поведение. По нашему мнению, подобное расширительное описание провокации создает сложности в применении данного понятия, поскольку нивелируется грань между уголовно-правовыми последствиями провокации, заключающимися в привлечении сотрудников к ответственности в соответствии с нормами УК РФ и исключительно дисциплинарной ответственности сотрудников в случае совершения провокационных действий, приведших к совершению административного правонарушения.

Уголовный кодекс РФ оперирует термином «провокация» при формулировке ст. 304. При этом провокация, исходя из данной статьи, приравнивается к попытке передачи должностному лицу имущества.

Буквальное толкование диспозиции ст. 304 УК РФ приводит к выводу, что под провокацией понимается не всякая подстрекательская деятельность, а лишь активная попытка передачи имущества должностному лицу.

Сопоставление оперативно-разыскной и уголовно-правовой трактовки понятия «провокация» позволяет прийти к выводу о том, что в федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» оно характеризуется более широким содержанием, включающим в себя любое воздействие на лицо с целью склонения к определенному поведению, в т.ч. и попытку передачи имущества с целью склонения к получению взятки или предмета коммерческого подкупа.

Исходя из лексического значения, провокация означает подстрекательскую деятельность, выражающуюся в склонении, побуждении лица к совершению преступных действий с целью искусственного создания доказательств преступного поведения.

В научной литературе приводятся многочисленные определения провокации. Так, С.Н. Радачинский указывает, что провокация – это противоправная умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на моделирование такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения [13, с. 59-64].

Ценность данного определения заключается в том, что провокация понимается как умышленная деятельность, направленная на стимулирование преступного поведения. Однако, по нашему мнению, излишним представляется указание на цель провокационной деятельности, содержание которой нельзя свести к тем разновидностям, которые указаны автором. Кроме того, в результате провокации лицо совершает преступление, а не «деяние, имеющее внешние признаки преступления».

Цитируемый автор выделяет три вида провокации преступления: смягчающая уголовную ответственность; исключая уголовную ответственность, т.е. правомерная; наказуемая противоправная провокация. При этом под правомерной провокацией понимается причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии правомерной провокации, т.е. для защиты жизни и здоровья граждан, их консти-

туционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, если она совершается при правомерном выполнении лицом, уполномоченным на то государством, своего служебного или общественно-го долга, если эта опасность не может быть устранена и при этом не было допущено превышения пределов правомерной провокации [14, с. 13-14].

Р.М. Абызов и С.А. Сандаковский предлагают следующую дефиницию провокации: «это создание ситуации, под воздействием которой провоцируемый совершает действие, влекущее для него вредные последствия, не охватываемые его умыслом». Основой данного определения являются результаты анализа других, подобных ему, авторских определений, а также экспертного опроса специалистов, 49,5% которых (судьи, прокуроры, следователи и т.д.) считают, что провокация осуществляется через создание провокатором ситуации, в результате которой провоцируемый сам совершает преступление [1, с. 9].

А.А. Мастерков определяет провокацию преступления как вовлечение другого лица в совершение преступления с целью наступления вредных для этого лица последствий [8, с. 16]. Недостатком данного понятия провокации преступления, на наш взгляд, является отсутствие четкого определения цели вовлечения лица в совершение преступления. А такой целью со стороны провокатора является не просто желание наступления для спровоцированного им лица каких-либо вредных последствий, а именно привлечение его к уголовной ответственности.

Б.В. Волженкин, рассматривая провокацию в рамках выявления и документирования преступлений коррупционной направленности, относит к ней деятельность правоохранительных органов, направленную на выявление взяточничества, не инициированную преступным поведением должностного лица, когда сотрудники этих органов сами, по сути, склоняют чиновника к совершению преступления либо даже организуют совершение этого преступления [2, с. 33]. Исходя из данного определения, принципиальное значение при определении провокации имеет происхождение инициативы совершения преступления.

Исходя из прямой трактовки ФЗ «Об ОРД», С.И. Давыдов констатирует, что закон не называет способов провокации, а лишь в общей форме устанавливает направленность поведения на склонение, побуждение к совершению противоправных действий. Способами провокации, по его мнению, могут быть любые формы воздействия на сознание объекта ОРМ, не парализующие его волю – уговор, подкуп, убеждение, поручение, распоряжение, просьба, угроза или иная форма воздействия [3, с. 41].

Интересна точка зрения исследующего понятие и содержание оперативно-разыскной провокации С.Я. Малышева, который приходит к выводу о том, что на сегодняшний день среди ученых-правоведов и практических сотрудников правоохранительных органов

можно выделить два основных подхода в понимании ими сущности провокации:

- провокация как противоправное поведение и (или) аморальное поведение лица;
- провокация только лишь как противоправное поведение лица.

Исследуя и сравнивая данные подходы, ученый констатирует, что провокацию необходимо рассматривать через призму существующих правоотношений и только лишь как противоправное поведение лица, поскольку именно в этом случае провокация приобретает юридическое значение, которое имеет четкую юридическую определенность. При этом, приводя в качестве примера фальсификацию как одну из форм проявления провокации, им отмечается, что не обязательно, чтобы побуждение при провокации всегда осуществлялось в виде подстрекательства при соучастии в преступлении [6, с. 51-57].

Ценность анализа понятия и содержания оперативно-разыскной провокации, проведенного С.Я. Малышевым, заключается в сформулированном им определении, в соответствии с которым под провокацией он предлагает понимать антиобщественное поведение лица, направленное на противоправное побуждение иных лиц к совершению ими незаконных действий. При этом сущность провокационной деятельности лица (провокатора) он видит в том, чтобы посредством своего противоправного поведения побудить иных (провоцируемых) лиц совершить противоправное деяние [7, с. 78-80].

В действующих на сегодняшний момент постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях») как таковое понятие провокации не содержится, однако анализ данных документов позволяет сформулировать отдельные признаки провокационного поведения:

1) у лица, подвергшегося провокации изначально (до провокационных действий), отсутствовал умысел на совершение преступления. В свою очередь, провокация исключается, если умысел сформировался независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность [9];

2) цель провокационных действий – искусственное формирование доказательств совершения преступления или шантаж [10];

3) провоцируемое лицо заведомо для провокатора не совершало действия, свидетельствующие о его согласии совершить преступные действия.

Анализ понятия «провокация» с точки зрения судебного толкования невозможно осуществить без решений Европейского Суда по правам человека, кото-

рый определил, что «полицейское подстрекательство имеет место в тех случаях, когда участвующие в нем сотрудники – будь то сотрудники спецслужб или лица, действующие по их указанию, – не ограничиваются, по сути, пассивным расследованием преступной деятельности, а оказывают такое влияние на объект расследования, чтобы подстрекать его к совершению преступления – которое иначе не было бы совершено – с тем, чтобы можно было бы установить факт преступления, т.е. получить доказательства и возбудить уголовное преследование» [12].

В своем большинстве данные решения были вынесены по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств либо получения взятки. Главной мыслью всех решений является понимание провокации как действий по подстрекательству лица к преступлению, в результате которых оно совершает преступное деяние при отсутствии первоначального умысла.

В решениях Европейского Суда в качестве главного признака провокации указывается возможность и умысел лица совершить преступление без вмешательства сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, провокационные действия сотрудников правоохранительных органов представляют собой деятельность по склонению лиц к совершению преступления при отсутствии у последних умысла на совершение преступления.

Понятия «провокация» и «подстрекательство» выступают речевыми синонимами, подразумевающими деятельность по склонению лица к совершению преступления. Однако в составе провокации взятки или коммерческого подкупа данные понятия следует разделять (на что и указывает Пленум Верховного Суда РФ), что связано с особенностями признаков состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, ограничивающими понимание провокации исключительно попыткой передачи предмета взятки или коммерческого подкупа, при отсутствии которых деяние провокацией признаваться не может, но при этом является подстрекательством.

С практической точки зрения особое значение имеют критерии провокационных действий, позволяющие признать определенное преступление таковым:

1. Наличие оснований для проведения оперативно-разыскного мероприятия [4, с. 165-169].

2. Отсутствие инициативы в действиях привлеченных третьих лиц, т.е. если мероприятие осуществляется с участием таких лиц, то недопустимо инициирование ими преступной деятельности и давление на проверяемых лиц [5, с. 45-49].

В этой части необходимо выяснить, вынуждалось ли лицо к совершению преступления. Примером провокации может служить ситуация, когда полицейские неоднократно повторяли свое предложение, несмотря на первоначальный отказ заявителя, настойчиво оказывая воздействие.

В заключение следует констатировать:

1. Понятие провокации преступления следует признать межотраслевым, поскольку последнее относится к предмету изучения целого ряда отраслей права (оперативно-разыскного, уголовного, уголовно-процессуального).

2. Провокация представляет собой деятельность сотрудников правоохранительных органов по склонению лиц к совершению преступления при отсутствии у последних умысла на совершение преступления.

3. Провокация является разновидностью подстрекательской деятельности, выражающейся в склонении, возбуждении лица к совершению преступных действий с целью искусственного создания доказательств преступного поведения.

Отличительными признаками провокации выступают: отсутствие у склоняемого первоначального умысла на совершение преступления; отсутствие со стороны провоцируемого лица действий, свидетельствующих о его согласии совершить преступные действия; наличие специальной цели – искусственное формирование доказательств совершения преступления или шантаж.

Литература

1. Абызов Р.М., Сандаковский С.А. Провокация взятки: уголовно-правовой аспект: монография. Барнаул, 2009.
2. Волженкин Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5.
3. Давыдов С.И., Денисенко Ю.В. Оперативный эксперимент в документировании взяточничества: правила проведения, исключающие провокацию: учебно-методическое пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016.
4. Дударенко В.В. Тактический прием засады: разграничение с провокацией преступления // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1.
5. Зенкин А.Н., Бондаренко О.В. Критерии провокации незаконного сбыта наркотиков в решениях Европейского суда по правам человека // Законность. 2013. № 9.
6. Малышев С.Я. Вопрос о содержании понятия «провокация» // Проблемы теории и практики оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: межвузовский сборник научных трудов: вып. 8. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011.
7. Малышев С.Я. Правовая, организационная и тактическая основы оперативного эксперимента (по материалам ОВД): дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2003.
8. Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000.

9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

10. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

11. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 авг. № 160.

12. Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» // Российская хроника Европейского суда. 2010. № 3.

13. Радачинский С.Н. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1.

14. Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

УДК 343.91

Д.А. Михалева, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: dashutka.81@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности следователя (дознателя), связанные с изучением личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе расследования преступлений. Автором приводится алгоритм действий по изучению личности, а также перечень документов, входящих в материалы, характеризующие личность обвиняемого (подозреваемого).

Особое внимание акцентировано на практическом значении изучения личности подозреваемого (обвиняемого) как при расследовании преступления, так и в процессе рассмотрения уголовного дела в суде, что способствует реализации принципа индивидуальности наказания. Автором замечено, что промедление в работе по изучению личности подозреваемого (обвиняемого) может привести к затягиванию срока предварительного расследования.

Ключевые слова: расследование преступлений, подозреваемый, обвиняемый, деятельность следователя (дознателя) по изучению личности подозреваемого (обвиняемого).

D.A. Mikhaleva, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: dashutka.81@mail.ru

REVISITING STUDYING THE SUSPECT'S (ACCUSED) PERSONALITY DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

The article is about some aspects of the activities of an investigator (inquiry officer) related to the study of the suspect's (accused) personality during the investigation of crimes. The author provides an algorithm of actions for studying the personality, as well as a list of documents included in the materials characterizing the suspect's (accused) personality.

Particular attention is focused on the practical importance of studying the identity of the suspect (accused), both in the investigation of the crime and in the process of consideration of the criminal case in court, which contributes to the implementation of the principle of individual punishment. The author notes that the delay in the study of the identity of the suspect (accused) may lead to a delay in the preliminary investigation.

Key words: investigation of crimes, a suspect, an accused, activities of an investigator (inquiry officer) to study the suspect's (accused) personality.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относятся обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, в связи с чем изучение личности обвиняемого (подозреваемого) является неотъемлемой частью работы следователя (дознателя) при расследовании любого преступления [9].

Проблема личности преступника, природы, причин и механизма преступного поведения постоянно привлекает внимание российских ученых (Ю.М. Антонян, Н.Т. Ведерников, А.И. Долгова, Б.С. Волков, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, Г.М. Миньковский, Н.С. Лейкина, А.Б. Сахаров, В.Д. Филимонов и др.) [1, 2, 4, 6, 8, 10].

Сравнительный анализ обстоятельств, подлежащих доказыванию, регламентированных ст. 73 УПК РФ, позволяет в настоящее время говорить об увеличении в уголовном судопроизводстве по сравнению со ст. 68 УПК РСФСР роли обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. В ныне действующем УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 73) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, занимают самостоятельное, отдельное положение по сравнению с УПК РСФСР, в котором они были отнесены к иным обстоятельствам, влияющим на степень и характер ответственности.

Установление характерных свойств (особенностей) личности конкретного преступника с учетом его индивидуальных качеств имеет большое практическое значение как при расследовании преступления, так и в процессе рассмотрения уголовного дела в суде, что способствует реализации принципа индивидуализации наказания.

Полагаем, что заниматься данной работой необходимо уже на этапе проверки сообщения о преступлении (по очевидным преступлениям) либо с момента установления подозреваемого (по неочевидным преступлениям). Выяснение данных обстоятельств в начале досудебного производства позволит избежать затягивания сроков предварительного расследования, негативных моментов в виде неожиданного появления фактов, указывающих на необходимость проведения судебных экспертиз (психиатрической, наркологической и т.п.), приобщения к материалам уголовного дела приговоров и др.

Рассмотрим подробнее деятельность следователя (дознателя) по изучению личности подозреваемого (обвиняемого).

В ходе первоначального допроса подозреваемого либо при получении объяснения у лица, заподозренного в совершении преступления, необходимо получить максимально исчерпывающие сведения о его личности.

В случае если подозреваемый отказывается давать показания по существу расследуемого события, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ [3], он может согласиться дать показания, касающиеся его личности, в этом случае делается запись в протоколе (в объяснении) «Воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ, показания по существу подозрения

давать отказываюсь, показания об обстоятельствах, характеризующих мою личность, давать согласен».

Считаем, что в круг вопросов, характеризующих личность, подлежащих выяснению у подозреваемого, должны входить следующие:

- имеется ли документ, удостоверяющий личность (если нет паспорта, установить, где получал паспорт, при каких обстоятельствах утратил паспорт);
  - менял ли фамилию, другие анкетные данные, проживал ли в иных субъектах Российской Федерации, если да, то необходимо запросить сведения ГИАЦ МВД РФ о наличии судимости, а также копии судебных решений;
  - судим ли (каким судом, в каком году, по какой статье УК РФ), привлекается ли к уголовной ответственности в настоящее время (каким органом, по какой статье УК РФ);
  - имелись ли травмы головы, позвоночника;
  - страдает ли какими-либо хроническими или иными тяжкими заболеваниями;
  - считает ли себя практически здоровым;
  - состоит ли на учете у врача нарколога, психиатра;
  - злоупотребляет ли спиртными напитками или наркотическими средствами, проходил ли лечение от зависимости, где и когда;
  - где и с кем проживает, имеются ли на иждивении несовершеннолетние дети (если да, приобщаются копии свидетельств о рождении);
  - где и кем работает, в т.ч. и неофициальное место работы (если не работает, то на какие средства существует; пытался ли трудоустроиться; состоит ли на учете в центре занятости населения; куда обращался по поводу трудоустройства и др.);
  - состоит ли на профилактическом учете в органах внутренних дел, в уголовно-исполнительной инспекции, установлены ли в отношении него административные ограничения (административный надзор), какие проводятся с ним мероприятия профилактического характера (например, беседы участкового уполномоченного полиции о недопустимости совершения правонарушений, проверки по месту жительства и пр.);
  - знает ли главу сельской администрации (для жителей села), применялись ли к нему меры общественного воздействия в связи с его противоправным поведением (не учится, не работает, злоупотребляет спиртным и пр.);
  - является ли военнообязанным, состоит ли на воинском учете и в каком военкомате (если не призывался, могут выясняться обстоятельства наличия какого-либо заболевания и, следовательно, необходимость проведения судебно-психиатрической экспертизы) и др.
- Указанные вопросы выясняются при первоначальном допросе подозреваемого и в ходе дальнейшей работы с ним повторно не задаются.
- После производства допроса необходимо продолжить работу по изучению личности путем направления запросов в организации, учреждения, суды и т.д.
- Анализ судебно-следственной практики показал, что в материалах, характеризующих личность подозре-

ваемого (обвиняемого), должны содержаться следующие сведения:

1. Копия паспорта (либо заявления о выдаче (замене) паспорта – форма № 1П) или иного документа, заменяющего паспорт гражданина. Устанавливая личность по заявлению о выдаче (замене) паспорта, необходимо проявить особую внимательность. Как правило, копия заявления (формы № 1П) может быть получена факсимильной связью либо в ксерокопии, при этом необходимо тщательно рассмотреть фото, если паспорт получен давно, внешность может поменяться; кроме того, подозреваемый может представиться другим именем (родственника, близкого знакомого). В случае возникновения сомнений необходимо проверить подозреваемого по дактилоскопическим учетам, установить и допросить родственников, участкового уполномоченного полиции, обслуживающего участок по месту проживания; произвести опознание лица родственниками и пр.

Исчерпывающий перечень документов, заменяющих паспорт гражданина, приведен в п.16 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». К ним относятся: военный билет, временное удостоверение, выдаваемое взамен военного билета, или удостоверение личности (для лиц, которые проходят военную службу); временное удостоверение личности гражданина РФ, выдаваемое на период оформления паспорта; документ, удостоверяющий личность гражданина РФ, по которому гражданин РФ осуществляет въезд в Российскую Федерацию (для лиц, постоянно проживающих за пределами территории Российской Федерации); справка установленной формы, выдаваемая гражданам Российской Федерации, находящимся в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в порядке, утверждаемом уполномоченным федеральным органом исполнительной власти; для иностранных граждан документ, удостоверяющий право иностранного гражданина на постоянное проживание в РФ [7].

2. Сведения из психоневрологического, наркологического диспансера (если подозреваемый состоит на учете, необходимо незамедлительно назначить соответствующую судебную экспертизу).

3. Справка из информационного центра ГУ МВД РФ (УМВД РФ) о наличии-отсутствии судимости (запрос необходимо составить на каждую фамилию женщины и мужчины, изменявших фамилию по каким-то причинам).

4. Копии приговоров из судебных органов (по каждой судимости) и копию приговора на каждую фамилию подозреваемого, если по какой-то причине она изменилась (в случае если судимость не снята или не погашена).

5. Не менее двух характеристик (с места жительства, работы (учебы), в случае, если не работает – характеристика от участкового уполномоченного полиции, кроме того, возможно допросить родственников подозреваемого о его личности).

6. Копии свидетельства о рождении при наличии на иждивении несовершеннолетних детей и пр.

Перечисленный набор документов может быть расширен в зависимости от вида расследуемого преступления (например, путем приобщения справок из ИБД «Регион» о наличии водительского удостоверения, транспортных средств, о зарегистрированном оружии, об административных правонарушениях, допущенных гражданином и др.).

Особенно тщательно и с наибольшей полнотой должно производиться изучение личности несовершеннолетнего преступника.

Согласно ст. 421 УПК РФ при изучении личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) устанавливаются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития несовершеннолетнего, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, наличие или отсутствие у несовершеннолетнего заболеваний, препятствующих его содержанию в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, иные особенности его личности.

Дополнительно в материалах, характеризующих личность несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), должны содержаться следующие сведения:

1. Медицинское заключение о наличии (отсутствии) у несовершеннолетнего заболевания, включенного в перечень заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа органа управления образованием.

2. Заключение комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы.

3. Акт обследования жилищно-бытовых условий проживания несовершеннолетнего.

4. Сведения из отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних.

5. Сведения из отделов по охране прав детства и пр.

Полагаем, что своевременная и планомерная работа следователя (дознателя) по изучению обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого (обвиняемого), позволит обеспечить полноту расследования, а также избежать негативных последствий, связанных с несоблюдением сроков расследования. Кроме того, учет характеристики личности виновного является одним из общих начал назначения наказания, отдельные свойства личности преступника находят отражение в перечне смягчающих и отягчающих обстоятельств, способствующих индивидуализации наказания.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е., Еникеев М.И. Психология преступления и наказания. М.: Пенатес-Пенаты, 2000.

2. Ведерников Н.Т. Место и роль личности обвиняемого в предмете доказывания по уголовному делу // Государство и право. 2003. № 6.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Кудрявцев В.Н., Миньковский Г.М., Сахаров А.Б. Личность преступника. М.: Юрид. лит., 1975.
5. Ларина Н. Использование знаний об акцентуациях характера при расследовании и разрешении уголовных дел // Юридический мир. 2003. № 9.
6. Личность преступника и её криминологическое изучение / под ред. профессора А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018.
7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел: лекция. М.: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1984.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: офиц. текст по состоянию на 19.12.2016 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 // Российская газета. 2001. 22 дек.
10. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

УДК 343.98.06:343.729

Э.Д. Нугаева

адъюнкт Уфимского юридического института МВД России

E-mail: elvira.nugaeva.76@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, РАСКРЫТИИ, РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ ОКАЗАНИИ ОККУЛЬТНЫХ УСЛУГ

В статье анализируются эффективные направления взаимодействия представителей средств массовой информации и следователей в расследовании мошенничеств при оказании оккультных услуг на различных этапах досудебного производства. Представлены положительные примеры взаимодействия из судебной и следственной практики раскрытия и расследования рассматриваемого вида мошенничества. Обосновывается вывод об объективном увеличении возможностей доказывания в случае использования материалов журналистского расследования. Результаты работы могут быть использованы в следственной и оперативно-разыскной практике, в исследовании методик расследования мошенничества.

Ключевые слова: взаимодействие, средства массовой информации, мошенничество, оккультные услуги.

E.D. Nugaeva

postgraduate student of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia

E-mail: elvira.nugaeva.76@mail.ru

COOPERATION OF EMPLOYEES OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION WITH THE MEDIA IN IDENTIFYING, DISCLOSING, INVESTIGATION AND PREVENTION OF FRAUDS COMMITTED UNDER THE PROVISION OF OCCULT SERVICES

The effective directions of interaction between media representatives and investigators in the investigation of fraud in the provision of occult services at various stages of pre-trial proceedings are analyzed. There are positive examples of cooperation of judicial and investigative practices of detection and investigation of this type of fraud. The conclusion about objective increase of opportunities of proof in case of use of materials of journalistic investigation is proved. The results of the work can be used in investigative and operational-search practice, in the study of fraud investigation techniques.

Key words: interaction, media, fraud, occult services.

Взаимодействие сотрудников органов предварительного расследования со средствами массовой информации (далее – СМИ) в выявлении, раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений становится одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел. Как верно заметил И.А. Завьялов, «в современных условиях быстро меняющегося мира это действенный инструмент, позволяющий эффективно противостоять преступности» [2, с. 38].

Общие вопросы взаимодействия сотрудников правоохранительной системы с представителями СМИ в борьбе с преступностью были объектом научных исследований Г.Н. Горшенкова, А.М. Ишина, Н.И. Кулагина, Х.Х. Лойта, Ю.В. Наумкина, Ю.А. Потапова, В.Н. Ростова, А.Н. Тюменцева, В.П. Шашкова.

На необходимость установления контакта следователей и оперативных работников с журналистами, освещающими правовые темы, с целью получения качественной информации и изобличения правонарушителей, в т.ч. и мошенников, выдающих себя за экстрасенсов, указывали Н.Н. Китаев и Р.Г. Ардашев [1, с. 119-120].

А.Н. Тюменцев под взаимодействием следственных подразделений органов внутренних дел со СМИ понимает «постоянный двухуровневый процесс, осуществляемый как через отделы информации (пресс-службы либо специально выделенных для этой деятельности сотрудников), так и самостоятельно, отдельными сотрудниками, например, следователями, на взаимовыгодных условиях для достижения собственных целей» [9, с. 38].

Мы разделяем позицию В.П. Шашкова, полагающего, что «взаимодействие следователя со средствами массовой информации – это основанная на законах и подзаконных нормативных актах, согласованная по целям, месту и времени деятельность указанных субъектов, которая осуществляется путем оптимального сочетания присущих им методов и средств и содействует раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, а также объединяет усилия в разрешении общих вопросов борьбы с преступностью» [10, с. 9].

Анализ научных работ, посвященных вопросам использования сотрудниками органов предварительного расследования возможностей СМИ, показал, что взаимодействие чаще рассматривается в зависимости от целей: раскрытие преступления или его профилактика, либо по этапам: в ходе предварительного расследования и на стадии судебного разбирательства [9, 3, 8].

В этом вопросе нам импонирует точка зрения В.Н. Ростова, который взаимодействие между органами предварительного расследования и СМИ условно делит на пять этапов (стадий):

- а) «до возбуждения уголовного дела;
- б) при производстве следствия по делу;
- в) после окончания следственного производства по делу;
- г) после вступления приговора в законную силу;

д) по материалам многих уголовных дел и данным статистики» [8, с. 128].

Изучение эмпирического материала и научной литературы по данному вопросу показало, что применительно к теме статьи наиболее результативными векторами взаимодействия сотрудников органов предварительного расследования со СМИ являются:

- извещение общественности о совершенных фактах мошенничества при оказании оккультных услуг и местах их совершения с целью привлечения граждан к содействию в работе органов расследования при установлении и розыске лиц, причастных к преступлению;
- раскрытие и пресечение преступлений в случае отсутствия у органов внутренних дел располагаемой информации о них и заявлений от потерпевших;
- выяснение обстоятельств, имеющих существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также получение и закрепление доказательственной информации по уголовному делу;
- установление потерпевших, свидетелей, очевидцев преступления и выявление неизвестных ранее следствию новых эпизодов преступной деятельности мошенников;
- отыскание предметов и документов, имеющих непосредственное отношение к уголовному делу;
- розыск подозреваемых и обвиняемых, а также их имущества;
- выявление причин и условий, способствующих совершению мошенничества при оказании оккультных услуг;
- упреждение и профилактика данной разновидности мошенничества.

Сотрудничество органов предварительного расследования и СМИ может складываться на стадии доследственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, организованной по поручению прокурора (руководителя следственного органа) по сообщению о преступлении, распространенному в СМИ. Для иллюстрации можно привести следующий пример. В г. Зеленограде В. Лукьянова-Камалетдинова после окончания краткосрочных курсов магического искусства «Аджа» организовала открытие и работу салона магии «Марчи»¹. Объявив себя «колдуньей Валентиной», Лукьянова-Камалетдинова предлагала всем желающим классический набор оккультно-магических услуг: от диагностики порчи и проклятий до возврата долгов, помощи в бизнесе и семейных отношениях [4, с. 56]. Журналист газеты «41» Н.Ю. Седова, прибегнув к «определенному маскараду, явилась в салон "Марчи" за помощью». Лукьянова-Камалетдинова, не слушая, сказала ей, что у нее (замужней, матери четверых детей) «пояс безбрачия», и предложила урегулировать вопросы личной жизни за 1500 рублей. После опубликования в марте 1998 г. в газете «41» разоблачительной статьи Н.Ю. Седовой «Не

¹ Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 02.03.2007 по делу № 1-267/2007 в отношении В. Лукьяновой-Камалетдиновой.

гоните тараканов: они денежки несут» о прибыльной деятельности салона «Марчи» Лукьянова-Камалетдинова предложила журналисту «договориться и работать вместе, сказав, что "людей не грех обуть"»¹. После отказа Н.Ю. Седовой «работать вместе» Лукьянова-Камалетдинова, явившись в редакцию зеленоградской газеты, «предупредила, что для разрешения возникшего конфликта салон "Марчи" призывает на помощь силы черной магии» [4, с. 56]. После обращения руководства редакции газеты «41» в правоохранительные органы прокуратурой г. Зеленограда была инициирована проверка деятельности салона «Марчи». В рамках доследственной проверки органами следствия истребованы материалы журналистского расследования, опрошены корреспонденты редакции газеты. На основании собранного материала органами предварительного расследования в отношении В. Лукьяновой-Камалетдиновой было возбуждено уголовное дело по ст. 159 УК РФ.

Зеленоградский окружной суд Московской области 9 июня 2001 г. признал В. Лукьянову-Камалетдинову виновной по ст. 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама», по ч. 2, 3 ст. 159 УК РФ «Мошенничество» по 21 эпизоду и приговорил ее к шести годам лишения свободы.

В случае получения сведений о преступной деятельности мошенников сотрудники органов предварительного расследования должны воспользоваться информацией, содержащейся в СМИ, как для поиска носителей информации о событии преступления, так и для обработки, хранения и использования полученных данных в раскрытии и расследовании фактов мошенничества. Это можно сделать в двух формах: процессуальной (путем производства следственных действий) и непроцессуальной (проверка по учетам, направление поручений, запросов, объявление розыска и т.п.).

В.П. Шашковым верно замечено, что «материалы журналистского расследования сами по себе доказательствами не являются, они подлежат проверке и оценке следователем в ходе предварительного следствия» [10, с. 12].

В ходе изучения практики расследования данного вида преступлений, возбужденных по сообщениям о преступлении, распространенным в СМИ, установлено, что сотрудниками органов предварительного расследования в рамках доследственной проверки производились: опросы журналистов и операторов (100%), истребование предметов и документов (78,2%), документальные проверки, ревизии, исследования документов (6,8%), осмотр места происшествия (11,4%), изъятие образцов для сравнительного исследования (13%), судебные экспертизы (дактилоскопические (31%), фотоскопические (56%) и др.), анализ и изучение сообщений из прессы (10%), подготовка ответов на запросы редакции СМИ (3,8%), участие в интервью (14,8%).

Данные анализа эмпирического материала свидетельствуют о том, что выявление и раскрытие фактов

¹ Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 02.03.2007 по делу № 1-267/2007 в отношении В. Лукьяновой-Камалетдиновой.

мошенничества при оказании оккультных услуг напрямую зависят от своевременности использования СМИ.

В качестве иллюстрации изложенного приведем пример. После публикации в региональных СМИ г. Нижнего Новгорода ряда статей, посвященных вопросам возбуждения уголовного дела в отношении руководителей организации ООО «Модус», Центра коррекции судьбы «Возрождение», «Международной Академии Ясновидения», и задержания отдельных членов ОПГ в органы предварительного следствия обратились граждане с заявлениями о фактах мошенничества, совершенных в отношении них сотрудниками вышеуказанных организаций, что позволило следствию выявить ранее неизвестные эпизоды преступной деятельности задержанных².

Рекламно-информационный материал, размещаемый в Интернете, на радио и телевидении, документальные фильмы-расследования, передачи, посвященные темам мистики и обмана граждан в данной сфере, могут оказать серьезное содействие органам дознания и предварительного расследования в качестве ориентирующей информации для проведения поисковых и розыскных мероприятий, выдвижения версий, избрания тактики при производстве отдельных следственных действий. Просмотр фильма-расследования Бориса Соболева «Идущие к черту» дает четкое представление о схеме преступных действий мошенников, цинично обманывающих граждан, находящихся в тяжелых жизненных ситуациях. К примеру, из записи скрытой камерой беседы между журналистом, внедрившимся в деятельность колл-центра, и «экстрасенсом» следует: «Люди – расходный материал. Не жалея. Пусть рыдают, вешаются. Одна у меня прямо на сеансе повесилась. Только тот, кто перестает жалеть, тот долго работает... Ставь такие диагнозы, чтоб клиенты рыдали и умоляли о помощи... Обращать клиентов надо пока они на эмоциях, "тепленькие"»³.

Так, после внедрения корреспондента ТВ-программы «Человек и закон» в деятельность Центра парапсихологии «Миранда» (г. Москва), выяснения последних способов и механизма обмана граждан в мае 2013 г. вышел очередной выпуск программы с освещением преступной деятельности мошенников. По фактам, изложенным в видеозаписи эфира, прокуратурой была инициирована доследственная проверка, по результатам которой органами следствия в отношении сотрудников вышеуказанного центра возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ, организовано одновременное задержание 12 подозреваемых лиц. Материалы журналистского расследования приобщены к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, а задействованные корреспондент и опера-

² Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода. Уголовное дело № 35543 в отношении Арустамян М.В. по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

³ Соболев Б. Фильм-расследование «Идущие к черту». Канал «Россия». Программа «Специальный корреспондент», эфир от 22 мая 2017 г.

тор ТВ-программы допрошены в качестве свидетелей. Следствие длилось более 3-х лет. При обыске были обнаружены данные 40 000 потенциальных жертв. Ущерб от преступной деятельности центра составил более 200 млн рублей¹.

Как показывает практика, досудебные публикации и выступления на радио, ТВ-программах с обращениями к населению за помощью в установлении личностей задержанных, розыске подозреваемых лиц, выявлении потерпевших и свидетелей по делам рассматриваемой категории приводят к благоприятным результатам. Например, после показа видеоматериала, подготовленного совместно следователем и сотрудником пресс-центра МВД Республики Башкортостан, о задержании подозреваемой в мошенничестве женщины цыганской национальности, личность которой не установлена, по номеру телефона, указанному в программе, позвонил гражданин И. Он сообщил о том, что опознал в цыганке женщину, которая месяцем ранее снимала у него квартиру. Кроме того, им следствию была предоставлена копия паспорта задержанной, которую он предусмотрительно взял при оформлении договора съема жилья².

Изучение материалов уголовных дел по рассматриваемой теме показало, что после окончания следственного производства по делу взаимодействие органов предварительного расследования со СМИ наблюдалось в 1,4% случаев, которое выражалось в направлении органами следствия в редакцию газет благодарственных писем о качественной работе журналистов. В большинстве случаев на официальных сайтах прокуратур (районов, городов, округов) выкладывалась информация по резонансным уголовным делам об утверждении обвинительных заключений и направлении их для судебного разбирательства (86%).

Таким образом, очевидно, что на стадии окончания предварительного расследования следователи не в полной мере используют возможности СМИ для профилактических целей. По нашему мнению, одним из эффективных методов профилактической деятельности, проводимой сотрудниками полиции в борьбе с мошенничеством при оказании оккультных услуг, являются выступления на радио и телеэфирах, а также с публикациями в печати, на официальных сайтах ОВД на вышеобозначенную тему. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами социологического исследования. На вопрос «Какие меры по предупреждению совершения фактов мошенничества при оказании

оккультных услуг будут действенными?» 96% респондентов ответили: «Просвещение населения путем регулярных обращений через СМИ представителей органов внутренних дел с разъяснениями о типичных схемах мошеннических действий при оказании оккультных услуг, от которых могут пострадать граждане». Своевременное и систематическое информирование населения о выявленных преступлениях и расследовании уголовных дел в сотрудничестве со СМИ влияет не только на снижение латентной преступности, но и улучшает отношение граждан к деятельности правоохранительных органов, а также повышает личную ответственность граждан.

Следует заметить, что после вступления приговоров в законную силу взаимодействие органов следствия и СМИ наблюдалось лишь в 1% случаев и выразилось в интервьюировании руководителя следственной группы журналистом местной телевизионной программы³.

Взаимодействие сотрудников органов предварительного расследования и представителей прессы, по материалам многих уголовных дел и данным статистики, строилось по инициативе последних при подготовке и выпуске телепередач, посвященных вопросам масштабного распространения фактов мошенничества при оказании оккультных услуг в России. По нашим подсчетам, за текущие два года на различных каналах телевидения, в т.ч. и центральных, вышло более 30 программ, посвященных вопросам раскрытия, расследования и предупреждения аналогичных фактов [5, 6, 7].

Проведенное нами исследование по данному вопросу позволяет сделать однозначный вывод: использование материалов журналистского расследования существенно увеличивает возможности доказывания по уголовным делам рассматриваемого вида мошенничества. Вопросы профилактики мошенничества при оказании оккультных услуг, как показал анализ эмпирического материала, к настоящему моменту остаются на низком уровне. В связи с этим считаем необходимым по уголовным делам, особенно получившим широкий общественный резонанс, с целью предупреждения распространения аналогичных фактов представителям органов предварительного расследования по окончании следствия выступать с разъяснениями на центральных и местных теле- и радиоканалах, публиковать статьи на официальных сайтах МВД, а также в газетах, пользующихся у населения спросом и авторитетом.

Литература

1. Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Материалы журналистского расследования как основание привлечения к уголовной ответственности экстрасенсов-мошенников // Закон и право. 2014. № 3. С. 119-120.
2. Завьялов И.А. Взаимодействие оперативных подразделений полиции со средствами массовой информации в выявлении и раскрытии преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 1. С. 38.

¹ Передача «Человек и закон», эфир от 28.10.2016.

² Архив Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 2904316 в отношении Янкович Р.А. по ч. 2 ст. 159 УК РФ.

³ Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода. Уголовное дело № 35543 в отношении Арустамян М.В. по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

3. Ишин А.М. Использование СМИ при установлении и розыске лиц, совершивших преступление, в ходе предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.
4. Куликов И. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: справочник. Т. 2: Оккультизм. Изд. третье, доп. и перераб. М., 1999. Ч. 1.
5. Программа «Специальный корреспондент», канал «Россия», эфир от 22 мая 2017; передача «Человек и закон», канал «Первый», эфир от 28.10.2016; передача «Аферисты в сетях», канал «Пятница», эфир от 25.10.2016. URL: <http://liveam.tv/aferisty-v-setyah-25-10-2016.html>.
6. Передача «Осторожно, мошенники» на ТВЦ, эфир от 18.09.2017. URL: // http://www.tvc.ru/channel/brand/id/32/show/episodes/episode_id/41005.
7. Передача «Осторожно, мошенники» на ТВЦ, эфир от 06.06.2017. URL: http://www.tvc.ru/channel/brand/id/32/show/episodes/episode_id/26085.
8. Ростов В.Н. Взаимодействие следователя и органа дознания с пресс-службой УВД и СМИ при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
9. Тюменцев А.Н. Организационно-правовые и тактические вопросы использования средств массовой информации при расследовании и профилактике преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
10. Шашков В.П. Актуальные проблемы использования материалов журналистского расследования следователем в ходе производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2008.

УДК 343.982.3

Е.В. Прокофьева, канд. физ.-мат. наук

Волгоградская академия МВД России

E-mail: olenyonok83@mail.ru;

О.С. Якутина

Волгоградская академия МВД России

E-mail: Sharov.vikt@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК, ОСТАВЛЕННЫХ ЖИРОВЫМИ ЗАГРЯЗНЕНИЯМИ

В статье представлены исследования по установлению новых возможных, альтернативных способов выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями. Приводятся исследования по установлению эффективности применения крупнодисперсных и мелкодисперсных дактилоскопических порошков различного производства, а также люминесцирующего дактилоскопического порошка для выявления следов пальцев рук данного типа на разных поверхностях.

Ключевые слова: следы пальцев рук, дактилоскопический порошок, криминалистическая техника, дактилоскопия, новые средства выявления.

E.V. Prokofieva, PhD. (Candidate of Physical and Mathematical Sciences)

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olenyonok83@mail.ru;

O.S. Yakutina

Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

E-mail: Sharov.vikt@yandex.ru

POSSIBILITIES OF IDENTIFICATION OF FINGERPRINTS OF FINGERING HANDS ABANDONED BY FAT POLLUTANTS

The article presents studies on the establishment of new possible, alternative ways to carry out fingerprints left by fatty contamination. Studies are being conducted to determine the effectiveness of coarse and fine-dispersed dactyloscopic powders of various manufacture, as well as luminescent fingerprinting powder to observe fingerprints of this type on different surfaces.

Key words: fingerprints, dactyloscopic powder, forensic technique, fingerprinting, new means of detection.

Следы пальцев рук являются самым распространенным и наиболее эффективным способом идентификации личности человека. На сегодняшний день существует большое количество методов, способов и средств выявления различных групп следов пальцев рук с разных поверхностей, в т.ч. и оставленных жировыми загрязнениями, однако поиски новых возможных, альтернативных средств ведутся повсеместно и в настоящее время.

Следы пальцев рук, оставленные жировыми загрязнениями, представляют собой особую группу следов, встречающуюся при осмотрах мест происшествий, связанных с проникновением в жилище и порчей или хищением чужого имущества. Общеизвестный факт заключается в том, что субъективной стороной кражи является прямой умысел и корыстная цель. Однако для отдельной категории несовершеннолетних лиц, в т.ч. беспризорных и лиц без определенного места жительства, тайное завладение чужим имуществом с целью обогащения не является первоочередной задачей, данные лица проникают в жилище с главным желанием получить доступ к объектам питания. Обозначенная категория лиц, как правило, заранее не планирует совершение подобных преступлений, и, соответственно, последовательность своих действий эти лица не продумывают, оставляя на месте происшествия комплекс следов, в т.ч. следы пальцев рук, оставленные жировыми загрязнениями. Следует отметить, что выявить следы данной группы – достаточно сложная задача, зачастую невыполнимая.

На сегодняшний день известны некоторые способы выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями. Существует способ, при котором исследуемую поверхность с жировым наслоением обрабатывают люминесцентным дактилоскопическим порошком, который проникает в след и под воздействием ультрафиолетового излучения люминесцирует. В ультрафиолетовых лучах выявляются невидимые и слабовидимые следы рук, образованные различными минеральными и растительными маслами. Известны узкоспециализированные порошки для маслянистых поверхностей. Для выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями, применяются также физические проявители, одним из которых является дисульфид молибдена. Мелкодисперсная суспензия проявителя хорошо действует на сухих поверхностях, а также на поверхностях, «трудных» для порошков, например жирных стеклах. Применение физического проявителя состоит в адгезии частиц дисульфида молибдена на жировых компонентах в следе [1, 5].

Установление новых возможных, альтернативных способов выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями, является крайне важной задачей в экспертно-криминалистической практике.

Исследования по выявлению следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями, проводились в условиях искусственного и комбинированного освещения. В качестве следовоспринимающих были выбраны пластиковая, стеклянная и металлическая поверхности. Следы на указанные поверхности наносились растительными маслами. Рассматривались следы различной давности: «свежие» (менее суток), 1- и 5-дневной давности, которые хранились в малодоступном для света месте при температуре воздуха, не превышающей 25°C.

Для установления новых возможных, альтернативных способов выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями, были применены визуально-оптические, физические и химические методы. Выбранные методы заключались: в применении ультрафиолетового излучения для выявления слабовидимых или невидимых следов, обработанных люминесцентным порошком; обработке поверхностей со следами жирового наслоения магнитными и немагнитными дактилоскопическими порошками; использовании физического проявителя (дисульфида молибдена) и установленных химических растворов [2].

Выявление следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями во временной период менее суток. Для выявления данной группы следов был использован крупнодисперсный магнитный дактилоскопический порошок «Рубин», мелкодисперсный немагнитный черный порошок «Silk black» и немагнитный крупнодисперсный белый порошок «ПД-Б».

Первоначально следы выявлялись на стеклянной поверхности при помощи крупнодисперсного магнитного порошка «Рубин», в результате чего следы надлежащим образом не отобразились, папиллярные линии просматривались плохо, межпапиллярное пространство было забито – тип папиллярного узора определить не представлялось возможным (см. рис. 1, а). Далее на этой же стеклянной поверхности были оставлены новые следы жировыми загрязнениями. Для их выявления был использован мелкодисперсный черный немагнитный дактилоскопический порошок «Silk black», в результате чего следы отобразились в виде нечетких смазанных папиллярных линий (см. рис. 1, б).

При выявлении следов на стеклянной поверхности, оставленных жировыми загрязнениями, с использованием обычных мелкодисперсных немагнитных дактилоскопических порошков не удалось получить информативные следы, которые в дальнейшем смогли бы использоваться для установления личности человека.

Далее следы выявлялись на пластиковой поверхности, на которой они были заведомо оставлены пальцами рук с жировыми загрязнениями. Методика нанесения следов и их выявления аналогична описанной выше для стеклянной поверхности.

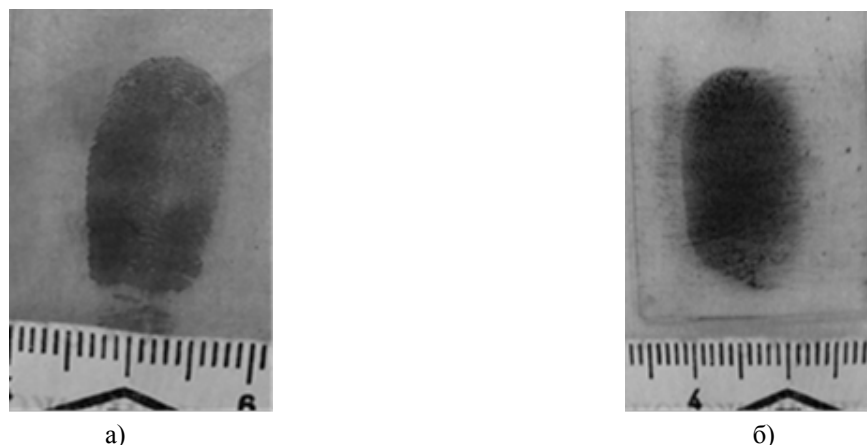

Рис. 1. Следы, оставленные на стеклянной поверхности, выявленные: а) крупнодисперсным магнитным порошком «Рубин»; б) мелкодисперсным черным немагнитным дактилоскопическим порошком «Silk black»

Следы выявлялись крупнодисперсным магнитным дактилоскопическим порошком «Рубин» и мелкодисперсным черным немагнитным дактилоскопическим порошком «Silk black».

В результате обработки следа порошком «Рубин» были получены следующие результаты: папиллярные линии в следе прерывистые, исходя из чего выявить частные признаки в следе не представлялось возможным. По истечении 5-7 минут след стал более четким, частицы порошка сконцентрировались по контуру сле-

да, однако по-прежнему выявить частные признаки в следе не представлялось возможным (см. рис. 2, а). Далее на этой же пластиковой поверхности были оставлены новые следы жировыми загрязнениями. Последующие следы обрабатывались мелкодисперсным черным немагнитным порошком «Silk black». В результате обработки произошло поверхностное наслоение порошка на след, по этой причине межпапиллярное пространство полностью забилося, след стал не пригоден для дальнейшего исследования (см. рис. 2, б).

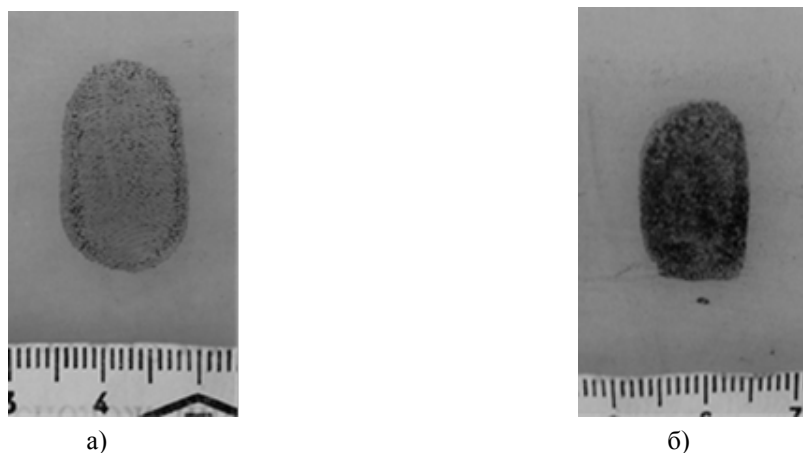

Рис. 2. Следы, оставленные на пластиковой поверхности, выявленные: а) крупнодисперсным магнитным порошком «Рубин»; б) мелкодисперсным черным немагнитным порошком «Silk black»

На металлическую поверхность следы пальцев рук наносились растительным маслом, как и на первые две поверхности. Выявление следов производилось черным мелкодисперсным порошком «Silk black» и белым крупнодисперсным немагнитными «ПД-Б» [3]. Обработка

металлической поверхности черным мелкодисперсным порошком результата не дала – след смазлся. После обработки той же поверхности белым порошком «ПД-Б» след отобразился в виде пятна без каких-либо признаков (см. рис. 3).

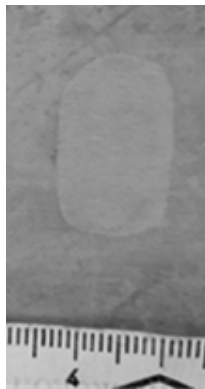

Рис. 3. След, оставленный на металлической поверхности, выявленный при помощи белого крупнодисперсного немагнитного порошка «ПД-Б»

Выявление следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями, по истечении 1-х суток. Для выявления данной группы следов использовались мелкодисперсные черный магнитный дактилоскопический порошок «Magnetic latent print powder» и немагнитный порошок «Коралл» со светоотражающими частицами.

Первой следовоспринимающей поверхностью стала стеклянная поверхность, на которую были нанесены жировые загрязнения растительными маслами. Следы пальцев рук были оставлены без внешнего воздействия на них в малодоступном для света месте при температуре воздуха 25°C на одни сутки. По истечении указанного временного интервала стеклянная поверхность обрабатывалась черным магнитным порошком «Magnetic latent print powder», в результате чего папиллярный узор хорошо просматривался, след был пригоден для идентификации (см. рис. 4, а). Следующие следы на этой поверхности обрабатывались немагнитным дактилоскопическим порошком «Коралл» со светоотражающими частицами.

В результате обработки папиллярный узор хорошо просматривался, след был практически пригоден для

идентификации (см. рис. 4, б), однако излишний блеск от светоотражающих частиц затруднял восприятие полученной информации. Уже выявленный след был обработан специальным раствором, установленным нами эмпирически (далее – специальный раствор), в состав которого входили вода, метиловый спирт и технический растворитель. В результате этого излишнее наслоение порошка было удалено, блеск от светоотражающих частиц в выявленном следе стал блеклым – получившийся след был максимально пригоден для идентификации, частные признаки стали просматриваться более отчетливо (см. рис. 4, в) [4].

Второй следовоспринимающей поверхностью стала пластиковая поверхность, на которую были нанесены жировые загрязнения растительными маслами. Следы пальцев рук были оставлены без внешнего воздействия на одни сутки. По истечении указанного временного интервала стеклянная поверхность обрабатывалась немагнитным порошком «Коралл» со светоотражающими частицами. В результате обработки следов межпапиллярное пространство забилося, порошок распределился по поверхности следа плотным слоем (см. рис. 5, а).

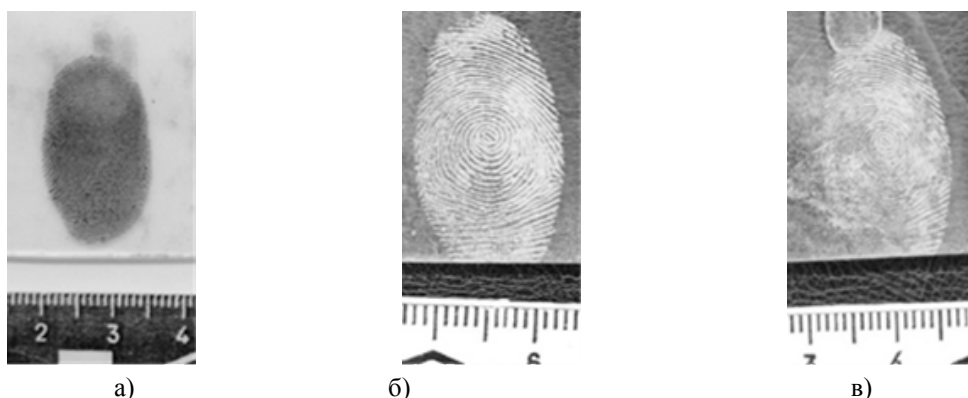
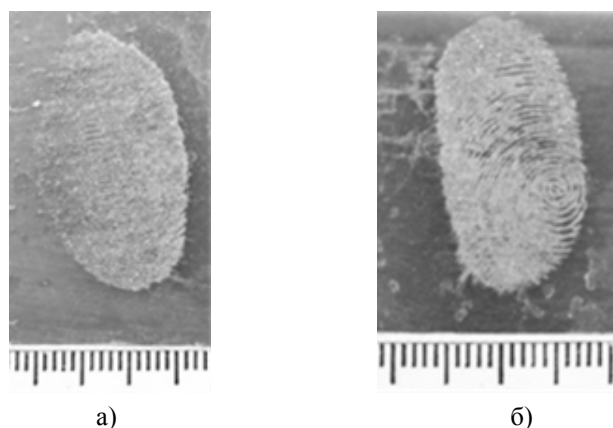

Рис. 4. Следы, оставленные на стеклянной поверхности, выявленные: а) черным магнитным порошком «Magnetic latent print powder»; б) немагнитным порошком «Коралл» со светоотражающими частицами; в) немагнитным порошком «Коралл» со светоотражающими частицами после обработки специальным раствором

Далее следы, выявленные на пластиковой поверхности немагнитным порошком «Коралл», были обработаны специальным раствором, после чего межпа-

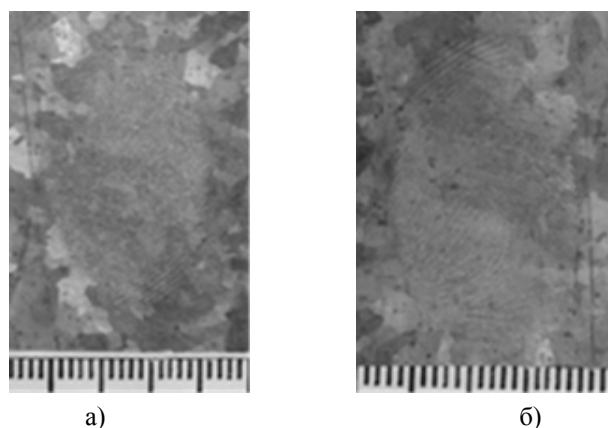
пиллярное пространство стало более чистым, папиллярные линии отобразились отчетливее (см. рис. 5, б).

а) б)
Рис. 5. Следы, оставленные на пластиковой поверхности, выявленные: а) немагнитным порошком «Коралл» со светоотражающими частицами; б) немагнитным порошком «Коралл» после обработки специальным раствором

Третьей следовоспринимающей поверхностью стала металлическая поверхность, на которой были оставлены следы пальцев рук жировыми загрязнениями аналогичными средствами и по методике, описанной выше. Металлическая поверхность обрабатывалась немагнитным порошком «Коралл» со светоотражающими частицами на предмет выявления следов пальцев рук,

оставленных жировыми загрязнениями, в результате чего межпапиллярное пространство забилося, частные признаки выделить не представлялось возможным (см. рис. 6, а). Далее этот же выявленный след обрабатывался специальным раствором. В результате этого папиллярные линии отобразились более отчетливо, детали папиллярного узора стали различимы (см. рис. 6, б).

а) б)
Рис. 6. Следы, оставленные на металлической поверхности, выявленные: а) немагнитным порошком «Коралл» со светоотражающими частицами; б) немагнитным порошком «Коралл» после обработки специальным раствором

Результаты, полученные на данном этапе, были сведены в таблицу 1.

*Сводная таблица результатов выявления следов пальцев рук,
оставленных жировыми загрязнениями, по истечении 1-х суток*

Поверхность средство выявления	Стекло́нная поверхность	Пластиковая поверхность	Металлическая поверхность
«Коралл»	+	–	–
«Magnetic latent print powder»	+	не производилось	не производилось
Специальный раствор	+	+	+

Выявление следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями, по истечении 5 суток. Для выявления данной группы следов использовались дактилоскопический черный магнитный порошок «Magnetic latent print powder» и немагнитный порошок «Коралл», по структуре мелкодисперсные. Также были использованы люминесцирующий дактилоскопический порошок «HI-FI coin box/galvanic» и физический проявитель на основе дисульфида молибдена «Small particle reagent - dark».

На пластиковую поверхность были нанесены несколько следов жировыми загрязнениями и оставлены без внешнего воздействия на 5 суток в малодоступном для света месте при температуре 25°C. В результате обработки поверхности указанными выше дактилоскопическими порошками папиллярные линии хорошо просматривались, оба следа были пригодны для идентификации (см. рис. 7, а, б).

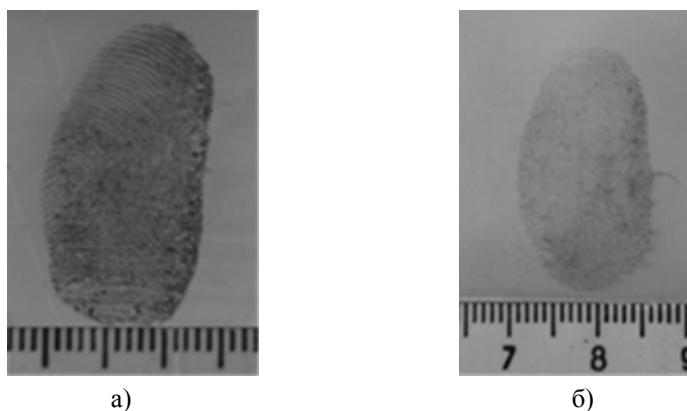

Рис. 7. Следы, оставленные на пластиковой поверхности, выявленные: а) черным магнитным порошком «Magnetic latent print powder»; б) немагнитным порошком «Коралл»

Следы пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями и выявленные по истечении 5-ти суток люминесцирующим дактилоскопическим порошком «HI-FI

coin box/galvanic», исследовались в УФ-лучах. Визуализированный посредством ультрафиолетового излучения след оказался пригодным для идентификации (см. рис. 8).

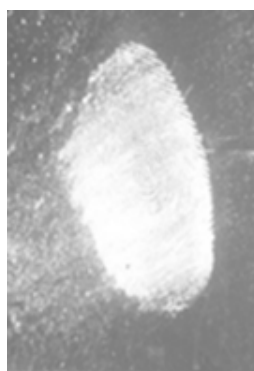

Рис. 8. След, оставленный на пластиковой поверхности, выявленный при помощи люминесцирующего порошка и визуализированный в УФ-лучах

Следы на металлической поверхности были выявлены немагнитным порошком «Коралл», наблюдалось плотное наслоение дактилоскопического порошка на след, из-за чего межпапиллярное пространство сильно забилося, следы для идентификации оказались не пригодны (см. рис. 9, а). Чтобы очистить излишнее на-

слоение порошка на следе, был применен химический раствор на основе парфюмерной воды, доля спирта в которой более 60%. Результат оказался положительным: излишние наслоения порошка были удалены, след очистился, папиллярный узор стал четче просматриваться (см. рис. 9, б).

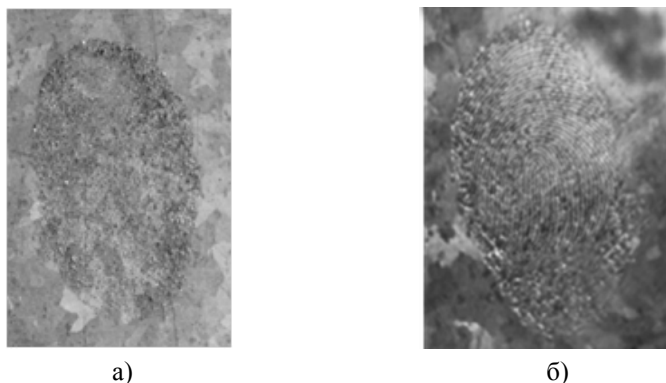

Рис. 9. След, выявленный на металлической поверхности немагнитным порошком «Коралл»: а) до обработки парфюмерной водой; б) после обработки парфюмерной водой

Также была проверена эффективность физического проявителя на основе дисульфида молибдена для выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями. Для этого три поверхности (стеклянная, пластиковая и металлическая) со следами пальцев рук,

оставленных жировыми загрязнениями, были обработаны указанным физическим проявителем. Выявленные следы оказались непригодными для идентификации (см. рис. 10). Все результаты для следов данной группы были сведены в таблицу 2.

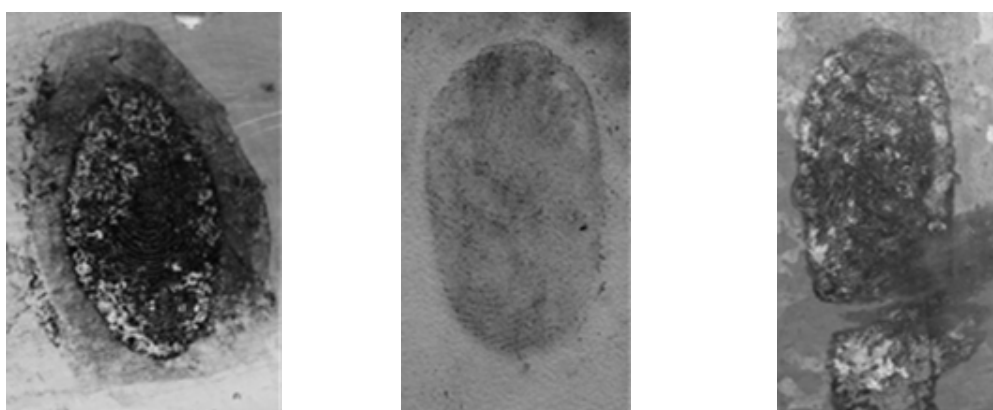

Рис. 10. Следы, оставленные на стеклянной (слева), пластиковой (в центре), металлической (справа) поверхностях, выявленные при помощи физического проявителя

Таблица 2

Сводная таблица результатов выявления следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями, по истечении 5-ти суток

Поверхность	Стеклянная поверхность	Пластиковая поверхность	Металлическая поверхность
Средство выявления			
«Коралл»	+	+	-
«Magnetic latent print powder»	+	+	не производилось
Парфюмерная вода	не производилось	не производилось	+
«HI-FI coin box/galvanic» + УФ	не производилось	+/-	не производилось
Дисульфид молибдена	-	-	-

Следы пальцев рук имеют важное криминалистическое значение при расследовании преступлений. Строение папиллярного узора у каждого человека индивидуально, при его исследовании возможно идентифицировать конкретного человека. В рамках проведенного исследования были рассмотрены имеющиеся на сегодняшний день доступные средства для выявления различных следов пальцев рук и новые возможные, альтернативные способы выявления [4, 5]. По результатам проделанного исследования можно сформулировать следующие практические рекомендации при работе со следами, оставленными жировыми загрязнениями различной давности:

- для выявления на немагнитных поверхностях следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями во временной период менее суток, наибольшей эффективности можно достичь при использовании крупнодисперсного магнитного дактилоскопического порошка «Рубин»;

- при работе со следами сроком давности не более 1-х суток без использования вспомогательных средств

наилучшего результата удастся достичь при обработке стеклянной поверхности мелкодисперсным черным магнитным порошком, для выявления следов на других поверхностях необходимо использовать специальный раствор (установленный эмпирически), который способствует улучшению качества выявленных следов;

- при работе со следами сроком давности не более 5 суток наилучшего результата возможно достичь при использовании мелкодисперсных магнитного черного и немагнитного дактилоскопического порошка «Коралл», а также люминесцирующего дактилоскопического порошка при обработке пластиковой поверхности. При выявлении следов на металлической поверхности следует отметить эффективность химического раствора на основе парфюмерной воды с 60% долей спирта как вспомогательного нетрадиционного средства выявления следов пальцев рук. Применение физического проявителя на основе дисульфида молибдена для выявления следов указанной группы на выбранных поверхностях не даст положительного результата.

Литература

1. Божченко А.П. Особенности строения папиллярных узоров пальцев рук, обусловленные их анатомической локализацией // Судебная экспертиза. 2016. № 4 (48). С. 67-81.
2. Прокофьева Е.В., Прокофьева О.Ю. Сравнительный обзор идентификационных возможностей кластерного, корреляционного и структурно-лингвистического анализа в распознавании образов // Судебная экспертиза. 2013. № 4 (36). С. 99-107.
3. Прокофьева Е.В., Якутина О.С. Выявление следов пальцев рук, оставленных жировыми загрязнениями // Современность в творчестве начинающего исследователя: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (г. Иркутск, 30-31 марта 2017 г.). Иркутск: ВСИ МВД России, 2017. С. 178-181.
4. Прокофьева Е.В., Якутина О.С. Новые возможные средства выявления следов пальцев рук, в том числе оставленных жировыми загрязнениями // Криминалистическая техника: сборник научных трудов: вып. 1. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 111-114.
5. Современные средства выявления следов рук. URL: <http://www.krim-market.ru/downloads/sirchiepdf.pdf> (дата обращения: 16.02.2018).

УДК 343.98:004.738.5

Е.И. Третьякова, канд. юрид. наук

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: elena-ang@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЗ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Очевидно, научно-технический прогресс оказывает влияние на все сферы деятельности, в т.ч. и преступной. Использование современных средств информационных технологий в преступной деятельности «качественно» меняет ее облик, переводит ее в дистанционную среду, что, в свою очередь, оказывает огромное влияние на механизм слеодообразования, специфика которого требует применения современных методов и средств обнаружения, фиксации и изъятия. В статье отражены некоторые проблемы, возникающие при закреплении электронно-цифровых следов преступления.

Ключевые слова: следы преступления, информационно-коммуникационная среда, социальные сети, обыск, выемка, специалист.

E.I. Tretiakova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

E-mail: elena-ang@mail.ru

PROBLEMS OF WITHDRAWING CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT INFORMATION FROM THE INTERNET NETWORK

Obviously, scientific and technological progress has an impact on all areas of activity, including criminal. The use of modern information technology tools in criminal activity «qualitatively» changes its appearance, translates it into a remote environment, which in turn has a huge impact on the mechanism of trace formation, the specifics of which require the use of modern methods and means of its detection, fixation and seizure. The article reflects some problems that arise when fixing electronic-digital traces of a crime.

Key words: traces of crime, information and communication environment, social networks, search, seizure, specialist.

Сегодня информационные технологии плотно вошли в повседневную жизнь современного гражданина. Безусловно, они облегчают нашу жизнь, расширяют границы общения, позволяют дистанционно выполнять различные действия. Эти достижения научного и технического прогресса оказывают воздействие на все явления современной жизни. К глубокому разочарованию, эти воздействия не всегда носят положительный характер. В настоящее время наблюдается тенденция перехода преступности в дистанционную, виртуальную среду, именно поэтому «качественно» меняется ее облик, придается выраженный интеллектуальный оттенок. Мошенничество, незаконный оборот наркотических средств, преступления в сфере компьютерной информации, преступления против общественной безопасности, государственной власти являются лишь частью огромного множества преступлений, перешедших в виртуальное пространство и совершаемых с его использованием. Это обстоятельство требует от правоохранительных органов применения современных методов выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Информационно-телекоммуникационная система в соответствии с ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» представляет собой технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Социальные сети информационно-телекоммуникационной сети Интернет являются самым простым, быстрым и доступным способом передачи информации в информационно-телекоммуникационной среде. Социальная сеть в обычном социологическом значении представляет собой сообщество людей, имеющих общие связи и различные причины для общения. В интернете социальная сеть – это программный сервис для взаимодействия посредством передачи электронных сообщений, т.е. информации, передаваемой по информационно-телекоммуникационной сети. Социальные сети за счет своей доступности и распространенности зачастую являются средой для реализации преступного умысла и общения в рамках преступной деятельности [4, с. 138].

Так, например, в октябре 2016 г. Свердловским районным судом г. Иркутска вынесен обвинительный приговор в отношении гр. Х-го в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159, ч. 2 ст. 159 УК РФ. Гр. Х-ий размещал в социальной сети объявления о предоставлении денежных займов под невысокий процент, в последующем получал от введенного в заблуждение потенциального «заемщика» оплату комиссии за перевод денежного займа. Х-ий использовал созданную им ранее в одной из социальных сетей информационно-телекоммуникационной сети Интернет страницу под вымышленными данными, скрыв, таким образом, от администрации социальной сети и от потенциального «заемщика» свои подлинные анкетные и контактные данные. При этом с целью придания достоверности

своему объявлению и убеждения потенциального «заемщика» в реальной возможности получить денежный займ, а также в благонадежности как кредитора Х-ий создал аналогичным образом несколько фиктивных страниц в социальной сети «...» под именами вымышленных мужчин и женщин, от имени которых разместил на странице положительные отзывы о его деятельности как кредитора. После этого, продолжая реализацию своего преступного умысла на хищение чужого имущества путем обмана, получив на страницу социальной сети «...» сообщение от заинтересовавшегося его объявлением ранее незнакомого лица, Х-ий, действуя умышленно, из корыстных побуждений, вводил в заблуждение в ходе переписки с гражданином, через сеть Интернет подтверждал возможность получения денежного займа, при этом с целью в большей степени заинтересовать сообщал заведомо ложную информацию о том, что предоставляет денежные займы под 15% годовых. Взамен он требовал у заемщиков перевести предварительную оплату денежной суммы в качестве оплаты комиссии в размере 1% от суммы займа, которая взывается банком за перевод денежных средств. В результате такой схемы гр. Х-ий похитил путем обмана денежные средства в размере 15 000 рублей, причинив потерпевшим значительный ущерб [9].

Определенно, являясь зачастую основным источником информации о преступлении, информация, сохранившаяся в сети Интернет, представляет огромный криминалистический интерес и приобретает статус следовой. Поэтому очень важно на стадии предварительного расследования своевременно и правильно ее обнаружить, зафиксировать и изъять, что позволит сформировать доказательственную базу.

Признавая существующую в науке классификацию следов (материальных и идеальных), современная действительность требует определения природы следов преступления, сохранившихся в сети Интернет. По этому поводу развернулась широкая полемика в научной среде, в которой наблюдаются крайне полярные мнения. Так, ряд авторов признают существование самостоятельной группы «виртуальных» следов [1, 5, 7], определяя их как результат отражения на цифровом материальном носителе реального (физического) процесса или действия иной компьютерной системы, в виде цифрового образа формальной модели этого процесса [1, 5]. Другие же признают данные следы разновидностью материальных, поскольку они существуют реально и являются отображениями различных изменений информации, хранящейся на электронных носителях [11]. Третья группа определяет такие следы как электронно-цифровые [2, 12] или информационные [3].

Определенно, современная действительность порождает необходимость выделения отдельной классификационной группы следов, поскольку особый механизм образования требует применения специфических приемов и методов обнаружения, извлечения (фиксации), исследования и оценки. Что касается «названия», то нам ближе всего позиция авторов о признании их

именно электронно-цифровыми следами. В научной литературе они определяются как любая криминалистически значимая компьютерная информация, находящаяся в электронно-цифровом формате [2, с. 94]. Информационными их нельзя назвать только потому, что по своей сути любой след преступления в большей или меньшей степени является информационным, т.е. содержащим в себе какие-либо сведения. Несмотря на то что такой след обладает признаком недоступности для восприятия, след все-таки существует, и поэтому нелогично и неправильно определять его как «виртуальный», т.е. не существующий реально.

Несмотря на разнообразие мнений относительно природы и сущности рассматриваемых следов, верно одно, что как бы они не назывались, они информативны и представляют интерес для органов предварительного расследования, поскольку «являются носителями информации о целенаправленной преступной деятельности и личности преступника [4, с. 140].

В этой связи актуально возникает вопрос о способе и порядке изъятия следовой информации с виртуального пространства социальных сетей.

Следователь имеет в своем арсенале немного возможных законных способов изъятия данной следовой информации. Естественно, что происходит это в рамках производства следственных действий, чаще всего в процессе обыска и выемки. Процедура данных следственных действий регламентирована ст. 182-183 УПК РФ. При этом могут быть изъяты как носители такой информации, так и сама информация путем фотографирования с экрана компьютера, планшета, телефона или иного устройства (скриншот).

В соответствии с п. 9.1 ст. 182 и п. 3.1 ст. 183 УПК РФ изъятие электронного носителя информации проводится с участием специалиста. По ходатайству законного владельца возможно копирование имеющихся сведений, если это не повлечет за собой их утрату или изменение. Законодательное закрепление необходимости участия специалиста произошло сравнительно недавно – в 2012 г. – с целью обеспечения соблюдения прав на владение информацией. Однако на практике они повлекли за собой проблемы правоприменения, которые не могли быть оставлены без внимания со стороны научного сообщества.

Проблеме необходимости привлечения специалиста при изъятии электронных носителей информации посвящено множество научных исследований, изучение и обобщение которых позволили выделить несколько позиций:

1. Необходимость привлечения специалиста зависит от типа изымаемого электронного носителя компьютерной информации. Изъятие флеш-карт, жестких дисков, ноутбуков и других подобных объектов не требует наличия специальных знаний. Они могут быть изъяты и упакованы следователем самостоятельно.

2. Привлечение специалиста зависит от наличия реальной потребности использования его знаний для изъятия электронных носителей компьютерной инфор-

мации. То есть привлечение специалиста обязательно при копировании информации с электронных носителей в ходе производства обыска или выемки, в остальных случаях, когда носители изымаются целиком, допустимо осуществлять изъятие без его участия. Так, Д.В. Климов отмечает, что непривлечение специалиста к обыску, выемке не должно повлечь наступление негативных последствий в виде признания протокола следственного действия недопустимым доказательством, т.к. это обстоятельство не является существенно нарушающим конституционные права граждан и организаций [6, с. 154-155].

3. Участие специалиста обязательно во всех случаях при изъятии электронных носителей компьютерной информации.

Подобное разнообразие понимания законодательной новеллы формирует трудности и противоречия в процессе реализации п. 9.1 ст. 182 и п. 3.1 ст. 183 УПК РФ [13, с. 153], которые в «ситуации достаточно частых, в т.ч. и кардинальных, реформ уголовно-процессуального закона приобретают еще более острый характер» [10, с. 92].

При толковании рассматриваемых норм следует, что следователь имеет возможность изъять электронные носители информации только с участием специалиста. Однако участие специалиста, по аналогии с участием понятых, в следственном действии не предполагает выполнение им самих действий по изъятию. То есть специалист имеет право наблюдать за ходом следственного действия, делать замечания по поводу производства следственного действия и удостоверить правильность его процессуального закрепления в протоколе. Спрашивается тогда, почему законодатель обязывает следователя его привлекать? Думается, что основная мысль сводится к тому, что он должен оказать содействие следователю в обнаружении, закреплении и (или) изъятии электронных носителей информации для недопущения уничтожения или информационного изменения содержания. С другой стороны, изъятие самого носителя информации в виде компьютерного блока, ноутбука или карты памяти вряд ли повлечет за собой уничтожение информации, в ней содержащейся, к тому же привлекаемые специалисты применяют общие криминалистические знания по их изъятию, которыми обладает и сам следователь. Анализ практического применения рассматриваемых положений показал, что следователи очень часто осуществляют изъятие электронных носителей информации без участия специалистов, в связи с чем сторона защиты представляет перед судом ходатайства о признании результатов обыска или выемки недопустимым доказательством. Однако суды оставляют их без удовлетворения, мотивируя это тем, что привлечение специалиста необходимо только в случае поступления от владельца электронных носителей или информации ходатайства о копировании информации с изымаемых электронных носителей. Если же в ходе обыска или выемки подобное требование не высказывалось, его привлечение не требуется, поскольку само

изъятие электронных носителей не требует применения специальных знаний.

В то же время в определениях Конституционного Суда РФ указано о необходимости привлечения специалиста [8]. Понятно, что решение данной проблемы возможно путем внесения конкретизирующих изменений в уголовно-процессуальный закон. С нашей точки зрения, целесообразно дать возможность следователю самому определить необходимость участия специалиста в следственном действии по аналогии с понятыми.

Кроме того, следует определить, является ли изготовление «скриншот» копированием? Скриншот определяется как изображение, полученное устройством и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода. Обычно это цифровое изображение получается операционной системой или другой программой по команде пользователя. То есть этот процесс можно признать копированием информации с последующим переносом на бумажный носитель. Закон регламентирует, что копирование информации осуществляется только специалистом и должно быть осуществлено с сохранением информации на другом электронном носителе.

Однако копирование путем изготовления скриншота, не вызывает никаких затруднений даже у пользователя, имеющего базовые знания работы персонального компьютера. К тому же фотоизображение экрана компьютера переносится на бумажный носитель, а его изготовление не может повлечь за собой уничтожение или повреждение информации. Поэтому считаем, что изъятие информации, в частности переписки в социальных сетях, путем изготовления фотоснимка экрана может быть выполнено самим следователем без привлечения специалиста.

Обозначенные обстоятельства являются только некоторыми из проблемных аспектов правоприменения рассмотренных законодательных нововведений. Подобные нормативно-правовые проблемы, обширность научных взглядов, разнообразие следственной и судебной практики неизбежно приведут к процессуальным нарушениям, опасность которых состоит прежде всего в возможности признания результатов следственного действия недопустимым доказательством, в неправильной оценке доказательств, и, как следствие, повлияют на обоснованность принимаемого решения по уголовному делу.

Литература

1. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
2. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств её обработки: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008.
3. Гаврилин Ю.В., Пушкин А.В., Соцков Е.А., Шурухнов Н.Г. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации. М., 2004.
4. Грибунов О.П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 137-142.
5. Давыдов В.О., Головин А.Ю. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 254-259.
6. Климов Д.В. О необходимости привлечения специалиста для изъятия электронных носителей информации в ходе производства обыска и выемки // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства. 2016. С. 154-155.
7. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 204-О.
9. Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска. URL: [http // www. https://rospravosudie.com](http://www.rospravosudie.com).
10. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91-103.
11. Семенов Г.В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.
12. Сукманов А.О. Сущность, понятие и виды электронно-цифровых следов, используемых в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Калининградского юридического института МВД России, 2010. С. 105.
13. Шаевич А.А., Родивилин И.П. Об участии специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе производства обыска и выемки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. 2013. С. 153.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.6:364

С.Н. Грошев, канд. юрид. наук

Восточно-Сибирский институт МВД России;

А.В. Изингер, канд. юрид. наук

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

E-mail: alexander_16.08@mail.ru

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Традиционно считается, что права женщин в Российской Федерации нарушаются. С точки зрения отдельных правовых моментов авторы затрагивают проблематику дискриминации по половому признаку. Также авторы анализируют механизм правового регулирования в сфере регламентации правового статуса с учетом критерия пола и практику его применения. Исследованы данные официальной статистики, касающиеся правоприменительной деятельности в сфере алиментных выплат, службы по призыву, пенсионного обеспечения, материнского капитала и иных элементов, определяющих правовой статус человека в контексте проблемы гендерного неравенства.

Ключевые слова: дискриминация, семья, алиментные выплаты, охрана материнства и детства, материнский капитал, пенсионное обеспечение, гражданское общество, гендерная асимметрия.

S.N. Groshev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A.V. Izinger, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

E-mail: alexander_16.08@mail.ru

LEGAL ANALYSIS OF THE GENDER INEQUALITY PROBLEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Traditionally it is believed that the rights of women are violated in the Russian Federation. From the point of view of individual legal issues, the article touches upon the issue of gender-based discrimination. The author of the article analyzes the mechanism of legal regulation in the sphere of legal nature handling, taking into account the gender criterion and the practice of its application. The data of official statistics are investigated due to its concerning law enforcement activities in the field of alimentary payments, conscription services, pensions, maternity capital and other elements and determining the legal status of a person in the context of gender inequality.

Key words: discrimination, family, alimentary payments, maternity and childhood protection, maternity capital, pensions, civil society, gender asymmetry.

Актуальность научных исследований в сфере дискриминации по половому признаку сложно переоценить. Многие столетия женщины были бесправной социальной группой в большинстве стран мира. В настоящее время в средствах массовой информации также имеют место заявления по поводу ущемления прав женщин. Безусловно, в странах мусульманской правовой семьи и некоторых иных правовых системах традиционной направленности женщины являются социальной категорией, характеризующейся ограничением определенных прав и свобод. Примечательно, что когда дело касается российской правовой системы и судебной практики, то имеют место заявления правозащитников о том, что и по сей день женщины в России дискриминированы в правовой сфере. Но так ли это на самом деле?

Рассматривая правовой статус социальных групп населения с учетом ценза пола, следует обратить внимание на правовой механизм, регламентируемый отраслевыми нормами российского законодательства. Мы не затрагиваем бытовые и социокультурные аспекты жизни российских женщин, т.к. они находятся вне правового поля исследования.

С этой целью актуальным является анализ статистических данных, а также правовых норм и правоприменительной практики, которые указывают на тот факт, что дискриминация по половому признаку в отношении женщин в России не имеет тех масштабов, о которых заявляют правозащитники. Напротив, правовая система и правоприменительная практика Российской Федерации свидетельствуют о промульгировании равенства правового статуса с учетом критерия пола.

В целях анализа проблематики гендерного неравенства будет уместным рассмотреть зарождение феномена дискриминации женщин. Можно признать тот факт, и это доказано классиками материалистического познания генезиса семьи и государства, изначально в связи с тем, что в первобытную эпоху родившийся ребенок мог достоверно вести свое происхождение лишь от матери, а отец оставался неизвестным, в мире царил так называемый матриархат. Вот что пишет Ф. Энгельс по поводу первобытной семьи: «В этой форме семьи взаимные супружеские права и обязанности исключаются только между предками и потомками, между родителями и детьми. Братья и сестры – родные, двоюродные, троюродные и более далеких степеней родства – все считаются между собой братьями и сестрами и уже в силу этого мужьями и женами друг друга. Родственное отношение брата и сестры на этой ступени семьи включает в себя половую связь между ними как нечто само собой разумеющееся» [5, с. 238].

Изучая труды приверженцев материалистического метода познания, стоит отметить, что, доказав факт существования кровнородственной семьи у всех племен на начальном этапе развития доклассового общества, они дали толчок к глубокому осмыслению причин возникновения первых зачатков государственности и первичный базис гражданского общества, который за-

ключался во всемерной лояльности верхушки древних общин ко всем членам своего социума и высокому статусу женщины в ту эпоху.

Лишь с появлением более прогрессивных способов добычи продуктов питания и появлением прибавочного продукта, а вместе с тем и накоплением ресурсов возникла так называемая пуналуальная семья как попытка исключить половую связь между братьями и сестрами. Вероятно, из пуналуальной формы брака возник институт рода как попытка снизить пагубное влияние кровнородственных связей.

Говоря о групповом браке, можно иметь в виду массовое супружество группы мужчин с группой женщин, которые зачастую были разбросаны на больших пространствах. Даже если наблюдался институт похищения женщин, то закон о брачных группах, безусловно, соблюдался, хотя при похищении женщины уже можно наблюдать зарождение парного брака. «Когда молодой человек с помощью своих друзей похитил или увел девушку, они все по очереди вступают с ней в половую связь, но после этого она считается женой того молодого человека, который был зачинщиком похищения» [6, с. 246]. Вся эта «половая разнузданность», с точки зрения современного человека, является ничем иным, как способом обеспечения генетического разнообразия и попыткой социума предотвратить кровосмешение, которое ослабляло потомство и делало его слабым и нежизнеспособным.

Если обратиться к нормам современного российского брачно-семейного законодательства, то мы нигде не увидим ни одной нормы, которая бы запрещала или как-то ограничивала половые связи совершеннолетней девушки, если там отсутствует элемент насилия или признаки соvrращения несовершеннолетних. Между тем женщина по Семейному кодексу Российской Федерации может иметь лишь одного законного супруга. Тем не менее де-факто, если современная женщина решила прекратить брачные отношения со своим супругом, то на него в некоторых случаях может быть возложена обязанность содержать бывшую супругу и детей, место жительства которых обычно суд определяет по месту жительства матери. Все эти процессы в России имеют массовый характер. По данным Всероссийской переписи населения по итогам 2010 г. семей, где по каким-то причинам не было отца, насчитывалось 9 780 878, в свою очередь, семей с детьми, где не было матери, насчитывалось всего 1 326 156, т.е. неполных семей, где дети живут с матерью насчитывается 88% [11]. В настоящее время ситуация не изменилась, и семей, где отцы, которые по каким-то причинам воспитывают детей в одиночку, на 2017 год насчитывается приблизительно 648 тысяч, при том что семей, где матери в одиночку воспитывают детей, имеется примерно 5 миллионов [8].

Более понятная современному человеку парная семья возникла позже, чем пуналуальная, когда групповой брак еще не утратил своей актуальности, в конце концов вытеснив групповую форму брачных отношений. Парная семья, уже открыто запрещая женский про-

мискуитет, между тем дает некоторую свободу в выборе сексуального партнера для мужчины, иногда приводя к многоженству, если имеет место такая экономическая возможность. Современное российское брачно-семейное законодательство запрещает многоженство (ст. 14 СК РФ). Тем не менее не все правовые системы запрещают это явление. Например, в Саудовской Аравии мужчине позволено иметь до четырех жен при соблюдении равного для них финансового обеспечения. Коран, который в Королевстве Саудовская Аравия имеет прямое юридическое действие, предписывает: «Женитесь на тех женщинах, что приятны вам, – двух, трех или четырех. А если боитесь вы, что не будете одинаково справедливы, то на одной или на подневольной» (Св. Коран, 4:3). Не затрагивая правовой аспект отсутствия большинства гражданских прав у женщин исламского мира, стоит отметить, что многоженство, а вместе с тем доминирование отцовского права – это такой же естественный процесс развития института семьи и без преувеличения можно сказать, что все страны и народы прошли через это, а многие практикуют и по сей день. Следует отметить, что многие правозащитные организации феминистского толка (да и не только они) критикуют приоритет отцовского права в странах исламского мира.

Наблюдая за тем, как остатки патриархата в государствах мусульманской правовой семьи становятся объектом нападков со стороны западных правозащитников, нельзя замалчивать тот факт, что Россия и страны Запада уже давно стоят на позициях приоритета материнского права в судебной практике по определению места жительства детей после развода их родителей. Стоит подчеркнуть, что защита материнства и детства прямо прописана во внутреннем законодательстве Российской Федерации, в международных нормах, в частности в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.). Примечательно, что ориентация современного российского брачно-семейного законодательства в сторону материнского права совпадает с ростом числа разводов. По данным Росстата, в 2012 г. было зарегистрировано браков 1 213 598 и 644 101 разводов (на тысячу человек 8,5 и 4,5 соответственно). В 2013 году было зарегистрировано браков 1 225 501 и 667 971 разводов (на тысячу человек 8,5 и 4,7 соответственно). В 2014 году было зарегистрировано браков 1 225 985 и 693 730 разводов (на тысячу человек 8,4 и 4,7 соответственно). В 2015 году было зарегистрировано браков 1 161 068 и 611 646 разводов (на тысячу человек 7,9 и 4,2 соответственно). В 2016 году было зарегистрировано браков 985 836 и 607 591 развод (на тысячу человек 6,7 и 4,1 соответственно) [9, с. 83]. Учитывая низкий процент случаев определения места жительства ребенка с отцом и существенный размер алиментных выплат на содержание несовершеннолетнего ребенка, можно смело заявлять о том, что отцы в России подвергаются дискриминации. Все эти процессы остаются вне зоны освещения большинства правозащитников и средств

массовой информации. Мало того, обязанность платить алименты своим детям без права контролировать их целевое расходование часто сопряжено неудобствами общения ребенка с плательщиком алиментов. В виде юридической ответственности бывшему супругу за злостное невыполнение решения суда об определении порядка общения с ребенком может являться удовлетворение предъявленного в суд требования другого бывшего супруга, проживающего отдельно от ребенка, о передаче ему ребенка для встреч. Это значит, что при многократном и систематическом воспрепятствовании одного родителя встречам и общению другого родителя с несовершеннолетним в порядке, ранее установленном судом, родитель, права которого нарушаются, может предъявить иск о передаче ему несовершеннолетнего. Невыполнение решения суда является злостным, если родитель осуществляет осознанное, умышленное действие или бездействие, направленное на то, чтобы не допустить другого родителя к ребенку вопреки вступившему в силу судебному решению. Конечно, судебные инстанции могут пойти на применение подобной меры только в особых случаях, когда это отвечает интересам ребенка. Других мер воздействия на родителя, уклоняющегося от исполнения судебного решения, в законодательстве Российской Федерации не существует.

В частности, за рубежом применяются иные действенные меры. К примеру, во многих штатах США к родителю, с которым остался несовершеннолетний, препятствующему общению с ребенком бывшему супругу, может применяться приостановка выплаты содержания на ребенка. В некоторых странах Евросоюза от поведения родителя, живущего с детьми, зависит даже размер алиментных выплат: сумма может быть снижена, если ущемляются родительские права того, кто алименты платит [4].

В целом можно констатировать тот факт, что бывший супруг (в основном отец) платит от 25 до 50% дохода на содержание своих детей, не имея при этом возможности контролировать целевое расходование алиментных выплат. Плательщик алиментов слабо защищен от произвола бывшего супруга, который может препятствовать законному общению с детьми плательщику алиментов.

Рассмотрев развитие семьи как важнейшего социального института, можно заявить, что в настоящее время женщины в Российской Федерации не подвергаются дискриминации и, получая статус супруги, сохраняют полный спектр прав, который у них существовал до замужества.

Мало того, гражданка Российской Федерации, имея двух и более детей, получает ряд преимуществ финансового характера, которые не может получить мужчина, имеющий аналогичный статус. В частности, это так называемый материнский (семейный) капитал, который на 2018 год составил 453 тысячи рублей [7]. Стоит отметить, что «правом на направление средств (части средств) материнского (семейного) капитала на формирование накопительной пенсии могут воспользо-

ваться только женщины, имеющие право на получение материнского (семейного) капитала, родившие второго, третьего или последующего ребенка. У мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, такое право в соответствии с законом отсутствует» [1]. Конечно, для общества в целом и государства в частности проблема восполнения человеческих ресурсов является важной проблемой, и поэтому материнству оказано такое внимание. Примечательно, что и в целом, даже если женщина не рожала детей, у нее есть правовые привилегии. Например, женщины в Российской Федерации не подлежат призыву на срочную военную службу. Мало того, женщины не проходят даже альтернативную службу. В данном случае можно наблюдать избирательный подход законодателя к регламентации обязанностей граждан с учетом политики государства, однако есть масса прецедентов за рубежом, где мы можем наблюдать, как на женщин возлагается обязанность служить в армии. В Израиле, Северной Корее, Эритрее, Тайване, Китае, Перу, Боливии, Малайзии, Бенине женщины призываются на военную службу наравне с мужчинами [2].

Далее нельзя не отметить существенную разницу сроков выхода на пенсию. Мужчины получают право на пенсионное обеспечение в 65 лет, а женщины – в 60 лет, хотя по данным официальной статистики по состоянию на 2016 год средняя ожидаемая при рождении продолжительность жизни в России составила 71,9 года для населения в целом, 66,5 лет – для мужчин, 77,1 лет – для женщин [9, с. 84]. Возникает вопрос, почему якобы дискриминируемая по половому признаку социальная группа живет на 10 лет дольше, а выходит на пенсию на пять лет раньше, не подлежит военной службе по призыву, имеет возможность пополнить накопительную часть пенсии материнским (семейным) капиталом и т.д. Намеренно не затрагивается правовой статус женщин в трудовом и уголовно-исполнительном законодательстве, т.к. уже вышеперечисленных примеров достаточно для того, чтобы задаться вопросом о существовании гендерной асимметрии в России, которая сложилась в сфере правоприменения и некоторых норм, регламентирующих правовой статус граждан.

Как ни странно, законодатель и правоприменитель оправдывают особый статус лиц женского пола, ссылаясь на большую роль женщин в ведении домашнего хозяйства, что, по сути, странно, т.к. законодательство Российской Федерации не возлагает на кого бы то ни было обязанность заниматься домашним хозяйством. Государство вообще не вправе регулировать личную жизнь граждан. В связи с этим наделять социальную группу правом раннего выхода на пенсию или освобождать от службы по призыву, ссылаясь на абстрактную формулировку «особая роль в ведении домашнего хозяйства» в целом не уместно. Тем не менее такие заявления год от года появляются в средствах массовой информации, в статистических данных и даже научных статьях. Формулировка о загруженности в быту достаточно незамысловатая и выглядит обычно так, цитирую:

«у мужчин и женщин существуют различия, например, в так называемом "бюджете времени". По сведениям Росстата, в будние дни экономически активные мужчины отдают работе по 8,5 часов и 1,5 часа – домашнему хозяйству, тогда как работающие женщины трудятся 7 часов в день, а домашнему хозяйству уделяют более 3 часов» [12, с. 141]. Опять возникает вопрос о процедуре подсчета времени по ведению домашнего хозяйства. Видимо, все данные по затраченному на ведение домашнего хозяйства времени зафиксированы со слов, и в связи с этим опираться на них при определении прав и обязанностей граждан нельзя.

Кроме всего прочего, по данным Росстата, в 2013 г. численность экономически активного населения России составляла 75 529 тыс. человек, из них 36 809 тыс. – женщины, 38 720 тыс. – мужчины, что составляет 49% и 51% соответственно. Из них численность женщин и мужчин, замещавших государственные должности Российской Федерации и должности гражданской службы, составляла 561,1 тыс. человек и 225,3 тыс. человек соответственно (0,7% и 0,3% от экономически активного населения) [13, с. 251]. На государственной службе женщин почти в 2,5 раза больше, чем мужчин. Но распределение должностей между гендерными группами не в пользу женщин. Это феномен, который гендерологи называют «гендерной пирамидой». Смысл состоит в том, что, приближаясь к вершине властной вертикали, численность женщин будет существенно уменьшаться и наоборот [3, с. 69].

Примечательно то, что мужчины в 1,5 раза чаще занимают государственные должности и руководящие должности гражданской службы. На уровне помощников и специалистов наблюдается баланс. Должности обеспечивающих специалистов в 2 раза чаще занимают женщины.

Как показывает статистика, вопреки ожиданиям мужчин на государственной службе значительно меньше, но это им не мешает занимать ключевые позиции во власти. Если дело не в количественных показателях, то возможно качественно мужская группа отличается от женской [13, с. 251].

В заключение можно отметить, что объективных правовых причин дискриминации женщин в России не существует. Более того, у российских женщин есть ряд правовых преимуществ. И хотя в настоящее время женщины и мужчины где-то открыто, где-то завуалированно конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельности [14, с. 32] («во всем мире Россия (43%) имеет самый высокий процент женщин в высшем руководстве бизнеса, и эта цифра остается довольно стабильной с 2004 г., в частности, из-за гендерного соотношения женщин к мужчинам (6:5)» [6, с. 10]), в деле управления страной приоритет остается за мужчинами. Гендерная асимметрия основана исключительно на социокультурных факторах, и заявления о том, что женщины в России подвергаются дискриминации по половому признаку, не имеют правовых оснований.

Литература

1. Беянинова Ю.В., Шашкова О.В., Черешева Е.А., Карташова Ю.А. Комментарий к Федеральному закону от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. В каких странах женщин призывают в армию? URL: <http://www.aif.ru/dontknows/1224858>.
3. Коростылева Н. Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. 2015. № 5 (97). С. 68-72.
4. Кузнецова О.В., Слобцов И.А. Споры о детях: определение места жительства ребенка и порядка его общения с родителями [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1983. Т. 3. 639 с.
6. Международное исследование бизнеса. Женщины в бизнесе: путь со школьной скамьи в совет директоров // Грант Торнтон. 2014. 16 с.
7. О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов [Электронный ресурс]: федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 362-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Почти в трети российских семей детей воспитывают матери-одиночки. URL: <https://ria.ru/society/20170207/1487325545.html>.
9. Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2017. 511 с.
10. Священный Коран. СПб.: Северо-запад Пресс, 2004. 269 с.
11. Семьи с детьми: статистический портрет. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prezent-2_301013.pdf.
12. Сокол Ю.В. О дискриминации женщин по половому признаку // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1 (27). С. 139-143.
13. Хилобок Ю.В. Политические аспекты гендерной статистики государственной службы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2. С. 251-256.
14. Швец Л.Г. Гендерное измерение смысложизненных поисков // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 31-36.

УДК 347.9:347.131.222

Д.А. Мальбин, канд. юрид. наук

Российский государственный университет правосудия

E-mail: dm_malbin1504@list.ru;

С.В. Мельник, канд. юрид. наук, доцент

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: m809sv@yandex.ru

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРОПУСКЕ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ НА СТАДИИ ПРЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается вопрос о возможности заявления ответчиком о пропуске истцом исковой давности на стадии судебных прений. Авторы критически подходят к такой возможности и высказываются против такого подхода. С точки зрения авторов, заявление ответчиком о пропуске истцом исковой давности на стадии судебных прений существенным образом нарушает баланс сторон, нарушает права и интересы истца, а также кардинально меняет модель судебного разбирательства по спорам, где институт исковой давности подлежит применению.

Ключевые слова: иск, срок, исковая давность, применение исковой давности, судебный процесс, заявление.

D.A. Malbin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

The Russian State University of Justice

E-mail: dm_malbin1504@list.ru;

S.V. Melnik, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: m809sv@yandex.ru

APPLICATION FOR THE OMISSION OF THE LIMITATION PERIOD AT THE DEBATE STAGE: THEORETICAL PROBLEMS

The article deals with the issue of the possibility of the defendant's statement about the admission of the plaintiff for the limitation period of actions at the stage of judicial debate. The authors criticize this possibility and opposes such an approach. From the author's point of view, the defendant's statement that the plaintiff omits the limitation period of actions at the stage of judicial debate significantly violates the balance of the parties, violates the rights and interests of the plaintiff, and changes the model of litigation in disputes where the institution of limitation period is subject to application.

Key words: lawsuit, term, limitation period, application of the limitation period, litigation, application.

29 сентября 2015 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [6] (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 43), которое нельзя назвать новаторским с точки зрения изложенных в нем подходов. Скорее, следует констатировать, что Постановление Пленума ВС РФ № 43 вторит отмененному в связи с принятием вышеуказанного постановления Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 12.11.2001 № 15, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.11.2001 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [7].

До недавнего времени в пункте 11 Постановления Пленума ВС РФ № 43 разъяснялось, что заявление о пропуске истцом срока исковой давности может быть сделано как в письменной, так и в устной форме при подготовке дела к судебному разбирательству или непосредственно при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции, а также в суде апелляционной инстанции в случае, если суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции.

Разъяснение Пленума Верховного Суда РФ основывалось на толковании нормы статьи 199 Гражданского кодекса РФ [2] (далее – ГК РФ), предусматривающей возможность заявления ответчиком о пропуске истцом срока исковой давности до вынесения судом решения. При этом данное правило понималось ограничительно – как позволяющее ответчику заявлять о пропуске истцом срока исковой давности только до окончания рассмотрения дела по существу, т.е. до перехода судом к стадии судебных прений.

Вместе с тем, несмотря на то, что такой подход нашел устойчивое применение в судебной практике и не вызывал вопросов, Постановление Пленума ВС РФ № 43 подверглось изменениям в этой части, причем изменения имеют настолько существенный характер, что во всяком случае не могли быть приняты без развернутого обсуждения и привлечения научных и практических работников к обсуждаемой проблематике.

Так, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.2017 № 6 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности" и от 24 марта 2016 г. № 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств"» [5] изменен пункт 11 Постановления Пленума ВС РФ № 43 путем включения в него после слов «рассмотрении дела по существу» слов «, а также в судебных прениях». Результатом такого изменения, как видно, стала процессуальная возможность заявления ответчиком о пропуске истцом исковой давности даже на стадии су-

дебных прений. Такое решение представляется крайне опасным, принятым с нарушением базовых принципов гражданского процесса и понимания стадий рассмотрения гражданского дела.

Исковой давностью согласно ст. 195 ГК РФ признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Исковую давность следует отличать от срока для обращения в суд.

Срок для обращения в суд представляет собой процессуальный срок существования права, истечение которого прекращает процессуальную возможность реализации лицом процессуального правомочия и, стало быть, применяется самим судом независимо от заявления об этом ответчика или возражений истца.

Исковая давность, в отличие от срока для обращения в суд, представляет собой срок, с истечением которого субъективное право истца не прекращается, но заявление о пропуске такого срока лишает истца возможности требовать принудительной защиты нарушенного ответчиком права путем обращения в суд.

В силу ст. 199 ГК РФ исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре, а собственно истечение такого срока, о котором заявлено ответчиком, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Как видно из текста приведенной статьи, заявление ответчиком о пропуске истцом исковой давности относится к процессуальным правомочиям ответчика и является реализацией принципа диспозитивности и осуществления принадлежащих лицу прав своей волей. Являясь правом, ответчик может и не реализовать такое. Мотивы, по которым ответчик может не заявить о пропуске истцом исковой давности, настолько широки и многогранны, что не могут быть сведены к единому знаменателю: это может быть забывчивость ответчика, его невнимательность или незнание норм права, вера в возможность защитить себя без ссылки на пропуск истцом срока и т.д.

В любом случае принципиальным остается то, что заявление ответчика о пропуске истцом исковой давности – это действие не фактическое, а юридическое, т.к. представляет собой реализацию ответчиком принадлежащего ему правомочия.

Судебные прения – одна из стадий рассмотрения гражданского дела. Содержание данной стадии сводится к устному выступлению лиц, участвующих в деле, и их представителей. В ходе судебных прений стороны подводят итог судебному разбирательству.

Содержание судебных прений раскрывается в ст. 190 Гражданского процессуального кодекса РФ [3] (далее – ГПК РФ) и ст. 164 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1] (далее – АПК РФ).

В приведенных статьях процессуальных кодексов указано, что судебные прения состоят из устных выступлений лиц, участвующих в деле. Содержание же выступлений данных лиц наиболее полно раскрыто в ст. 164 АПК РФ, из которой следует, что в этих высту-

плениях лица, участвующие в деле, обосновывают свою позицию по делу.

Таким образом, судебные прения представляют собой завершающую стадию судебного процесса, в ходе которой стороны подводят итог судебному состязанию и резюмируют собственную позицию, которая была изложена ими ранее при рассмотрении дела по существу, и обосновывают необходимость принятия позиции судом.

Из изложенного с неизбежностью следует, что судебные прения – стадия с «фактическим» содержанием в том смысле, что представляет собой только устное выступление стороны относительно ранее высказанных в ходе процесса доводов, и, следовательно, реализация лицом процессуальных правомочий на данной стадии невозможна (заявление ходатайств, заявлений, отводов и пр.).

Вместе с тем заявление ответчиком о пропуске истцом исковой давности является юридическим, а не фактическим действием и, стало быть, не может иметь места на стадии судебных прений.

Как указано выше, в ходе судебных прений стороны обосновывают свою позицию по делу, которой они придерживались в ходе судебного разбирательства. Следовательно, ответчик может ссылаться на пропуск истцом исковой давности только в том случае, если об этом заявлялось им при рассмотрении дела по существу.

В соответствии со ст. 164 АПК РФ, ст. 190 ГПК РФ в судебных прениях первым выступает истец, а затем ответчик. При этом в силу ст. 199 ГК РФ о пропуске истцом исковой давности заявляет ответчик. Анализируя указанные нормы права в их системном единстве, становится понятно, что при установленном порядке выступления сторон в судебных прениях, истец лишается возможности квалифицированно возражать и приводить собственные доводы относительно исковой давности.

Не исправляют ситуацию реплики сторон, т.к., будучи частью стадии судебных прений [4, с. 338], порядок выступления сторонами с репликами соответствует порядку выступления в судебных прениях – сначала выступает истец, а затем ответчик. Следовательно, о пропуске истцом исковой давности ответчик может заявить не только собственно в ходе прений, но и пользуясь правом реплики, а значит истец вовсе лишается возможности возразить ответчику. Такой подход свидетельствует о существенном нарушении права истца на судебную защиту, а также нарушении принципа состязательности судебного процесса и равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ, ст. 8 и 9 АПК РФ), т.к. принципиально лишает истца возможности возражать против довода ответчика.

Единственным выходом из ситуации с заявлением ответчиком о пропуске срока исковой давности на стадии прений является применение судом механизма возобновления рассмотрения дела по существу (ст. 191 ГПК РФ) или возобновления исследования доказательств в арбитражном процессе (ст. 165 АПК РФ). Вместе с тем применение судом ст. 191 ГПК РФ или ст. 165 АПК РФ

после сделанного ответчиком заявления о пропуске истцом исковой давности лишает смысла предоставление ответчику процессуальной возможности заявления о пропуске истцом исковой давности на стадии судебных прений, т.к. фактически приводит к рассмотрению дела по существу, где и должно было быть сделано соответствующее заявление и представлены соответствующие доводы, возражения и доказательства.

Течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (ст. 200 ГК РФ). При этом течение срока исковой давности может приостанавливаться (ст. 202 ГК РФ) и прерываться (ст. 203 ГК РФ).

Факты, свидетельствующие о начале течения исковой давности, наличии оснований приостановления и перерыва исковой давности, подлежат доказыванию и входят в предмет доказывания [8, с. 19].

Примечательно, что в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 43 указано, что бремя доказывания наличия обстоятельств, свидетельствующих о перерыве, приостановлении течения срока исковой давности, возлагается на лицо, предъявившее иск, т.е. на истца.

Данное положение, очевидно, не соответствует предлагаемому в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 43 подходу о возможности заявления ответчиком о пропуске истцом исковой давности в ходе судебных прений, т.к. суд в силу ст. 164 АПК РФ и ст. 189 ГПК РФ переходит к стадии судебных прений лишь после того, как исследует все доказательства, имеющиеся в материалах дела, и установит, что стороны не желают дополнить материалы дела новыми доказательствами. Таким образом, представление доказательств на стадии судебных прений невозможно.

Опровержение истцом утверждения ответчика о пропуске истцом исковой давности возможно путем представления новых доказательств, если таковых в деле не имеется. При изложенных обстоятельствах суд вынужден применить механизм ст. 165 АПК РФ и ст. 191 ГПК РФ для выяснения обстоятельств, свидетельствующих о начале течения исковой давности, наличии оснований для приостановления и перерыва исковой давности. Однако в этом случае, повторимся, предоставление ответчику процессуальной возможности заявлять о пропуске истцом исковой давности на стадии судебных прений лишается всякого смысла.

Применительно к физическим лицам гражданское законодательство знает институт восстановления срока исковой давности.

Так, в соответствии со ст. 205 ГК РФ в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут признаваться уважительными, если они имели место в последние

шесть месяцев срока давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев – в течение срока давности.

Процессуальной формой реализации права на восстановление срока исковой давности является заявление истцом – физическим лицом процессуального ходатайства о восстановлении срока. Принимая во внимание, что исковая давность восстанавливается только при наличии определенных ГК РФ оснований, то одного заявления ходатайства о восстановлении срока очевидно недостаточно, т.к. необходимо представить доказательства наличия соответствующих оснований.

В абзаце 2 п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 43 прямо указано, что в соответствии со ст. 205 ГК РФ в исключительных случаях суд может признать уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца – физического лица, если последним заявлено такое ходатайство и им представлены необходимые доказательства.

Вместе с тем как реализация лицом, участвующим в деле, процессуальных правомочий, так и представление доказательств на стадии судебных прений невозможны, а значит истец – физическое лицо лишается возможности применения судом института восстановления срока исковой давности при заявлении ответчиком о пропуске истцом исковой давности на стадии судебных прений.

В контексте анализируемой проблемы следует подчеркнуть, что применение ст. 165 АПК РФ и ст. 191 ГПК РФ не является безусловным, не связано исключительно с просьбой стороны спора о применении данных норм, а относится к сфере судебной усмотрения. Следовательно, при заявлении ответчиком о пропуске истцом исковой давности истец несет риски того, что суд возобновит рассмотрение дела по существу (возобновит исследование доказательств).

В целом следует констатировать, что предоставление ответчику возможности заявления о пропуске истцом срока исковой давности на стадии судебных прений формирует принципиально иную модель судебного разбирательства по делам, в которых подлежат применению нормы об исковой давности. В неосознанно

формируемой в Постановлении Пленума ВС РФ № 43 модели судебного разбирательства вопрос исковой давности должен начинаться не с заявления ответчика о пропуске такого срока истцом, а с заявления самого истца о том, что такой срок не пропущен, т.е. заявление истца об исковой давности предваряет заявление ответчика об этом. Упущение истцом процессуальной возможности заявления об отсутствии оснований применения норм об исковой давности, представления возражений и доказательств иного начала течения срока исковой давности, наличия оснований приостановления и перерыва срока исковой давности, возможности заявления ходатайства о восстановлении срока исковой давности может повлечь принятие судом решения об отказе в иске. Причем такое решение в отсутствие квалифицированных возражений истца и соответствующих доказательств может быть принято при неверном применении норм материального права и неверной оценке фактических обстоятельств, когда суд применяет исковую давность, основываясь только на заявлении ответчика и при отсутствии возражений и доказательств истца об обратном. Исправление судебной ошибки при пересмотре судебных актов в вышестоящих инстанциях может не последовать ввиду особенностей производства в соответствующих судебных инстанциях, в т.ч. в связи с ограничением права стороны представлять доказательства в суде вышестоящей инстанции, если о таких доказательствах лицо не заявляло в суде первой инстанции или заявляло, но суд необоснованно отказал в удовлетворении ходатайства стороны о приобщении доказательств.

Таким образом, изменение устоявшегося и широко применяемого подхода к порядку заявления ответчиком о пропуске истцом исковой давности путем предоставления ответчику процессуальной возможности заявить об этом на стадии судебных прений представляется неоправданным и нарушающим основные (базовые) принципы судопроизводства. Представляется, что такие изменения во всяком случае должны были стать предметом широкого обсуждения прежде, чем попасть в текст Постановления Пленума ВС РФ № 43.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 1138 с.
5. О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» и от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.2017 № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 4.

6. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

7. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.11.2001 № 15, Пленума ВАС РФ от 15.11.2001 № 18 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 1.

8. Семенова А.А. О некоторых проблемах доказывания по делам о признании недействительными сделок по отчуждению жилых помещений // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 12. С. 18-21.

УДК 347.9

А.В. Одинокова

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

E-mail: happygirl2101@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ МЕР ПОВЫШЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются меры повышенной гражданско-правовой ответственности в контексте специального субъектного состава. Анализируются подходы к пониманию мер юридической ответственности. Раскрывается содержательный аспект мер повышенной юридической ответственности через призму государственного принуждения и статуса специального субъекта. Автором сформулировано предложение о понятии мер повышенной юридической ответственности специального субъекта. Анализируются нормы, устанавливающие меры повышенной юридической ответственности специальных субъектов, которые применяются независимо от наличия вины при наступлении неблагоприятных последствий для третьих лиц в виде причинения вреда. Рассмотрены случаи законодательного закрепления мер повышенной юридической ответственности специального субъекта.

Ключевые слова: повышенная юридическая ответственность, гражданское право, специальный субъект, меры гражданско-правовой ответственности.

A. V. Odinkova

postgraduate student of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of Russia

E-mail: happygirl2101@mail.ru

THE CONTENT OF MEASURES OF INCREASED LEGAL RESPONSIBILITY OF A SPECIAL SUBJECT IN THE CIVIL LAW SPHERE

The article deals with the measures of increased civil liability in the context of a special subject composition. The approaches to understanding the measures of legal responsibility are analyzed. The article reveals the content aspect of measures of increased legal responsibility through the prism of state coercion and the status of a special subject. The author formulates a proposal on the concept of measures of increased legal responsibility of a special subject. The article analyzes the rules establishing measures of increased legal liability of special subjects, which are applied regardless of the presence of guilt in the event of adverse consequences for third parties in the form of harm. Cases of legislative fixing of measures of the increased legal responsibility of the special subject are considered.

Key words: increased legal responsibility, civil law, special subject, measures of civil liability.

Учитывая то, что повышенная юридическая ответственность специального субъекта – это особый вид юридической ответственности, применяемый за совершение правонарушения в конкретно определенной сфере лицом, обладающим рядом детерминированных характеристик и специфических признаков, зафиксированных в соответствующих нормативных правовых актах, нормы которых были нарушены, необходимо изучить содержание мер данного вида ответственности и выявить их особенности в сфере гражданско-правового регулирования.

Мы разделяем позицию, согласно которой меры юридической ответственности за противоправные деяния могут характеризоваться с учетом признаков, присущих государственному принуждению. Понятие «меры государственного принуждения» по своему содержанию является более широким и включает в себя меры юридической ответственности как особой, занимающей доминирующее положение разновидности в системе принудительных мер.

Н.В. Макарейко характеризует государственное принуждение как «вид социального принуждения, основанную на праве систему мер, применяемых уполномоченными субъектами в установленном процессуальном порядке, влекущих наступление лишений физического, психического, материального или организационного характера, направленных на обеспечение правопорядка и безопасности, стимулирование правомерного поведения» [5, с. 14]. Исходя из этого понимания, можно говорить о том, что государственное принуждение представляет собой особое воздействие на субъектов правовых отношений, его реализация неразрывно связана с проявлением воли государства в лице его компетентных уполномоченных органов и должностных лиц в целях осуществления эффективного управления, обеспечения законности и общественного порядка, безопасности граждан и общества в целом.

Целевое назначение государственного принуждения заключается в превенции совершения новых правонарушений, перевоспитании и исправлении правонарушителей, обеспечении нормального функционирования государства и защиты граждан и общества от противоправных посягательств. Важно отметить, что осуществление государственного принуждения как сложной многоэлементной процедуры возможно исключительно со стороны специально уполномоченных органов государственной власти, т.е. соответствует критерию легитимности и выражает демократическое содержание.

Меры государственного принуждения являются обособленной группой, объединенной совокупностью различных критериев, и выступают правовой формой выражения принуждения, исходящего со стороны государства, которое таким образом формирует и реализует свою волю, издавая соответствующие властные предписания, направленные на упорядочивание общественной жизни. Можно говорить о том, что мера принудительного характера представляет собой тот количественный (и качественный) показатель, своего рода «мерную чашу»,

«грань», которой определяется размер, вид и другие особенности принуждения, применяемого в отношении лиц, совершивших правонарушения.

Меры юридической ответственности – это особый подвид в структуре существующих принудительных мер, который занимает центральное положение в системе государственного принуждения, позволяет обеспечить применение предусмотренных санкций в отношении лиц, совершивших правонарушения, а также восстановить нарушенные права конкретных субъектов правовых отношений, предупредить возникновение новых противоправных деяний. Меры юридической ответственности выступают своеобразным «мерилом», определяющим количественные и качественные характеристики государственного принуждения.

За методологическую основу для изучения повышенной юридической ответственности в сфере гражданского права мы взяли идеи, выработанные А.М. Хужиным, где «установление законом случаев строгой юридической ответственности обусловлено целями повышения внимательности и осмотрительности в правовом поведении участников оборота и гарантией обеспечения безопасности наиболее уязвимой стороны отношений» [7, с. 15].

Гражданско-правовая ответственность возникает за совершение гражданского правонарушения и находит свое выражение в применении мер ответственности, которые предусмотрены нормами гражданского права. Поскольку меры гражданско-правовой ответственности могут быть установлены и в гражданско-правовом договоре, выделяется также договорная ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности. Непосредственно сами меры договорной гражданско-правовой ответственности и фактические основания, вызывающие наступление такого вида ответственности, могут быть детально конкретизированы в гражданско-правовом договоре. Внедоговорная ответственность возникает в результате причинения вреда (деликта). Для реализации мер ответственности необходимо наличие правонарушения.

По мнению Д.Н. Кархалева, под мерами гражданско-правовой ответственности следует понимать предусмотренные законом санкции, которые могут применяться судом или же осуществляться в добровольном порядке в рамках охранительного правоотношения в виде возложения конкретного объема эквивалентных лишений имущественного характера для обеспечения реализации и защиты гражданских прав, а также наказания лиц, совершивших правонарушение [3, с. 10-11]. На наш взгляд, раскрывая содержание понятия «меры гражданско-правовой ответственности», более оправданно вместо термина «санкции» употребить «меры принудительного характера». Меры гражданско-правовой ответственности сформулированы (закреплены) в санкции правовой нормы путем обозначения неблагоприятных последствий, возникающих в результате нарушения установленных обязанностей.

Статья 69 ГК РФ предусматривает «повышенную» ответственность полных товарищей по всем обязательствам товарищества. Мы разделяем точку зрения Е.Е. Богдановой, которая считает, что субсидиарная ответственность полных товарищей по обязательствам товарищества является безвиновной. Лица, осуществляющие деятельность в сфере предпринимательства, по общему правилу несут ответственность независимо от вины [1, с. 28].

Особая область предпринимательских отношений, которая характеризуется высоким риском и непредсказуемостью, а также затрагивает экономические интересы участников таких отношений, обуславливает «усиление» предъявляемых законодателем требований, несоблюдение которых влечет применение соответствующих мер ответственности. Именно специальный статус полного товарища является своего рода основанием, без которого невозможна реализация предусмотренных мер. Следует также отметить, что не существует каких-либо ограничений, касающихся объема или характера требований, которые могут быть предъявлены к лицу, несущему субсидиарную ответственность (в данном случае к полному товарищу). Иными словами, к полным товарищам как к специальным субъектам применяются такие меры, как взыскание упущенной выгоды, уплата неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, а также возмещение взысканных с основного должника в пользу кредитора судебных расходов.

Установленное пунктом 3 статьи 401 ГК РФ общее правило о строгой юридической ответственности в обязательствах при осуществлении предпринимательской деятельности также доказывает особую природу предпринимательских отношений и обозначение статуса предпринимателей как специального, что вызывает обоснованную реакцию государства в форме предъявления повышенных требований и применения закрепленных мер ответственности в отношении указанной категории лиц.

К лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность и нарушившим в результате ее осуществления исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, могут быть применены такие меры ответственности, как взыскание убытков и компенсация, независимо от наличия или отсутствия их вины. Интересным видится позиция Ф.А. Музыки, который считает, что в указанной сфере общественных отношений, связанной с реализацией исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, установленные действующим гражданским законодательством меры ответственности имеют особый характер [6, с. 10]. Ученый выделяет два вида компенсаций, взыскиваемых при нарушении исключительных прав на произведения и объекты смежных прав: оценочная и штрафная.

Оценочная компенсация в качестве меры гражданско-правовой ответственности, основное предназначение которой заключается в восполнении предполага-

емых имущественных потерь потерпевшей стороны, применяется вместо взыскания убытков и не зависит от наличия или отсутствия вины правонарушителя.

Штрафная компенсация как мера гражданско-правовой ответственности направлена не только на возмещение потерпевшему непосредственно причиненных совершенным правонарушением убытков, но и возможных в дальнейшем потерь, носящих имущественный характер, которые не могут быть определены при рассмотрении иска. При этом штрафная компенсация может взыскиваться независимо от вины лица в случае его недобросовестного поведения, выраженного в продолжении совершения нарушения после получения требования о его прекращении от правообладателя.

Таким образом, необходимость особого регулирования сферы интеллектуальной собственности и обеспечения эффективной защиты прав правообладателей обуславливает существование более жестких «усиленных» требований к профессиональным участникам экономического оборота.

Статья 1095 ГК РФ предусматривает основания возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг. Законодатель, закрепляя различные гражданско-правовые средства (в т.ч. обязанность продавца, изготовителя товара или исполнителя возместить причиненный вред потерпевшей стороне независимо от их вины), позволяющие обеспечить безопасность и качество товаров, работ и услуг, стремится достичь трех основных целей: защитить права и интересы как неопределенного круга лиц в целом, так и конкретного потребителя; установить границы (рамки) для реализации определенного вида предпринимательства; повысить общий уровень конкуренции с последовательным развитием конкретной сферы потребительского рынка [4, с. 10].

Отсутствие у потребителей (как у слабой стороны) возможности реализации полноценной защиты своих прав и интересов по ряду существующих объективных причин обуславливает необходимость повышения требований к поведению продавцов, изготовителей и исполнителей, обладающих статусом специальных субъектов. В науке встречается позиция, согласно которой нужно в законодательном порядке повысить ответственность таких субъектов, как органы или лица, осуществляющие сертификацию систем менеджмента качества, за отсутствие надлежащего качества оказанных услуг, а также ненадлежащую реализацию последующих процедур контроля. «Усиление» ответственности данных субъектов должно происходить за счет введения субсидиарной ответственности в отношении органов или лиц, занимающихся осуществлением сертификации систем менеджмента качества участников предпринимательских отношений, производящих и реализующих товары, выполняющих работы или оказывающих услуги ненадлежащего качества, в случае причинения вреда потребителям [2, с. 8].

Кроме того, потребитель, которому причинен вред вследствие выявленных недостатков (дефектов) товара,

работы или услуги, вправе требовать (в качестве меры ответственности) от продавца, изготовителя или исполнителя (как специальных субъектов) возмещения убытков (материальных затрат на ремонт, экспертизу, транспортировку, прочие имущественные потери).

Статьей 1079 ГК РФ устанавливается гражданско-правовая ответственность за вред, который причинен деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Более строгие требования, предъявляемые законодателем к владельцам источников повышенной опасности, и, соответственно, наделение последних особым (специальным) юридическим статусом обусловлены высокой степенью риска и опасности причинения вреда гражданам, обществу в целом. Существующая угроза безопасности диктует правила, устанавливающие меры повышенной юридической ответственности специальных субъектов, которые применяются независимо от наличия вины владельцев источников повышенной опасности при наступлении неблагоприятных последствий для третьих лиц в виде причинения вреда. Помимо того, что потерпевшая сторона в качестве меры ответственности, применяемой в отношении правонарушителя, может требовать возмещения имущественных потерь, она также может заявлять о необходимости компенсации морального вреда.

В статье 1100 ГК РФ устанавливаются случаи возмещения морального вреда независимо от вины. К таким случаям относится и причинение вреда жизни и здоровью граждан источником повышенной опасности.

Таким образом, можно говорить о том, что компенсация морального вреда может применяться и за невиновное деяние и является мерой повышенной гражданско-правовой ответственности специальных субъектов.

Необходимо отметить, что применение мер повышенной гражданско-правовой ответственности за вышеуказанные случаи невиновного поведения не подразумевает применение принципа объективного вменения. Наоборот, «нормы гражданского законодательства, допускающие возможность возложения "ответственности без вины", таковыми не являются, а предполагают повышенные требования к поведению участников гражданского оборота в конкретных ситуациях» [8, с. 188]. Более того, субъективным условием ответственности «независимо от вины» является неопровержимая презумпция виновности [9, с. 15].

На основании изложенного можно сформулировать, что меры повышенной юридической ответственности специального субъекта – особая разновидность (категория) мер государственного принуждения, которая может применяться за совершение правонарушений в различных сферах общественных отношений исключительно в отношении лиц, обладающих особым юридическим статусом (специальным статусом), подразумевающим наличие дополнительных и (или) более жестких требований, существование которых обусловлено спецификой профессиональной деятельности, сферой отношений, требующей тщательного контроля со стороны органов государственной власти.

Литература

1. Богданова Е.Е. Правовое регулирование субсидиарной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 38 с.
2. Гридин А.В. Гражданско-правовые способы обеспечения качества товаров, работ и услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 22 с.
3. Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
4. Курепина М.В. Система гражданско-правовых средств обеспечения субъективных прав потребителя на качество и безопасность товаров, работ и услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 23 с.
5. Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности (теоретические и прикладные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 68 с.
6. Музыка Ф.А. Компенсация как способ защиты исключительных прав на произведения и объекты смежных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
7. Хужин А.М. Невиновное поведение в праве (общетеоретический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2013.
8. Хужин А.М. Объективное вменение за невиновное деяние: проблема научного переосмысления судебной практики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (12). 2010. С. 187-189.
9. Хужин А.М. Проблема юридической ответственности за невиновное поведение: пути решения // Российский судья. 2012. № 10. С. 14-17.

УДК 347.71

Д.В. Пятков, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: pitkov@yandex.ru

ФИЗИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК ВИД ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье предпринята попытка определить сущность физического лица с позиций российской юриспруденции досоветского периода с учетом мнения известных зарубежных ученых и традиций римского права. Физическое лицо рассматривается как правосубъектность человека, его свойство, средство его участия в гражданском обороте. Предпринята попытка обосновать целесообразность правового регулирования банкротства в той ситуации, когда должник умер. Показаны особенности физического лица как гражданской правосубъектности человека. Обращено внимание, что физическое лицо – это один из видов гражданской правосубъектности. Другой вид – юридические лица. Для физических лиц характерна постоянная динамика, обусловленная изменением потребностей человека и необходимостью приобретать новые возможности участия в гражданском обороте. Автор утверждает, что индивидуальный предприниматель как субъект права – физическое лицо, которое существовало до государственной регистрации. Приобретение человеком статуса индивидуального предпринимателя увеличивает объем гражданской правосубъектности, но не влечет возникновения еще одной правосубъектности, появление еще одного субъекта права.

Ключевые слова: человек, субъект права, физическое лицо, правосубъектность, персона, маска, предпринимательская деятельность, индивидуальный предприниматель.

D.V. Pyatkov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai State University
E-mail: pitkov@yandex.ru

NATURAL PERSON AS A KIND OF LEGAL PERSONALITY IN CIVIL LAW AND BUSINESS

The article attempts to define the essence of a natural person from the positions of the Russian jurisprudence of the pre-Soviet period, taking into account the opinion of famous foreign scholars and the traditions of Roman law. The author suggests distinguishing between a human and a natural person, believes that this is not the same thing. Observations of the author and his conclusions are attached to the modern practice of bankruptcy of individual. An attempt was made to justify the expediency of legal regulation of bankruptcy in the situation when the debtor died. The death of a debtor as a human does not mean the disappearance of the corresponding natural person. The subject of legal relations can be preserved by the will of the legislator as long as this is necessary for the purposes of legal regulation. The features of a natural person as a civil personality of a human are shown. Attention is drawn to the fact that a natural person is one of the types of civil personality. Another type is legal entities. For natural person there is a constant dynamic, conditioned by changing human needs and the need to acquire new opportunities for participation in civil circulation. It is concluded that the state of full legal capacity for a individual is unattainable. The author claims that an individual entrepreneur as a subject of law is a natural person who existed before the state registration. The acquisition by a person of the status of an individual entrepreneur increases the scope of civil legal personality, but does not entail the emergence of another legal personality, the emergence of another subject of law.

Key words: individual, subject of law, natural person, legal personality, personality, mask, entrepreneurial activity, individual entrepreneur.

Обычно говорят о правосубъектности физического лица, подразумевая, что физическое лицо – это человек. Физическое лицо и человек в настоящее время отождествляются, а правосубъектность рассматривается как свойство физического лица (человека) в области права, его качественная характеристика. Между прочим, правовые отношения многие юристы склонны понимать как общественные отношения, урегулированные нормами права, т.е. опять же как отношения между людьми. Причем, человек в гражданском праве почему-то назван лицом. Заметно по нашему гражданскому законодательству, как борются в нем два термина «гражданин» и «физическое лицо» за то, чтобы считаться синонимом слова «человек». Ведь вряд ли кто-то сомневается, что гражданин – это человек. Если что изменится с победой «физического лица» в этой борьбе, так это мы перестанем читать в законе «гражданин» и подразумевать при этом иностранцев и лиц без гражданства, для таких случаев у нас перед глазами всегда будет словосочетание «физическое лицо». В общем, в этом вопросе наше гражданское право кажется вполне логичным, имеющим хорошие перспективы развития, если бы ни одно обстоятельство: в начале было не так.

Под началом подразумевается римское право, чьи принципы, логику, термины мы восприняли в той или иной мере. Н.Л. Дювернуа пишет, что правосознание его современников «не ставит понятие личности так обособленно от человека, как это было у римлян» [5, с. 245]. То есть римляне были склонны к обособлению лица и человека. Надо полагать, что это обособление было нормой не только для рабов, но для всех людей вообще. Оно и понятно, если учесть, что словом «лицо» мы склонны переводить латинский термин «persona», означающий маску, которой пользуется человек, но которая не есть человек.

В отечественном праве эта традиция различать человека и физическое лицо активно поддерживалась, в частности, Г.Ф. Шершеневичем [11, 12], Е.Н. Трубецким [10, с. 166-168]. Г.А. Гаджиев приводит следующую цитату из книги Е. Спекторского: «...даже понятие физического лица является чем-то надэмпирическим... Это понятие является как бы метафизической маской, личиной, надеваемой на людей юриспруденцией, – подобно той маске с очень широким ртом этрусского происхождения, которую носили римские актеры и которая называлась persona» [2, с. 17]. Зарубежная юриспруденция также не потеряла из виду римскую традицию. Г.А. Гаджиев пишет, что О. Гирке и Г. Кельзен не отождествляли человека с правовым субъектом, считая юридический субъект невидимым и неосознаваемым (О. Гирке), понимая лицо как нечто совершенно искусственное (Г. Кельзен) [2, с. 19].

По мнению Н.Л. Дювернуа, сформулированному совершенно понятным для нас образом, т.е. в категориях, близких для современной юриспруденции, «понятие личности в гражданском праве может быть отождествлено с понятием конкретной гражданской правоспособности» [5, с. 237]. То есть у физического лица нет

правоспособности, потому что оно само есть правоспособность человека. По мысли классика, не человека нужно отождествлять с физическим лицом и наделять их правоспособностью, а правоспособность следует отождествлять с лицом, отличая их от человека и признавая их за человеком.

Примечательно, что в современной отечественной юриспруденции показанные выше взгляды классиков на субъекты гражданского права созвучны той критике, которой время от времени подвергается господствующая ныне теория правоотношения. Например, авторы очерка о гражданском правоотношении называют «прямым эффектом бесцельного изучения соответствующей проблематики» ситуацию, когда студент не может вспомнить о правоотношении ничего, кроме популярного определения правоотношения как общественного отношения [1, с. 208]. Сами авторы склонны соглашаться с пониманием правоотношения как научной абстракции; считают его приемом научного мышления, позволяющим представить юридические последствия взаимных действий субъектов фактических отношений; определяют правоотношение как отражение общественного отношения в глазах исследователя [1, с. 210-211]. Понятно, что при таком подходе субъект правоотношения, даже физическое лицо, не может иметь характеристики физического мира. Отражение, каким бы точным оно ни было, не может отождествляться с отражаемым явлением.

Но может быть разграничивать человека и лицо (добавим здесь: общественное отношение и правоотношение) является не тем случаем, когда надо чтить традиции? Ведь не все взято современной юриспруденцией из римского права. Если работает тождество физического лица и человека и не доставляет проблем на практике (добавим здесь: хорошо заучивается студентами определение правоотношения как общественного отношения и не создает проблем на экзамене), стоит ли вспоминать прошлое и ставить под сомнение существующий порядок вещей? Но в том и дело, что тождество физического лица и человека не всегда способно помочь, а иногда становится серьезным препятствием в теории, практике и законотворчестве. Между тем нам не известны случаи, когда бы «постановка личности обособленно от человека» давала бы сбой теоретического или практического характера.

Приведем такой пример. Российское законодательство о банкротстве давно предусматривает возможность банкротства индивидуальных предпринимателей, но только с 2015 г. появились нормы, регулирующие банкротство умерших граждан.

Согласно ст. 223.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) в редакции Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] производство по делу о банкротстве гражданина может быть возбуждено после его смерти. Гражданин посмертно может быть признан бан-

кротом. Неоднократно доводилось наблюдать усмешку коллег в адрес законодателя по поводу этого нововведения: как можно банкротить того, кого уже нет в жизни и не может быть в правоотношениях, ведь процедуры банкротства – это совокупность правовых отношений, которые немислимы без субъекта, в частности должника. Приведенная норма вызывает у специалистов недоверие, иногда протест. Впрочем, у юристов точно такую же реакцию способны вызвать нормы ст. 1174 и 1175 ГК РФ, в которых закреплено, что кредиторы наследодателя в определенных случаях должны предъявлять иск к наследственному имуществу. Это требование законодателя строить правовые отношения с объектом прав, а не субъектом грубо нарушает логику права.

Проблема в утрате субъекта в правоотношениях: умирает человек – исчезает физическое лицо – нет должника и субъекта прав на имущество – приходится выстраивать отношения с имуществом до появления наследников. Иная ситуация в случае с банкротством: умирает человек – исчезает физическое лицо – нет должника и субъекта прав на имущество – приходится делать вид, что ничего не произошло и должник на месте, с ним можно выстраивать правовые отношения. Оба решения кажутся неправильными или сомнительными только в силу тождества человека и физического лица: теряя человека в жизни, мы теряем физическое лицо, рушатся правовые отношения, правовое регулирование оказывается невозможным. Возникает желание отвергнуть оба варианта, оставляя проблему без решения. Но если отказаться от тождества «человек – физическое лицо», оценка ситуации меняется радикальным образом. Поправки, внесенные в Закон о банкротстве и допускающие банкротство умершего гражданина, выглядят вполне логичными, могут быть оценены как гораздо более удачное решение, нежели то, которое мы видим в ст. 1174 и 1175 ГК РФ. Предъявлять иск к имуществу в любом случае неправильно, а вот регулировать банкротство в случае смерти должника можно и нужно. Однако требуется сделать ряд уточнений.

Название § 4 гл. X и ст. 223.1 Закона о банкротстве следует изменить, заменив слово «гражданин» словосочетанием «физическое лицо». Такая замена давно и постепенно происходит во всем нашем гражданском законодательстве, но дело не только в унификации терминологии. Вводя термин «физическое лицо», мы получаем возможность осуществлять полноценное правовое регулирование банкротства в ситуации, когда умер один из основных участников общественных отношений, прекратилось его физическое существование. Если общественные отношения в таких случаях подвергаются существенному изменению, то правоотношения, им сопутствующие, но к ним не сводимые, могут сохраняться по законодательному определению ровно столько, сколько нужно для разрешения всех возможных коллизий в общественной жизни. Устойчивость правовых связей обеспечивается за счет разграничения человека и его лица и вовлечения в правоотношения не человека, а именно его лица (образа, отражения, маски

и т.д.). Г.Ф. Шершеневич считал, что всякий субъект прав – это юридическое представление, свойство человека, созданное объективным правом [11]. Банкротству подвергается не сам человек, а именно юридическое представление о нем, с которым сопряжены субъективные права и обязанности. Человек как живое существо не нужен ни арбитражному управляющему, ни кредиторам. Весь их интерес прикован к его активам и долгам, а задача процедур банкротства заключается не в том, чтобы организовать общение с человеком, а в том, чтобы справедливо распределить между кредиторами активы, оставшиеся после смерти должника. Поэтому правовое регулирование может быть успешным и достигнуть цели в отсутствие живого должника, но при наличии его лица, ассоциированного с некогда живым человеком, при наличии субъекта права, т.е., по выражению Г.Ф. Шершеневича, «центра, около которого волей закона объединяются юридические отношения, образуя обособленные комплексы» [12].

Физическое лицо – юридическое представление, свойство человека, принадлежащая ему маска, его правосубъектность. Надо заметить, что классики подобным образом характеризовали не только и не столько физическое лицо, сколько лицо вообще, т.е. всякое лицо в праве, всякий субъект правоотношений. Юридическое лицо – также юридическое представление, свойство, маска, правосубъектность. Надо полагать, это качества все того же человека. Юридическое лицо – это еще одно лицо человека, одно из нескольких его лиц. Физическое лицо и юридические лица, созданные при участии человека, можно рассматривать как разные виды принадлежащей ему правосубъектности [9, с. 33-40].

По мнению Н.Л. Дювернуа, цель правового регулирования может быть достигнута только «некоторым отрешением понятия личности от неперемного представления отдельного человека» [5, с. 250]. Выходит, что физические и юридические лица – это всего лишь различные формы отрешения понятия личности от представления отдельного человека. Различие между ними предопределено индивидуальным использованием физического лица и, как правило, совместным использованием юридического лица, а также сферой применения личности: физические лица находят применение в семейно-бытовых отношениях, а юридические лица применяются в профессионально-хозяйственной сфере. Последнее различие приблизительно, поскольку феномен индивидуального предпринимательства стирает практически полностью границы между физическими и юридическими лицами людей.

Физические и юридические лица, будучи однородными явлениями, различаются как виды, особенно это заметно в том, что касается момента и основания их возникновения, прекращения, ограничения, порядка и условий формирования. Интересный факт: законодатель определил момент возникновения физического лица (гражданской правоспособности человека) – рождение человека, но не стал определять момент его прекращения, ограничившись указанием на причину – граждан-

ская правоспособность прекращается смертью человека (ст. 17 ГК РФ). Не сказано «в момент смерти», что было бы логично, коль скоро применительно к появлению правоспособности сказано «в момент рождения». Это обстоятельство служит еще одним подтверждением той древней идеи, что не следует отождествлять лицо с человеком. Законодатель не решился дать точное определение момента прекращения гражданской правоспособности, поскольку существование физического лица очень часто необходимо после смерти соответствующего человека для целей правового регулирования. Формулировка «правоспособность прекращается смертью» дает физическому лицу настолько неопределенную отсрочку от полного исчезновения, насколько это необходимо для достижения практических целей.

Физическое лицо как гражданская правосубъектность особого вида у человека одно. Иной вывод противоречит букве закона и смыслу действующего законодательства. В ГК РФ о гражданской правоспособности и гражданской дееспособности гражданина говорится всегда в единственном числе. Насколько очевидно, что человек может обзавестись для целей участия в гражданском обороте несколькими юридическими лицами, настолько же очевидно, что физическое лицо ему предоставляется в единственном числе. Немаловажно учитывать, что и общий перечень возможных видов лиц гражданским законодательством предлагается как исчерпывающий: физические лица, юридические лица, публично-правовые образования (абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Об этом приходится говорить, поскольку практика изобилует примерами, когда участие человека в предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя представляется как появление нового (второго) лица. Это выражается, в частности, в попытках строить договорные обязательства с участием в них единственного человека, который сам себе дает деньги в займы, сдает в аренду свое имущество, покупает у себя, продает себе, принимает как индивидуальный предприниматель себя на работу в качестве наемного работника. В одном из решений по такого рода делам суд следующим образом мотивировал свою позицию: хотя трудовое законодательство и не содержит запретов на выполнение трудовых функций гражданином у себя на предприятии, в силу ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации трудовые отношения основаны на соглашении 2-х лиц, между работником и работодателем; поскольку работодатель и работник – одно и то же лицо, трудовой договор не может быть заключен [7].

Приобретение статуса индивидуального предпринимателя не удваивает его правосубъектность, не означает появление еще одного лица. Приобретение этого статуса означает увеличение объема гражданской правосубъектности человека, увеличение правоспособности и дееспособности. Лучше сказать, сокращается степень ограничения правосубъектности, как это происходило прежде, когда человек вырос и переходил из одной возрастной категории в другую. Государственная регистрация индивидуального предпринимателя не

дает права заниматься предпринимательской деятельностью, она позволяет осуществить это право в той мере, в какой это возможно только по факту государственной регистрации. Само же право осуществлять предпринимательскую деятельность появляется у человека задолго до государственной регистрации, о чем и говорят ст. 17 и 18 ГК РФ.

Нам могут возразить, что формирование гражданской правосубъектности завершается в случае с физическим лицом к 18 годам жизни человека. Об изменчивости гражданской правоспособности ГК РФ прямо не говорит (ст. 17 ГК РФ). Дееспособность же приобретает человеком в полном объеме к совершеннолетию (ст. 21 ГК РФ). На первый **взгляд** эта норма не оставляет никаких сомнений в том, что за порогом совершеннолетия нет изменений в существующей гражданской правосубъектности, а регистрация индивидуального предпринимателя может выглядеть как появление новой правосубъектности, поскольку дополнительные юридические возможности в результате регистрации гражданин все же приобретает. Прежде нам уже предоставлялась возможность высказаться на эту тему [8, с. 85-97]. Мы и теперь не склонны считать кого бы то ни было, и в первую очередь себя, полностью дееспособными людьми. Можно говорить о большей или меньшей степени приближения к этому состоянию, но ни для кого оно не достижимо. Даже регистрация в качестве индивидуального предпринимателя не обеспечивает полную свободу в гражданском обороте. Достаточно сказать, что некоторые виды деятельности исключают возможность заниматься предпринимательством (государственная служба, нотариальная деятельность), а некоторые виды предпринимательской деятельности допускаются только как исключительные (например, аудиторская деятельность). Если человек приобретет право заниматься всеми дозволенными законом видами деятельности (что невероятно ввиду многочисленности всевозможных публично-правовых ограничений), он все же обязан отказаться от аудиторской деятельности. Если же он выберет аудиторскую деятельность, лишит себя возможности заниматься предпринимательством в других направлениях.

Как же понимать ст. 21 ГК РФ? Следует учесть, что создана эта статья законодателем, перу которого принадлежат и все другие статьи ГК РФ, например ст. 23. Им же написано законодательство о лицензировании, о саморегулировании, о государственной регистрации юридических лиц и предпринимателей. Другими словами, у законодателя есть все права и возможности сделать исключения из сказанного однажды о полной дееспособности совершеннолетнего гражданина. В статье 21 ГК РФ сформулировано общее правило, презумпция, опровергаемая самим же законодателем, когда он позволяет совершать одни сделки при условии государственной регистрации в качестве предпринимателя, другие – при условии получения лицензии, третьи – при условии участия в саморегулируемой организации, четвертые – при условии отказа от других видов профес-

сиональных занятий. И так, мы, конечно же, полностью дееспособны со дня своего совершеннолетия... как правило. Но может ли кто-то заявить, что никакие исключения из этого правила на него не распространяются и не затрагивают его правосубъектность? Мы таких людей не знаем.

Таким образом, следуя традициям отечественной и зарубежной юриспруденции, принимая во внимание наследие римского права, повинуюсь неумолимой логике правового регулирования, скажем, что физическое лицо как субъект права – это один из видов проекции человека в область права, свойство человека, его представление, разновидность гражданской правосубъектности человека. Как и любая другая гражданская правосубъектность, физическое лицо связано с человеком, соответствует ему, но не сводимо к человеку, не тождественно ему. Особенность правосубъектности под названием «физическое лицо» заключается в ее универсальности,

она используется человеком как для участия в бытовых отношениях, сопровождающих человека в его повседневной жизни, так и для осуществления профессиональной деятельности, в частности для занятия предпринимательством. Потенциал физического лица таков, что при необходимости оно может быть изменено, подготовлено для удовлетворения новых потребностей человека: государственная регистрация индивидуального предпринимателя, получение лицензии, вступление в саморегулируемую организацию, заключение договора страхования и т.д. Нет никаких оснований рассматривать индивидуального предпринимателя в качестве особого субъекта права, отличного от физических лиц. Если человек желает осуществлять предпринимательскую деятельность, формируя договорные обязательства без привлечения других людей, ему необходимо обзавестись еще одной гражданской правосубъектностью, создать еще одно лицо, на этот раз юридическое.

Литература

1. Бабаев А.Б., Белов В.А. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007.
2. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 49. Ст. 4552.
5. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение. Учение о лице / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 11.
7. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 8 августа 2006 г. по делу № А65-35128/05-СА1-37 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Пятков Д.В. Формирование правосубъектности предпринимателя // Журнал российского права. 2006. № 1.
9. Пятков Д.В. Лица людей // Российский юридический журнал. 2012. № 5.
10. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Том III, § 62 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. § 13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

УДК 347.952

А.М. Хужин, доктор юрид. наук, доцент

Нижегородская академия МВД России

E-mail: alfirhuzhin@mail.ru;

А.В. Михин, канд. юрид. наук, доцент

Нижегородская академия МВД России

E-mail: oksan_86@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛНЕНИЯ (НЕИСПОЛНЕНИЯ) СУДЕБНЫХ АКТОВ

В статье рассматриваются проблемы исполнения судебных актов, а также возможность применения мер воздействия на должника в случаях их неисполнения. Проблемные вопросы удержания исполнительского сбора Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации заслуживают пристального внимания, поскольку действия судебных приставов-исполнителей, связанные с его взыванием, нередко оспариваются должниками на предмет правомерности взывания. Применение нового вида судебного штрафа, обеспечивающего защиту кредитора (взыскателя), также вызывает повышенный интерес в исследовании.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов России, исполнительное производство, исполнительский сбор, должник, обжалование действий судебного пристава-исполнителя, защита прав взыскателя, астрент.

A.M. Khuzhin, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: alfirhuzhin@mail.ru;

A.V. Mikhin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: oksan_86@mail.ru

ABOUT SOME PROBLEMS OF EXECUTION (NON-EXECUTION) JUDICIAL ACT

The article deals with the problems of execution of judicial acts, as well as the possibility of applying measures of influence on the debtor in cases of non-execution. The collecting of performing gathering, the Federal bailiff service of Russia deserve special scrutiny because of actions of court enforcement officers-executors associated with its recovery are often disputed by the debtors on the subject of legality of the recovery. The use of a new type of court fine, providing protection to the creditor (claimant) is also of increased interest in the study.

Key words: Federal service of court bailiffs of Russia, Executive production, performing collection, debtor, appeal of actions of judicial police officer-executor, the protection of the rights of the creditor, astrent.

На современном этапе функционирования судебных и административных юрисдикционных органов механизм реализации принятых ими решений имеет ряд проблем, требующих своевременной реакции со стороны судейского сообщества, ученых – практиков и теоретиков.

В рамках данной статьи обратим внимание на ряд принципиальных моментов, связанных с исполнением либо неисполнением судебных актов.

В журналах, посвященных юридической тематике, большое количество научных статей тем или иным образом освещают проблемные аспекты процедуры взыскания исполнительского сбора [3, с. 68-74].

Анализируя мнения различных ученых по вышеуказанной проблематике, можно прийти к выводу о том, что исполнительский сбор исключительно как правовой институт исполнительного процессуального права имеет положительные корни.

На наш взгляд, потенциальная возможность удержания с должника установленного законом размера исполнительского сбора искусственно подталкивает его к исполнению судебных и административных актов в предусмотренные российским законодательством сроки [1, с. 17-20].

Поэтому вполне обоснованно проанализировать все процессуальные нюансы взыскания исполнительского сбора с тем, чтобы минимизировать реализацию права на оспаривание действий должностных лиц Федеральной службой судебных приставов России (далее – ФССП России) со стороны недобросовестных субъектов исполнительного производства.

Возникновение проблемных моментов в процессе применения механизма удержания с должника исполнительского сбора явилось основной причиной издания ФССП России «Методических рекомендаций о порядке взыскания исполнительского сбора» [5]. При этом должники все чаще и чаще стали обращаться с заявлениями об отсрочке или о рассрочке взыскания исполнительского сбора, об уменьшении его размера или освобождении от взыскания исполнительского сбора.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым разъяснить отдельные статьи законодательства об исполнительном производстве, посвященные определению размеров и правомерности удержания исполнительского сбора с должников (физических лиц).

Понятие исполнительского сбора регламентируется ст. 112 федерального закона «Об исполнительном производстве»: «Исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства. Исполнительский сбор зачисляется в федеральный бюджет» [8].

Мы также поддерживаем точку зрения ученого В.А. Гуреева относительно фискальной и санкционной направленности исполнительского сбора [3, с. 68-69].

Анализируя практику Верховного Суда РФ, следует придерживаться п. 78 Постановления от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [6]. Фактически Верховный Суд РФ приравнивает исполнительский сбор по своим свойствам к административному штрафу, таким образом, законодательство обязывает должника выплатить в пользу государства дополнительную денежную сумму при несовершении должником необходимых действий в ходе исполнения судебного акта или административного постановления.

По нашему мнению, несомненно, исполнительский сбор является своего рода штрафом, который взыскивается с должника, отказывающегося исполнить, например, решение суда общей юрисдикции добровольно. При этом удержание с должника денежной суммы в размере исполнительского сбора должно осуществляться в строгом соответствии с действующим исполнительно-процессуальным законодательством. Так как нередко должностные лица территориальных ПССП при наложении ареста на имущество в сумму основного долга включают и размер исполнительского сбора.

Потенциальные процессуальные нарушения со стороны судебных приставов-исполнителей в большинстве своем встречаются на этапе разрешения вопроса о принятии дела к своему производству и стадии подготовки судебного пристава к применению принудительных мер исполнения. Так как в рамках данных стадий должностное лицо ПССП совершает наибольший объем исполнительных действий, ориентированных на своевременное исполнение требований исполнительного документа.

В случае принятия дела к своему производству судебный пристав обязан вынести следующие процессуальные документы:

- постановление о возбуждении исполнительного производства;
- постановление о взыскании исполнительского сбора.

На основании п. 7 ст. 12 Закона «Об исполнительном производстве» постановление о взыскании исполнительского сбора приравнивается по своим процессуальным свойствам к исполнительному документу. Само постановление должно содержать:

а) для граждан – фамилия, имя, отчество, место жительства или место пребывания, а для должника также – дата и место рождения, место работы (если оно известно), и для должника, являющегося индивидуальным предпринимателем, также – дата и место его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, идентификационный номер налогоплательщика;

б) для организаций – наименование, место нахождения, фактический адрес (если он известен), дата государственной регистрации в качестве юридического

лица, идентификационный номер налогоплательщика» [8].

В целях исключения возможных процессуальных нарушений при применении в отношении должника штрафной санкции в виде исполнительского сбора должностным лицам ПССП предлагается проверять персональные данные субъектов, указанных в постановлении о взыскании исполнительского сбора, в частности должника и взыскателя. И только потом вручать данные постановления надлежащим процессуальным субъектам.

Довольно часто судебный пристав нарушает предусмотренную действующим законодательством процедуру направления и вручения должнику постановления о возбуждении исполнительного производства.

В целях обеспечения единообразной правоприменительной практики по взысканию исполнительского сбора в деятельности территориальных подразделений службы судебных приставов, а также ввиду частых судебных запросов ФССП России на основании действующего процессуального законодательства и судебной практики разработала «Методические рекомендации о порядке взыскания исполнительского сбора» [5].

Данные методические рекомендации закрепляют алгоритм действий судебного пристава-исполнителя на стадии возбуждения исполнительного производства. В рамках данной стадии перед судебным приставом-исполнителем стоит задача надлежащего уведомления должника о возбуждении в отношении него исполнительного производства.

ФССП России в п. 2.4 «Извещение должника о возбуждении исполнительного производства» методических рекомендаций обобщает способы надлежащего уведомления должника, содержащиеся в различных кодифицированных нормативных правовых актах.

Считаем, что наиболее эффективными и легко доказуемыми способами уведомления должника о возбуждении в отношении него исполнительного производства являются:

- «1) вручение постановления о возбуждении исполнительного производства лично должнику под роспись;
- 2) направление должнику постановления заказным письмом с обратным почтовым уведомлением о вручении или невручении» [5].

Другие способы уведомления должника, например, такие как: «СМС-оповещение, автоматический обзвон, телефонограммой, телеграммой, с использованием электронной, иных видов связи и доставки», на наш взгляд, должны применяться только с согласия самого извещаемого лица [5].

Действующее законодательство об исполнительном производстве предъявляет требования к содержанию постановления о возбуждении исполнительного производства. На наш взгляд, помимо общих реквизитов, постановление должно обязательно включать в себя:

- указание на сроки, которые предоставляются должнику для добровольного исполнения;

- предупреждение должника о возможных санкциях добровольного неисполнения судебного постановления или административного акта.

При этом судебный пристав-исполнитель в целях возможного дальнейшего доказывания надлежащего уведомления должника должен приложить к делу об исполнительном производстве все почтовые уведомления [2]. Юридическим последствием надлежащего вручения должнику постановления о возбуждении исполнительного производства является начало течения срока для добровольного исполнения требований, указанных в исполнительном документе.

Существенное значение имеет день вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора. На основании пункта 2.3.3 методических рекомендаций постановление выносится в день, следующий за днем окончания срока для добровольного исполнения требований исполнительного документа, установленного судебным приставом-исполнителем либо исполнительным документом, за исключением исполнительных документов, подлежащих немедленному исполнению.

Большое значение в процессе доказывания законного удержания с должника исполнительского сбора имеет наличие в материалах дела документов, свидетельствующих об уведомлении должника о возбуждении в отношении него исполнительного производства.

В административной практике достаточно много конфликтных правовых ситуаций, в которых страдают обычные граждане. Суть данных ситуаций заключается в следующем: физическое лицо получает на мобильный телефон сообщение «Ваша банковская карта заблокирована, справки по тел.****», в большинстве случаев ФССП РФ блокирует зарплатный счет. При этом кредитная организация, исполняя требование судебного пристава-исполнителя о наложении ареста на денежные средства должника, блокирует весь счет целиком, поэтому гражданин-должник не имеет возможности воспользоваться услугами банка в полном объеме, пока счет не будет разблокирован.

Блокирование банковской карты банком законно, т.к. кредитная организация также несет ответственность за неисполнение требований судебного пристава-исполнителя. Направление постановления о наложении ареста на денежные средства должника в банк осуществляется, как правило, в рамках электронного документооборота.

Из данной практической ситуации можно выделить несколько конфликтных (рискованных) аспектов в деятельности должностных лиц территориальных подразделений службы судебных приставов при удержании с должников денежных средств в размере исполнительского сбора.

Во-первых, на практике материалы дела в рамках возбужденного исполнительного производства первоначально заполняются только в форме электронного документа, поэтому стороны исполнительного производства в установленном законом порядке не получают необходимых процессуальных документов.

Во-вторых, должник-владелец банковской карты, не имея никакой возможности распорядиться ею, должен предпринимать меры по ее разблокировке, выясняя при этом причины, по которым это произошло. В результате этого по собственной инициативе является в надлежащее территориальное ПССП.

Существенным является также тот факт, что правовой статус гражданина-владельца банковской карты точно не определен, т.к. в реальности он может и не быть должником. Поэтому у данного субъекта есть все основания для подачи жалобы на вышеуказанные действия судебного пристава-исполнителя, т.к. он не имел фактической возможности ознакомиться с постановлением о возбуждении исполнительного производства и постановлением о взыскании исполнительского сбора.

В-третьих, в своей практической деятельности должностные лица ФССП России зачастую не выясняют источники перечисления денежных средств на блокируемые банковские счета добросовестных должников. В практике достаточно много случаев, когда судебные приставы-исполнители накладывают арест на денежные средства, входящие в перечень, предусмотренный ст. 101 Закона «Об исполнительном производстве», что фактически также является основанием для обжалования действия судебного пристава.

Еще одной проблемой, связанной с надлежащим исполнением судебных актов, мы считаем возможность применения правил о судебной неустойке (астренте), появившуюся относительно недавно в гражданском законодательстве. Данная норма закреплена в ст. 308.3 ГК РФ «Защита прав кредитора по обязательству». В соответствии с данной нормой суд может удовлетворить требование кредитора о взыскании денежной суммы на случай неисполнения судебного акта в натуре.

Следует заметить, что правила об астренте не распространяются на все случаи неисполнения денежных обязательств. Более того, как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7, «судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена по спорам административного характера, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства и главы 24 АПК РФ, при разрешении трудовых, пенсионных и семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи, а также споров, связанных с социальной поддержкой» [7]. Остается

лишь рассуждать о возможности четкого разграничения гражданско-правовых обязанностей в смешанных обязательствах и иных комплексных отношениях.

Безусловно, судебная неустойка может рассматриваться в качестве меры гражданско-правовой ответственности, ибо отвечает всем ее признакам и условиям. Факт неисполнения должником обязательства об исполнении обязательства в натуре служит основанием для применения данной меры гражданско-правовой ответственности. Возникает соответствующий вопрос о возможности применения астрента при частичном исполнении либо ненадлежащем исполнении обязанностей. Из вмененной обязанности судебным приставам-исполнителям установления факта неисполнения или ненадлежащего исполнения решения суда, а также варьирования размера судебной неустойки (п. 33 Постановления № 7) подразумевается и возможность применения данной меры ответственности за факт ненадлежащего или частичного исполнения судебного постановления.

Судебную неустойку следует разграничивать с судебным штрафом, направленным на понуждение стороны к исполнению судебного акта. Правовая природа, а также основания применения данных мер воздействия отличаются. Если судебные штрафы относятся к мерам процессуального воздействия, предусмотренным процессуальными кодифицированными актами (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), то судебная неустойка выступает мерой гражданско-правовой ответственности, предусмотренной ГК РФ. Судебные штрафы применяются по инициативе суда и взыскиваются в доход федерального бюджета, тогда как судебная неустойка присуждается по инициативе кредитора и в его личный доход.

В ходе проведенного научного исследования отдельных проблем исполнения (неисполнения) судебных актов и актов иных юрисдикционных органов необходимо отметить, что ФССП России крайне заинтересована в неукоснительном исполнении принципов исполнительного производства. Поскольку от того, насколько точно судебный пристав будет следовать букве закона, напрямую зависит эффективность его деятельности, а также неотвратимость исполнения судебных актов. Применение же такой меры гражданско-правовой ответственности, как судебная неустойка (астрент), будет способствовать качеству и своевременности исполнения судебных постановлений.

Литература

1. Вешкурцева З. Новые реалии взыскания исполнительского сбора и штрафа за неисполнение постановления судебного пристава // Административное право. 2013. № 1. С. 17-20.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. А.А. Демичева. М., 2018. 304 с.
3. Гуреев В.А. Исполнительский сбор в современной модели исполнительного производства: штрафная санкция или плата за работу судебного пристава-исполнителя? // Законы России: опыт, анализ, практика. М., 2016. № 7. С. 68-74.
4. Ильин А.В. Снижение размера исполнительского сбора и его пределы // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 67-69.

5. Методические рекомендации о порядке взыскания исполнительского сбора [Электронный ресурс]: письмо ФССП России от 08.07.2014 № 0001/16. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: постановление Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

7. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

8. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

УДК 347.426.42:343.7

О.С. Черепанова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: olga41778@mail.ru

ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

В статье исследуются проблемы привлечения к гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда за совершение преступлений имущественного характера. На основе анализа противоречивой судебной практики, сложившейся при рассмотрении дел подобной категории, формулируется вывод о необходимости законодательного закрепления возможности компенсации морального вреда вследствие нарушений имущественных прав гражданина при доказанности причинения данным нарушением нравственных и психических страданий.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, преступление, нарушение, имущественные права.

O.S. Cherepanova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olga41778@mail.ru

THE PROBLEM OF COMPENSATION OF THE MORAL HARM CAUSED BY A CRIME OF PROPERTY CHARACTER (ACCORDING TO THE MATERIALS OF JUDICIAL PRACTICE)

The article examines the problems of bringing to civil liability in the form of compensation for moral harm for committing property crimes. Based on the analysis of contradictory judicial practice in considering cases of this category, is formulated the conclusion about the necessity of legislative consolidation of the possibility of compensation for moral harm due to violations of the property rights of a citizen in the proof of causing the violation of moral and mental suffering

Key words: moral harm, compensation, crime, a violation, property rights.

Действующее гражданское законодательство определяет моральный вред как нравственные или физические страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину (ст. 151 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК, ГК РФ) [2]). Данный вред при доказанности его причинения подлежит компенсации в денежной форме, размер которой определяется судом с учетом конкретной ситуации. Статья 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ [19] предусматривает право потерпевшего предъявить гражданский иск не только о возмещении имущественного вреда, но и о денежной компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Отсутствие в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве перечня общественно опасных деяний, при совершении которых возникает возможность потребовать компенсации морального вреда, дает некоторым исследователям основание полагать, что потерпевший имеет право на данную компенсацию вне зависимости от вида преступления, в результате которого причинен такой вред, и от того, имущественные или неимущественные права нарушены [17, с. 9]. Так, по мнению Ю. Денисова, целесообразно наделять потерпевшего возможностью требовать компенсации морального вреда за совершение любого преступления, а иски о компенсации морального вреда рассматривать как средство предупреждения преступности [5, с. 3].

Такое мнение представляется небесспорным, поскольку компенсация морального вреда – это мера гражданско-правовой ответственности, и основания ее применения определяются нормами гражданского законодательства. Согласно общему правилу, закрепленному в ст. 151 ГК РФ, а также в п. 2 ст. 1099 ГК РФ [3], требовать компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав возможно лишь в случаях, предусмотренных законом.

На основании данных норм в судебной практике четко укоренился подход, согласно которому компенсация морального вреда, причиненного преступлением против имущественных благ, невозможна. Его формированию также способствовала соответствующая позиция Верховного Суда РФ [14], которая была воспринята нижестоящими судами. Так, Московский городской суд в одном из определений указал, что законодательство не содержит указаний на возможность компенсации морального вреда, причиненного преступлением, где объектом преступления является исключительно имущество, иные материальные блага, и не затрагивается такой объект преступного посягательства, как личность, в связи с чем в соответствии с требованиями закона на осужденного за корыстное преступление не может быть возложена обязанность денежной компенсации морального вреда [1].

Между тем такая позиция представляется не вполне справедливой по следующим соображениям.

Во-первых, согласно разъяснению, данному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые

вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [7], моральный вред может выражаться среди прочего в переживаниях, связанных с невозможностью продолжения активной общественной жизни, временным ограничением или лишением каких-либо прав. Приведенная формулировка не позволяет ответить на вопрос, почему данные последствия не могут возникать при причинении имущественного вреда.

Во-вторых, не вызывает сомнения тот факт, что в результате многих имущественных деликтов потерпевшим причиняются душевные страдания. Например, всежитое в течение жизни имущество похищено (ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [20]), водитель, работающий на личном автомобиле, лишается его по причине угона (ст. 166 УК РФ), в результате мошеннических действий граждан утрачивает право собственности на единственное жилье (ст. 159 УК РФ). В приведенных ситуациях очевидно, что лица будут нести не только имущественные потери, но и испытывать определенные переживания ввиду возникших сложностей в удовлетворении обычных потребностей, моральные страдания, чувство горя, гнева, бессилия и отчаяния, состояние незащищенности, унижение собственного достоинства, связанное с невозможностью обеспечения достойного существования себе и своей семье. Однако если данные преступления не сопряжены с посягательством на личность, компенсация морального вреда не допускается.

В то же время законодатель предусматривает ряд исключений, устанавливающих возможность компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав. К ним относятся, в частности, федеральный закон «О рекламе» [9], в п. 2 ст. 38 которого установлена возможность лица, права и интересы которого нарушены распространением ненадлежащей рекламы, обратиться в суд, в т.ч. с требованием компенсировать моральный вред. Статья 6 федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [10] также определяет право туриста на компенсацию морального вреда в случае невыполнения условий договора о реализации туристского продукта туроператором или турагентом. Аналогичное право принадлежит и потребителю при нарушении его прав и наличии вины причинителя вреда (ст. 15 закона РФ «О защите прав потребителей» [8]).

В связи с этим резонно возникает вопрос: почему изготовители и продавцы товаров ненадлежащего качества, туроператоры и турагенты, нарушающие договорные обязательства, несут повышенную ответственность, компенсируя моральный вред, а лица, совершившие преступления имущественного характера, освобождены от такой обязанности? И.А. Михайлова справедливо указывает на несопоставимость тяжести и длительности психических страданий, вызванных приобретением некачественного товара, с переживаниями тех, кто утратил свое имущество в результате хищения [6, с. 54]. Действительно, не вполне понятно, из каких соображений исходил законодатель при регламентации данных вопросов.

Кроме того, речь в приведенных исключениях идет, как правило, о гражданско-правовых деликтах, а не о преступлениях, имеющих, как известно, большую степень общественной опасности и вредоносности. Если следовать логике законодателя и разъяснениям высших судебных инстанций, то налицо парадокс: гражданин может испытывать нравственные и физические страдания в связи с посягательством на имущественные права только тогда, когда об этом говорит закон. То есть фактически законодатель наделен правом решать, когда и в каких случаях гражданину можно испытывать страдания, а в каких нельзя. Такой подход представляется чрезмерно формальным, не учитывающим вариативности жизненных обстоятельств и особенностей каждой личности.

Однако сложившаяся практика иллюстрирует восприятие судами именно данного формального подхода, и при рассмотрении исков о компенсации морального вреда, причиненного имущественным деликтом, суды фактически не углубляются в исследование обстоятельств дела. Характерным примером может послужить гражданское дело, рассмотренное Ленинским судом г. Краснодара. Суть спора сводилась к тому, что истец (пенсионер) требовал от заемщика возврата суммы, переданной по договору займа, и компенсации морального вреда. Данные требования были обоснованы тем, что он вложил все свои накопления (два миллиона рублей) в строительство квартиры в многоквартирном доме. Заемщик, он же застройщик, свои обязательства не исполнил: дом не построил, предмет займа не возвратил. В исковом заявлении истец отмечал, что ответчик постоянно вводил его в заблуждение относительно перспектив строительства дома, в сложившейся ситуации он испытывает нравственные страдания, его охватывает чувство длительного душевного угнетения, он переживает, нервничает, поскольку рушатся надежды его семьи на благополучное будущее, ограничивается его право на более достойную жизнь. Разрешая спор по существу, суд указал, что «в удовлетворении исковых требований о взыскании компенсации морального вреда суд считает обоснованным отказать, т.к. ст. 151 ГК РФ предусмотрена компенсация морального вреда в случае нарушения личных неимущественных прав гражданина. В данном случае между сторонами возникли обязательственные отношения по договору целевого займа, и компенсация морального вреда законом не предусмотрена» [21, с. 25].

Еще большие сомнения в обоснованности вызывает решение Рубцовского районного суда Алтайского края по делу № 2-434/2012. Истец обратился в суд с требованием к ответчику о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда. Данные требования основаны на том, что ответчик совершил преступление – поджог принадлежащего истцу аила, за что был осужден по ч. 2 ст. 167 УК РФ, приговор вступил в законную силу. При этом доказывая причинение морального вреда, истец ссылался на то, что в результате преступления он испытывает глубокие нравственные

страдания и душевные переживания, т.к. во время поджога аила в нём спала его несовершеннолетняя дочь, закрытая снаружи на замок, которая могла погибнуть; он не может отремонтировать дом; ухудшилось его здоровье, находится в нервном напряжении, переживает, плохо спит по ночам, принимает лекарственные средства. Отказывая в удовлетворении требования о компенсации морального вреда в полном объеме, суд указал, что ответчик нарушил имущественные права истца, в данном случае ни гражданское, ни иное законодательство не содержит указаний на возможность компенсации морального вреда [15].

Вместе с тем в практике встречаются и единичные противоположные примеры. Так, истец обратился в Никулинский районный суд г. Москвы с иском о взыскании с ответчика материального ущерба и морального вреда, причиненного преступлением. Ответчик имитировал дорожно-транспортное происшествие с участием истца и путем обмана, сформировав у него ошибочное представление о его виновности, завладел суммой в размере 260 000 руб. Ответчик осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Причиненный данным деянием моральный вред истец оценил в 300 000 рублей и обосновал его тем, что он был лишен возможности уехать с семьей в отпуск, в результате действий ответчика в семье сформировался тяжелый морально-психологический климат, что сказалось на состоянии здоровья. Суд указал, что в соответствии с действующим законодательством одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя, которая установлена приговором суда, и, учтя требования разумности и справедливости, пришел к выводу о соразмерной компенсации морального вреда в размере 10 000 рублей [16]. Примечательно, что в анализируемом решении вопрос о характере совершенного деликта вообще оставлен судом без внимания.

В приведенных примерах отчетливо видно отсутствие единообразия в подходе к вопросу о возможности компенсации морального вреда, причиненного имущественным деликтом. Полагаем, что в силу сложности и многоаспектности социальных взаимосвязей заранее определить и закрепить в законе конкретные сферы общественных отношений, в которых гражданину могут быть причинены нравственные и физические страдания, невозможно. Поэтому исходить нужно не из квалификации деликта в качестве имущественного или неимущественного, а из того влияния, которое он оказал на личность потерпевшего. Наиболее точно по данному вопросу высказался И.А. Сухаревский, отметивший, что «в случае причинения неимущественного вреда при совершении имущественных преступлений важно не благо, на которое совершено посягательство, а результат, насколько он отразился на внутренней, душевной сфере потерпевшего» [18, с. 13].

Жалобы о проверке соответствия Конституции РФ ст. 151 и 1099 ГК в той мере, в какой их толкование правоприменительной практикой исключает взыскание компенсации морального вреда в случае причинения

нравственных страданий гражданам, потерпевшим от преступлений, связанных с хищением их имущества, неоднократно подавались в Конституционный Суд РФ. Всякий раз отказывая в принятии к рассмотрению данных жалоб, Конституционный Суд РФ излагал весьма интересные правовые позиции по существу анализируемой проблемы. Так, в Определении от 16 октября 2001 г. № 252-О указано, что «отсутствие в законе прямого указания на возможность компенсации морального вреда по конкретным правоотношениям не всегда означает отсутствие права на такую компенсацию у потерпевшего. Положения ст. 151 ГК РФ не исключают возможности денежной компенсации морального вреда, причиненного деяниями, ущемляющими имущественные права гражданина» [13]. Развивая данную мысль, в Определении от 6 июня 2016 г. Конституционный Суд РФ отметил, что «один лишь факт квалификации совершенного преступления как посягающего на имущественные права не предопределяет отказ в компенсации морального вреда лицу, которому преступлением были причинены физические и (или) нравственные страдания» [11]. В последнем Определении от 27 марта 2018 г. № 642-О суд, не высказываясь по существу вопроса об основаниях компенсации морального вреда, лишь указал, что «установление факта нарушения в результате совершения преступления личных неимущественных прав гражданина либо посягательства на принадлежащие гражданину нематериальные блага к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации не относится» [12].

Изложенные правовые позиции иллюстрируют, что Конституционный Суд РФ признает саму возможность причинения морального вреда деянием имущественного характера и, следовательно, предъявления требования о его компенсации. Думается, что формированию такой позиции во многом способствовала и сложившаяся по данной категории дел практика Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, ЕСПЧ). Примером одного из последних прецедентов Европейского Суда о компенсации морального вреда за нарушение имущественных прав является дело «Пчелинцева и другие против Российской Федерации». Дело было инициировано пятью жалобами, объединенными в одно производство, поскольку все заявители являлись добросовестными приобретателями квартир в г. Москве. Но впоследствии квартиры были истребованы государственными органами, поскольку сделки по их отчуждению были совершены мошенническим путем. ЕСПЧ указал, что «заявители испытали страдание и разочарование в связи с лишением их имущества. Оценивая указанные обстоятельства на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителям по каждой жалобе 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда» [4].

Однако до настоящего времени изложенные правовые позиции Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека правоприменительной практикой не восприняты. Несмотря на их перспективность и справедливость, они не могут служить правовым обоснованием принимаемых судами решений. Поэтому можно с уверенностью предположить, что в условиях отсутствия четких законодательных предписаний в судебной практике будут продолжаться встречаться противоположные подходы. При этом суды, отказывая в компенсации морального вреда, причиненного в результате имущественного преступления, обоснованно могут ссылаться на то, что никакое судебное толкование (пусть даже и Конституционного Суда РФ) не может не соответствовать воле законодателя, в противном случае имеет место нарушение принципа разделения властей, поскольку суд наделяет себя несвойственными законодательскими функциями.

Невозможно без судебного исследования определить наличие или отсутствие морального вреда, т.е. заранее квалифицировать ту или иную жизненную ситуацию как исключаящую нарушение неимущественных прав гражданина. Это должен решать суд, исходя из конкретных фактических обстоятельств, оценивая соответствующие доказательства, представляемые сторонами. Поэтому полагаем целесообразным законодательно закрепить право суда определять факт причинения гражданину морально-нравственных страданий ввиду нарушения его имущественных прав, а также принимать решение о его компенсации при наличии необходимых условий гражданско-правовой ответственности.

Решение данного вопроса имеет серьезное значение и для правоохранительной деятельности. Современное правовое регулирование и противоречивая правоприменительная практика не позволяют дать однозначный ответ на вопрос, обязан ли следователь, расследующий уголовное дело имущественного характера, принимать от заявителя гражданский иск о компенсации морального вреда. А если он приобщил такой иск к материалам уголовного дела, должен ли он предпринимать меры по обеспечению данного иска?

Изложенное свидетельствует о целесообразности внесения изменений в действующее законодательство, регулирующее вопросы компенсации морального вреда. Полагаем, что в ст. 151 и 1099 ГК РФ необходимо предусмотреть правило, согласно которому при нарушении имущественных прав гражданина моральный вред может быть компенсирован при доказанности причинения данным фактом нравственных и физических страданий. Такое положение снимет необоснованное ограничение права гражданина на компенсацию морального вреда, причиненного имущественным деликтом, и в полной мере будет способствовать реализации конституционного положения о праве каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 19 октября 2016 г. по делу № 10-15879/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Дело «Пчелинцева и другие (Pchelintseva and Others) против Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Европейского Суда по правам человека от 17 ноября 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Денисов Ю. Компенсация морального вреда и возмещение ущерба как средство предупреждения преступлений // Законность. 2006. № 9. С. 2-4.
6. Михайлова И.А. Способ судебной защиты права собственности // Право собственности: вопросы теории и практики: сборник мат-лов межкафедр. семинара. Рязань, 2001. С. 52-55.
7. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 // Российская газета. 1995. 8 фев. № 29.
8. О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
9. О рекламе: федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
10. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2016 г. № 1171-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гайнуллина Рената Гумеровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 151, 1064 и 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 642-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щигорца Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2001 г. № 252-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12 июля 2000 г. № 512п00пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 3.
15. Решение Рубцовского районного суда Алтайского края от 24 сентября 2012 г. по делу № 2-434/2012. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IDuDv7p2g05w> (дата обращения: 15.04.2018).
16. Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 30 августа 2012 г. по делу № 2-5015/12. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IDuDv7p2g05w> (дата обращения: 12.04.2018).
17. Супрун С.В. Компенсация морального вреда, причиненного преступлением против собственности // Российский судья. 2010. № 4. С. 9-10.
18. Сухаревский И.А. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 22 с.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
21. Упоров И.В. Моральный вред в результате нарушения договора имущественного характера: правомерна ли постановка вопроса о его компенсации? // Гражданское право. 2017. № 4. С. 24-26.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» ЗА 2018 ГОД

История государства и права

Беденков В.В. Теоретико-правовые проблемы воспитания обыденного правосознания в России (№ 2 (22), с. 7-10).

Глазунов Д.А., Моисеев С.В. Депутатский корпус Синьцзяна: правовая, национальная и социальная характеристика (начало XXI в.) (№ 1 (21), с. 7-12).

Гончаров Ю.М. Регламентация расторжения брака по российскому законодательству XIX – начала XX в. (1 (21), с. 13-18).

Грибанов Д.В., Коваленко К.Е., Коваленко Н.Е. Исторические факторы формирования правосознания в российском обществе (№ 2 (22), с. 11-14).

Красилов О.В., Мананников С.В. Лыжная подготовка в советских органах внутренних дел в 30-60-е гг. XX в. (№ 2 (22), с. 15-19).

Курсакова Е.Н. Образование промышленной милиции на Алтае в 1920-1921 гг. (№ 3 (23), с. 20-24).

Лен К.В. Юбилей российской полиции. «Выученные уроки прошлого» (№ 1 (21), с. 19-22).

Лоос Е.В. Защита чести и достоинства граждан по советскому законодательству (№ 1 (21), с. 23-29).

Моисеев С.В. Следствие по делу о сдаче русскими войсками японцам крепости Порт-Артур (по материалам и извлечениям из «Дела о сдаче крепости Порт-Артур японцам в 1904 г.», составленным В.А. Апушкиным) (№ 3 (23), с. 25-28).

Москвитин Ю.Н. Проблемные вопросы организации полицейского управления в городе Новониколаевске Алтайского округа Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Померлян А.Н., Санин В.Е. Руководство жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (1893-1917 гг.) (№ 2 (22), с. 27-32).

Суверов Е.В., Фризен П.Д. Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (№ 3 (23), с. 29-32).

Шатилов С.П., Шатилова О.А. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности судов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) (№ 2 (22), с. 33-38).

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

Абызов Р.М., Абызова Е.Р. Об информационной составляющей гражданского общества (№ 1 (21), с. 30-34).

Анохин Ю.В. Учение А.С. Мордовца о социально-юридическом механизме обеспечения прав человека и гражданина (№ 2 (22), с. 53-57).

Гадельшин Р.И. О подходах к определению понятия политики национальной безопасности (№ 1 (21), с. 35-41).

Галиев Р.С., Козлова А.А. Универсальные международные межправительственные организации как институциональная основа сотрудничества государств в противодействии преступности (№ 3 (23), с. 7-12).

Данелян Р.Н. Развитие учения о праве сотрудников органов внутренних дел на жилище в отечественной юридической науке (№ 2 (22), с. 39-44).

Игнатовская И.И., Деминова В.Ю., Горовой С.А. Актуальные проблемы доказывания налоговых преступлений (№ 3 (23), с. 13-19).

Менщикова Г.А. К вопросу о государственной политике Российской Федерации в сфере охраны русского литературного языка (№ 1 (21), с. 42-47).

Репьев А.Г. Взгляд на равноправие и преимущества в законодательстве с позиции ценностного подхода и человеческого измерения (перечитывая профессора А.С. Мордовца) (№ 2 (22), с. 58-63).

Синкин К.А. Нравственные основания консервативной идеологии как основа общественного порядка (№ 1 (21), с. 48-51).

Фазлиева Л.К., Ахмадиева Э.Э. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека (№ 2 (22), с. 45-48).

Чесноков А.А. Конфликт правовых ценностей как фактор эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина (№ 2 (22), с. 64-67).

Юнусов А.А., Юнусов М.А., Водопьянова М.В. Методология принципа справедливости в праве (№ 1 (21), с. 52-55).

Юнусов А.А., Юнусов С.А., Алимов А.А. Роль принципа справедливости в обеспечении безопасности государства (№ 2 (22), с. 49-51).

Юрицин А.А. Типичные телеологические проблемы юридической техники при реализации правотворческой власти (№ 1 (21), с. 56-60).

Административное право и административный процесс

Анохина С.Ю. К вопросу о проблемах квалификации мелкого хулиганства (№ 3 (23), с. 33-37).

Бачурин А.Г. Административный запрет на участие в публичных мероприятиях (№ 2 (22), с. 68-73).

Верхогляд Я.Е. Некоторые аспекты совершенствования административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности (на примере ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ) (№ 3 (23), с. 38-42).

Головки В.В. Органы внутренних дел как субъекты исполнения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения (№ 2 (22), с. 74-78).

Гришаков А.Г. Административная деятельность участкового уполномоченного полиции по противодействию незаконному потреблению и обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (№ 3 (23), с. 43-49).

Давыдов М.В., Харыбин А.Ю. Проблема исчисления срока доставления в рамках производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции (№ 2 (22), с. 79-82).

Елфимова Е.В., Никонова Ю.Ш. К вопросу об обоснованности принятия решения о проведении административного расследования по отдельным составам административных правонарушений (№ 1 (21), с. 61-65).

Кузнецова Л.В. Организация подготовки кадров в образовательных организациях высшего образования МВД России (историко-педагогический аспект) (№ 1 (21), с. 66-70).

Нудель С.Л., Зайцев И.А. Особенности возбуждения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением организации либо проведения публичных мероприятий (части 1 и 2 статьи 20.2 КоАП РФ) (№ 3 (23), с. 50-55).

Равнюшкин А.В. Имплементация рекомендаций Совета Европы о защите женщин от насилия в российское административное законодательство: проблемы и перспективы (№ 2 (22), с. 83-88).

Равнюшкин А.В. Об административно-юрисдикционных полномочиях некоторых должностных категорий сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации (№ 2 (22), с. 89-94).

Равнюшкин А.В. Коллегиальный принцип принятия в территориальных органах МВД России на районном уровне решения о постановке на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих (№ 1 (21), с. 71-76).

Ульрих С.А., Ковалёв В.В., Каширский Д.Ю. О проблемных аспектах административной ответственности водителей транспортных средств (№ 1 (21), с. 77-82).

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Богомолова К.И., Касаев И.Х. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению преступлений, связанных с иностранцами (№ 1 (21), с. 83-86).

Ботвин И.В. Характеристика преступности лиц без постоянного источника дохода (по материалам Алтайского края) (№ 1 (21), с. 87-91).

Буткевич С.А. Этнополитический экстремизм в Республике Крым: историческая ретроспектива и современные реалии (№ 3 (23), с. 56-61).

Волчкова А.А., Креховец А.В. Сравнительно-правовой анализ основных мер уголовно-правового воздействия по действующему российскому уголовному законодательству и уголовному законодательству ряда стран Африки (на примере Республики Гвинея-Бисау и Республики Мозамбик) (№ 3 (23), с. 62-67).

Гулиева Н.Б. Уголовно-правовая защита чести и достоинства верующих, доброго имени религиозных организаций (№ 3 (23), с. 68-71).

Демидова-Петрова Е.В. О корреляции теории и практики в предупреждении преступности несовершеннолетних (№ 2 (22), с. 95-98).

Заварыкин И.Н. К вопросу о предупреждении преступлений и иных правонарушений, направленных на участников и гостей чемпионата мира по футболу FIFA 2018 (№ 1 (21), с. 92-94).

Карпов К.Н., Николаев К.Д. Квалификация причинения побоев (ст. 116 УК РФ) (№ 2 (22), с. 99-105).

Комарикова С.А. Социально-правовые предпосылки криминализации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших причинение средней тяжести вреда здоровью (№ 2 (22), с. 106-110).

Малетина М.А. Соотношение понятий «доведение» и «склонение» в составах о самоубийствах несовершеннолетних по российскому уголовному законодательству (№ 1 (21), с. 95-98).

Мартыненко С.В. Причины молодежного экстремизма в мировой сети Интернет и его профилактика (№ 2 (22), с. 111-114).

Петренко Н.И., Яхитас Т.М. Коррупция: понятие и признаки, тенденции проявления, современное состояние и проблемы противодействия (№ 3 (23), с. 72-76).

Плаксина Т.А. Ответственность за побои в свете предполагаемого введения в закон понятия уголовного проступка (№ 2 (22), с. 115-119).

Репьев А.Г., Репьева А.М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) (№ 3 (23), с. 77-81).

Сумачев А.В. Уголовная ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в сфере выездного туризма (№ 1 (21), с. 99-102).

Харламов В.С. Корреляция преступного насилия современной российской молодежи и криминогенности семьи (№ 3 (23), с. 82-87).

Штаб О.Н. Проблемы определения официального документа как предмета преступления, предусмотренного ст. 325 УК РФ (№ 2 (22), с. 120-124).

Щеглов А.И. Роль профилактического учета, осуществляемого участковыми уполномоченными полиции, в противодействии незаконному потреблению наркотических средств (№ 3 (23), с. 88-92).

Уголовный процесс, криминология, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

Аксенова Л.Ю., Соколов А.Б. Особенности подготовки к производству обыска по делам о налоговых преступлениях (№ 3 (23), с. 93-98).

Белицкий В.Ю. Личностные особенности лиц, потерпевших от мошенничества (№ 1 (21), с. 103-108).

Бойко Ю.Л. К вопросу о необходимости выделения особенностей в структуре методик расследования отдельных видов и групп преступлений (№ 2 (22), с. 125-128).

Брызгалов Г.Е. Механизм преступления при хищении денежных средств, совершаемом с использованием вредоносных компьютерных программ (№ 3 (23), с. 99-104).

Буряков Е.В. Методика осмотра места безвестного исчезновения граждан (№ 2 (22), с. 129-132).

Журавлева Н.М. Институт дознания в сокращенной форме: некоторые вопросы законодательного регулирования и практики применения (№ 1 (21), с. 109-113).

Ильина И.Я. Механизм преступления при розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции (№ 2 (22), с. 133-138).

Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В. «За» и «против» двойственной позиции защитника в уголовном судопроизводстве: позиции, мнения, взгляды (№ 3 (23), с. .

Луговик В.Ф. Ведомственная кодификация в сфере оперативно-разыскной деятельности: устав или положение (№ 1 (21), с. 114-117).

Огурцов А.Е., Личко Д.И. К вопросу о сотрудничестве в сфере специального сопровождения оперативно-разыскной деятельности (№ 2 (22), с. 139-141).

Поляков Н.В. О некоторых способах незаконного транзитирования денежных средств при осуществлении незаконной банковской деятельности (№ 2 (22), с. 142-146).

Попова Е.И. Принцип компромисса – принцип реализации криминалистических рекомендаций (№ 3 (23), с. 109-112).

Соколов А.Б. Назначение судебных экспертиз по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (№ 1 (21), с. 118-122).

Шашин Д.Г. К вопросу о прокуроре и дознавателе как потребителях результатов оперативно-разыскной деятельности (№ 3 (23), с. 113-119).

Шепель Н.В. О механизме формирования признаков почерка у лиц, имеющих медицинское образование, в целях установления профессиональной принадлежности исполнителя рукописи (№ 2 (22), с. 147-153).

Шеховцова Л.С. Отражение преступного поведения в ходе проверки показаний на месте (№ 3 (23), с. 120-124).

Шагапсоев З.Л., Карданов Р.Р. К вопросу о идентификации легковых транспортных средств, оснащенных новыми шинами, по следам протектора (№ 2 (22), с. 154-157).

Гражданско-правовые отношения

Бублик И.Г. О правовой квалификации односторонних актов предоставления (№ 1 (21), с. 123-125).

Ваймер Е.В., Чибисов Н.А. К вопросу о практике применения гражданско-правовых норм в налоговых спорах, а также экономическое измерение уголовной амнистии (№ 3 (23), с. 125-129).

Ворсин Д.А., Заварыкин И.Н. К вопросу о региональном законодательстве в сфере обеспечения государственной политики в области экологического развития Российской Федерации (№ 3 (23), с. 130-133).

Ибрагимов Ж.И., Воронина С.В. Административные меры защиты имущественных прав несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан (№ 3 (23), с. 134-138).

Кочнева А.А. Методологические предпосылки исследования феномена абсолютных правоотношений в контексте частного права (№ 2 (22), с. 158-162).

Радонова А.В. Региональная социальная политика и её правовое обеспечение в Алтайском крае (2000-2010 гг.) (№ 3 (23), с. 139-141).

Тхабисимова Л.А., Урумов А.В. Нетрадиционные источники гражданского права (№ 2 (22), с. 163-166).

Федоренко Г.Б. О некоторых проблемах терминологии и переизбытка норм в правовом регулировании трудовой миграции в Российской Федерации (№ 2 (22), с. 167-170).

Филиппова Т.А., Коваленко Е.Ю., Легеза Е.Ю. Исполнение кредитного договора: актуальные вопросы теории и практики (№ 3 (23), с. 142-148).

Хужин А.М., Першина И.В. О единстве подходов к защите прав потребителей финансовых услуг (№ 1 (21), с. 126-131).

Чазымов М.Р., Мусабаева Н.А. Самовольная постройка как один из способов приобретения права собственности на земельный участок (№ 2 (22), с. 171-174).

Шмелева М.В. Развитие законодательства в сфере государственных закупок с позиций контрактной правовой политики (№ 1 (21), с. 132-138).

Якадин Д.Д. Юридическое делегирование в сфере частного права (№ 1 (21), с. 139-143).

**ПАМЯТИ УЧЕНОГО.
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ МОРДОВЕЦ**

23 октября 2018 г. скоропостижно скончался доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации полковник милиции в отставке Александр Сергеевич Мордовец.

Профессор А.С. Мордовец был известным в России ученым и педагогом, одним из ведущих специалистов в области теории права и государства. В рамках научных исследований им выполнена серия знаковых и фундаментальных работ по изучению проблем механизма правового регулирования, обеспечения прав человека.

Доктор юридических наук, профессор полковник милиции в отставке Александр Сергеевич Мордовец родился 18 июня 1948 г. Свою педагогическую деятельность начал в 1977 году на кафедре государственно-правовых дисциплин Рязанской высшей школы МВД СССР. В 1983 г. под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР В.М. Чхиквадзе защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гуманизм как принцип юридической ответственности в советском праве». После защиты последовательно прошел путь от старшего научного сотрудника лаборатории по исследованию проблем перевоспитания осужденных Рязанской высшей школы МВД СССР до начальника кафедры теории и истории государства и права Саратовского юридического института МВД России, посвятив преподаванию юридических дисциплин более 40 лет.

Как начальник кафедры А.С. Мордовец особое внимание уделял воспитанию молодых кадров, приобщению их к активной педагогической и научной деятельности.

В 1997 году, одним из первых применив институциональный подход к исследованию правовой действительности, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина». Тогда же ему было присвоено ученое звание профессора и фактически началось формирование научной школы в сфере теории прав человека, которую развивали не один десяток учеников в Москве, Санкт-Петербурге, Барнауле, Нижнем Новгороде, Пензе, Самаре, Саратове и других городах России. Научные идеи Александра Сергеевича, его стиль творческого мышления сыграли решающую роль в формировании и становлении ученых-теоретиков БЮИ МВД России, многие из которых уже имеют своих учеников.

Своим высочайшим профессионализмом, работоспособностью, преданностью избранному делу Александр Сергеевич заслужил непререкаемый авторитет среди многочисленных коллег и обучающихся. Им опубликовано свыше 100 научных и учебно-методических работ.

Яркое научное дарование, воспитательная и педагогическая деятельность А.С. Мордовца внесли достойный вклад в развитие отечественной правовой науки. Его многолетний и добросовестный труд был отмечен государственными и ведомственными наградами.

Светлая память об Александре Сергеевиче Мордовце навсегда сохранится в наших сердцах.

*Коллеги, ученики, соратники...
Ю.В. Анохин, А.А. Чесноков, А.Г. Репьев*